

Луи Буссенар

Ледяной ад

Луи Анри Буссенар

Ледяной ад

Серия «Капитан Сорви-голова», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125572

Аннотация

«Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба, где сияет великолепное весеннее солнце. Раскрываются первые почки, разворачиваются цветочные венчики, и в прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете!

Да, хорошо жить в двух шагах от великолепного Сен-Жерменского леса, в цветущих виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться от сутолоки большого города, наслаждались этим поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандье, уже две недели как поселившаяся на вилле Кармен.

На календаре было 25 апреля, 8 часов утра...»

Содержание

Часть I. Преступление в Мезон-Лафите	6
Глава I	6
Глава II	18
Глава III	25
Глава IV	34
Глава V	45
Глава VI	56
Глава VII	64
Глава VIII	75
Глава IX	86
Часть 2. Гнездо самородков	97
Глава I	97
Глава II	108
Глава III	116
Глава IV	125
Глава V	136
Глава VI	144
Глава VII	155
Глава VIII	165
Глава IX	174
Глава X	183
Часть 3. «Мать золота»	196
Глава I	196

Глава II	206
Глава III	215
Глава IV	222
Глава V	234
Глава VI	242
Глава VII	248
Глава VIII	255
Глава IX	262
Заключение	267

Луи Буссенар

Ледяной ад

Текст создан по изданию: Буссенар Л. Полное собрание романов Луи Буссенара. – Спб.: Кн. Изд. П. П. Сойкина, 1911 г. – с исправлениями в соответствии с нормами современного русского языка.

* * *

Часть I. Преступление в Мезон-Лафите

Глава I

Ужасный контраст. – Таинственное письмо. – Шантаж. – 50 тысяч франков или смерть. – Полицейский агент. – Княгиня ожидает. – Потерянная нить. – Дьявольская ловкость. – Лошадь без всадника. – Последняя угроза. – Зарезанный человек. – Красная звезда. – Самоубийство.

Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба, где сияет великолепное весеннее солнце. Раскрываются первые почки, разворачиваются цветочные венчики, и в прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете!

Да, хорошо жить в двух шагах от великолепного Сен-Жерменского леса, в цветущих виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться от сутолоки большого города, наслаждались этим поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандье, уже две недели как поселившаяся на

вилле Кармен.

На календаре было 25 апреля, 8 часов утра.

Глава семьи, высокий и красивый мужчина, лет сорока пяти, с непокрытой головой, потным лбом и багровыми щеками, нервно шагал по большой конторе, из окон которой были видны рощицы, лужайки и аллеи хорошо расчищенного английского сада. На маленьком столике стояла нетронутая чашка с чаем. Забыв о ней, хозяин дома тяжело вздыхал, произносил бессвязные слова, стискивал зубы и ломал руки. Видно было, что у него страшное горе.

Между тем в дверь постучали.

– Войдите!

Вошел слуга с подносом, на котором грудую лежали журналы, письма и газеты, и произнес:

– Почта барину!

– Хорошо, благодарю, Жермен!

Едва слуга успел выйти, как господин его наклонился над подносом, порылся в корреспонденции и нашел крепкий квадратный конверт из толстой бумаги желтоватого цвета, на котором вместо печати была красная звезда с пятью лучами. При виде его он испустил глухой стон, побледнел еще больше и с дрожью в руках, в ужасе пробормотал прерывающимся голосом:

– Красная звезда!.. Ах! Я погиб... это седьмое... последняя!..

Трепетавшие пальцы разорвали конверт, и оттуда выпа-

ло письмо, также с красной звездой. После минутного убийственного молчания он произнес глухим голосом:

– Денег!.. Они хотят денег... огромную сумму... а я разорен... не имею кредита... эта роскошь только показная... Но они не хотят верить... и грозят умертвить моих детей!.. дорогих, любимых, которых так долго охраняла моя любовь. Да, они убьют всех... они перережут всех... если я не дам денег... И сегодня последний срок!.. Но денег у меня нет... и попытки мои... вернуть их... убили мой кредит... ускорили мое разорение... Вот!.. Я был добр... честен... доверчив... Ах!.. Теперь я расплачиваюсь за это.

Между тем, в то время как господин этот предавался наедине своему горю, из соседней комнаты через открытое окно ворвалось несколько фортепьянных аккордов. В саду, в кустах, малиновки, яблочки и соловьи заводили свои трели. Бабочки упивались нектаром первых цветов. И очарование, разлитое в природе, составляло такой резкий контраст с отчаянием этого человека, что несчастный не мог удержаться от рыданий. Вскоре, однако, устыдившись своей слабости, он протяжно вздохнул и сказал вполголоса:

– Надо с этим покончить! – и порывисто нажал кнопку электрического звонка.

Тотчас же явился слуга.

– Там есть кто-нибудь? – спросил господин Грандье.

– Да, какой-то человек дожидается уже добрую четверть часа!

– Введите его немедленно!

Вошел незнакомец, еще молодой, среднего роста, с живым, пронизательным взглядом и просто одетый. Лицо его свидетельствовало об уме и решительности.

– Это вы – агент, присланный полицейской префектурой? – спросил господин Грандье после короткого поклона.

– Да, сударь!

– Как поздно вы явились!.. Если бы вы знали, с каким нетерпением я ждал вас!

– Я был в отлучке и немедленно по получении депеши отправился к вам, даже не заходя домой.

– Вы меня спасете?

– Постараюсь сделать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что я буду состоять при вас в качестве официально-го лица... чтобы содействовать Версальскому суду... так как мы уже не в департаменте Сены!

– Справитесь ли вы?

– Вы увидите это на деле; на всякий случай я приглашу еще двух товарищей. Но прежде познакомьте меня с сутью дела!

– Читайте это письмо: оно объяснит вам все!

Агент взял письмо, пощупал бумагу, взгляделся в почерк и прочел вполголоса:

«Милостивый государь!

Пишу вам в седьмой и последний раз. В седьмой и последний раз повторяю вам: вы богаты, а мне нужны

деньги. Направляю на вас это письмо, как пистолет, и говорю: кошелек или жизнь!.. Пятьдесят тысяч франков или я убью вас, умиртвив предварительно по одному всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти пятьдесят тысяч франков, чтобы сделать карьеру в Клондайке, этой золотой стране, где энергичные люди становятся миллионерами в несколько недель. И вы дадите их мне сегодня же!

Я предложил вам неделю, чтобы реализовать эту сумму, и такого срока в вашем положении совершенно достаточно.

Не пытайтесь меня обмануть или укрыться от меня. Я принял все меры предосторожности, я знаю час за часом все, что вы делали за эту неделю, и вы всецело находитесь в моей власти!

Вы ездили два раза в Версальский суд и раз в полицейскую префектуру. Вы приказали охранять свой дом ночью и днем, что является верхом глупости по отношению к человеку моего пошиба.

Но довольно болтать! Вы должны иметь пятьдесят тысяч франков... вы их имеете и вручите сегодня мне.

Вложите деньги в конверт и отдайте его лицу, которое ровно в полдень будет у опушки леса. В назначенный час мужчина в каштановой ливрее перейдет дорогу в десяти шагах от въезда в лес. Вы скажете ему: «Я – господин Грандье». Он ответит: «Княгиня ожидает», и вы вручите ему выкуп за себя и свою семью.

Может быть, вы попытаетесь задержать его. Это было бы глупо, так как он не соучастник мой и не отвечает за свою роль. Это наемник, считающий себя доставщиком политической корреспонденции. Во всяком случае, надо все предвидеть. Предупреждаю, что если вы измените мне, – в эту же ночь будет совершено убийство: я не отступлю ни перед чем и готов убить человека так же легко, как раздавить улитку.

Итак, в эту ночь я зарезу какого-нибудь гражданина этой страны. Для большей убедительности у него будет перерезано горло от одного уха до другого и вырезана ножом на коже левого виска моя эмблема – красная звезда.

Примите это к сведению!»

– Ну, что вы скажете на это? – спросил несчастный Грандье слабым голосом.

– Скажу, – отвечал с важностью агент, – что все это сводится к простому шантажу!

– Но эти страшные угрозы, повторяемые каждый день в течение целой недели?

– Шантаж, и все эти «красные звезды», бумага не обычного формата, сильные выражения этого письма, не соответствующие цели, – все это не больше, как театральные эффекты. Уверяю вас, сударь, мой полицейский нюх говорит, что вы имеете дело с простым мошенником, которого мы и поймаем... другого я ничего не могу предположить!

– А если...

– Я отвечаю за все; не беспокойтесь: никто не будет убит, об убийстве не кричат за целых двенадцать часов вперед!

– Что же делать?

– Положитесь на меня, вложить в конверт пятьдесят фальшивых билетов и отправиться в полдень на свидание с человеком в ливрее. Остальное – мое дело!

Уверенность полицейского ободрила господина Грандье, он начал оживать. Между тем агент продолжал:

– Сейчас девять часов. У меня как раз достаточно времени, чтобы переодеться и дать знать своим помощникам. Потом мы возьмем в руки нить дела я уже не выпустим ее!

– Делайте, как считаете нужным. Отдаю свою судьбу в ваши руки!

– И вы правы. То, что мы спасем вас, так же верно, как то, что мое имя Жерве!

И агент удалился, уверенный в успехе.

В назначенный час господин Грандье находился у опушки леса, тщетно отыскивая глазами агента. Он заметил верхового, по-видимому, внимательно изучавшего план леса. Только на минуту этот всадник кинул незаметный взгляд в его сторону, и Грандье скорее угадал, чем узнал в нем полицейского агента, поразительно удачно замаскировавшегося. Несколькими шагами далее какой-то субъект в коротком пиджаке и переднике пил из стакана у прилавка с винами; там же оставался железнодорожный служащий, державший под мыш-

кой небольшой пакет, похожий на почтовую посылку. Все трое, казалось, совершенно не знали друг друга.

С замиранием сердца господин Грандье услышал первый удар часов, бивших полдень. Он перешел дорогу в лес и увидел человека в ливрее, пересекавшего путь. Грандье приблизился к нему, держа письмо на виду, и проговорил:

– Я – господин Грандье!

– Хорошо! Княгиня ожидает! – ответил тот.

Не прибавив ни слова более, Грандье вручил ему письмо и повернулся. Незнакомец вежливо поклонился, опустил письмо в карман и направился по дороге в лес.

Между тем всадник успел уже сложить свою карту и очень ловко объехал таинственного посланника: известно, что самый верный и надежный прием выследить кого-нибудь – находиться впереди его. Железнодорожный служащий и таинственный субъект следовали на недалеком расстоянии от незнакомца, делая вид, что зевают по сторонам, а на деле готовые броситься на него. Тот шел уверенным шагом, с видом человека, имеющего спокойную совесть и средства к жизни. Таким образом он прошел около трехсот метров, пока не достиг места, где две дороги пересекались под прямым углом. На одной из них стоял лесник, держа за повод оседланную лошадь. Незнакомец остановился, обменялся с ним несколькими быстрыми словами, потом взял повод, вскочил в седло и помчался со скоростью поезда.

Жерве, полицейский агент, предвидел этот маневр и, пока

его помощники стояли в замешательстве, прищпорил свою лошадь и бросился ускоренным галопом преследовать беглеца. Последний, казалось, не мог ускользнуть от такого превосходного наездника, как Жерве, имевшего к тому же великолепного коня. Лесник же остался под присмотром Шелковой Нити и Бабочки – двух полицейских, переодетых одним работником, другой – служащим железной дороги.

Они добросовестно следили за подозрительным лесником и видели, как он направился к одной из тех решеток, какими отделяют охотничьи участки. Минут десять он шел вдоль решетки и, наконец, остановился перед маленькой железной дверцей, проделанной в палисаде. Он быстро отпер дверь ключом, проскользнул в нее, опять запер и скрылся во рву.

Одураченные таким неожиданным исходом дела, агенты двинулись вперед и приблизительно через полчаса вышли на лесную дорогу, благоустроенную, но совершенно пустынную.

– Постараемся сориентироваться и определить, где мы находимся! – сказал Бабочка, вынимая из кармана план леса.

Неровный лошадиный галоп отвлек его внимание и заставил поднять голову от плана; его товарищ тоже насторожился. Прямо на них скакала лошадь, вся покрытая пеной; повод был закинут ей на шею, а стремяна болтались по бокам. Инстинктивно они бросились наперерез ей, цепляясь за повод, за гриву и прилагая все силы, чтобы остановить обезумевшее животное. Когда это удалось наконец, то вопль горести

и ярости вылетел из их груди: они узнали лошадь, которую их начальник, Жерве, взял для себя за три часа перед этим!

Господин Грандье был немного успокоен полицейским агентом; хладнокровие последнего невольно внушало доверие. Он забыл беспокойство, мучившее его целую неделю, лег рано в постель и впервые за все восемь дней уснул крепким сном. В шесть часов утра его разбудил шум голосов. Лакей его разговаривал с садовником, исполнявшим в то же время должность привратника и жившим в домике близ решетки.

– Я говорю вам, Жермен, что письмо заказное, и его нужно передать барину во что бы то ни стало, как объявил человек, принесший его и чуть не оборвавший звонок!

– Подайте сюда, Жермен, подайте! – сказал Грандье, уже предчувствуя беду.

Ледяной холод проник ему в грудь: он заметил красную звезду, напечатанную на толстом конверте из желтой бумаги. Лихорадочно разорвав его, несчастный прочел следующие строки, ходившие ходуном перед его глазами:

«Вы обманули меня! Убедившись, что необходим труп, чтобы побудить вас к повиновению, я совершил этой ночью убийство, как и предупреждал. Отправляйтесь на улицу Св. Николая и вы увидите там мертвеца с моею печатью на левом виске. Завтра в полдень вы доставите мои пятьдесят тысяч франков или ваш сын погибнет будущей ночью.

Теперь вы знаете, что я держу свое слово!»

Поспешно, сам не сознавая, что делает, господин Грандье оделся и бросился по указанному адресу.

Вот и улица Св. Николая... Взволнованные люди суетятся, кричат... открывается дверь... растрепанная женщина испускает крики, хватаящие за душу... во дворе – беспорядок и отчаяние.

Жандарм прибегает в тот момент как Грандье, не сознавая, что он делает и говорит, входит в дом и произносит, почти задыхаясь.

– Я хочу видеть... труп!

Толпа расходится, а он входит в комнату, где рыдают какие-то люди, которых он даже не замечает. На постели, обогрившей кровью, лежит труп зарезанного, с большими открытыми глазами. Страшная рана пересекает его горло от одного уха до другого.

Похолодевший от ужаса, но словно влекомый неведомой силой, Грандье наклоняется над этим трагическим, застывшим лицом...

Левый висок исполосован ножом... линии разрезов изображают пятилучевую звезду...

– Красная звезда... – лепечет через силу несчастный. – Я также... я должен умереть!

Он оставляет комнату, толкая встречных и бегом возвращается на виллу Кармен; запыхавшись, входит в контору и запирается: там, потом, без всяких размышлений и выжиданий; берет лист бумаги и пишет трепещущей рукою:

«Разоренный, доведенный до отчаяния, не имея возможности удовлетворить требование бандитов, угрожающих погубить моих близких, я умираю, завещая детям мщение.

Ш. Грандье».

Перечитав эти слова, он склонил голову, открыл ящик бюро, вынул из него револьвер и приставил его к виску, потом решительно, без тени колебания, спустил курок.

Глава II

Два друга. – Ученый и репортер. – Поль Редон и Леон Фортен. – Как теперь убивают. – Кое-что о морских свинках. – Чудесное открытие. – Тайна золота. – Новый металл. – Леон Фортен хочет во что бы то ни стало иметь пятьдесят тысяч франков, чтобы стать повелителем золота. – Арест.

– Редон, дружище! Тебя ли я вижу? Вот приятный сюрприз! – вскричал Леон Фортен, увидев приятеля, входившего к нему в лабораторию, где он занимался какими-то опытами. Тот в свою очередь радостно приветствовал его.

Поль Редон был журналист или, вернее, репортер, но репортер высшего класса, действовавший по-английски и по-американски. Он владел даром разведчика и соединял чуткость, какой позавидовал бы любой полицейский, с удивительной ловкостью. Обладая небольшим состоянием, он работал, когда хотел, и получал большие деньги от влиятельных парижских журналов, ценивших его труды на вес золота.

Это был красавец лет двадцати пяти – двадцати шести, с темными волосами и бородой, с матовым, как у креола, цветом кожи и голубыми глазами, острыми и пронизательными.

Искусный во всех физических упражнениях, страстно любящий спорт, донельзя отважный, Поль Редон имел две оригинальные слабости: он всегда зяб, кутался целый год в меха и воображал в себе всевозможные хронические болезни.

Характер у него был прямой и честь незапятнана. Осмеивавший, по-видимому, все, он способен был увлекаться великими идеями. К этому надо добавить еще железную волю, какой нельзя было и подозревать в этом человеке, приходившем в ужас от сквозняков и не пропускавшем ни одного объявления о новоизобретенном средстве, исцеляющем все, даже воображаемые болезни.

С Фортенем они подружились еще детьми в заведении Св. Варвары и сохранили эту дружбу до зрелого возраста. Будучи одних лет со своим другом, репортером, Леон Фортен совершенно не походил на него ни морально, ни физически.

Этот здоровяк с широкими плечами и выпуклой грудью состоял как бы из одних мускулов и обладал силою атлета. Прекрасная и гордая голова его напоминала орлиные маски старых галлов, от которых достались ему в наследство большие, цвета морской воды, глаза, изящно обрисованный нос, красные губы и длинные усы. Сильный и смелый, как лев, взглянувший, казалось бы, хладнокровно даже на ниспровержение небес, он обладал мягкостью и добротой, привлекавшими к нему все сердца. По виду его можно было отнести, к героям и участникам громких приключений. Но в этом единственно его внешность была обманчива. Леон Фортен, сын, внук, правнук и т. д. по нисходящей линии, был потомком записных вояк. Однако, унаследовав от них внешность, он по профессии не имел с ними ничего общего – это был молодой и уже замечательный ученый. Да, замечательный,

оригинальный и, может быть, гениальный ученый, открытия которого, еще наполовину только известные, наделали много шума. Вся его жизнь сосредоточивалась на работе.

– Скажи же, что привело тебя в мое скромное убежище? – спросил он приятеля.

– Помилуй, неужели ты не знаешь, что в двух шагах от тебя совершено преступление?

– Преступление! Здесь! Странно!

– Скажи... необыкновенно, ошеломляюще! За время своей репортерской деятельности я повидал много убийств, и все они имели мотивы...

– А тебе известно, кто жертва?

– Да, погиб бедный, невинный человек, не имевший даже врагов; убит из каких-то необъяснимых побуждений... я бы даже сказал – из любви к искусству.

– Странно, – произнес Фортен задумчивым и печальным тоном, – как нынче мало ценится человеческая жизнь! Убивают, кромсают людей ни за что... не зная их... Да, есть люди, для которых пролить кровь себе подобного значит то же, что для меня – кровь моих бедных маленьких свинок!

– А ты еще мучишь индейских свинок?

– Увы, да!.. Я только что открыл новое анестезирующее средство, которое в будущем вытеснит хлороформ... Сейчас ты о нем ничего больше не знаешь!..

– И свинки страдают в ожидании, пока люди воспользуются им?

– Да!.. да!.. мой старый филантроп!

– Но покажи, что ты прячешь на этом столе!

– А это, голубчик, величайшее открытие! Видишь на столе эти опилки? Ну, так знай, что я сейчас произвожу опыты над новым металлом, открытым мною благодаря периодическому закону элементов великого русского химика Менделеева. Этот металл обладает способностью притягивать к себе золото, как магнит железо. Я смешивал здесь крошки различных металлов и приближал к ним кусок мною изобретенного. Тогда все крошки оставались в покое, а золотые притягивались к нему. Пойми, что если сделать из моего металла стрелку, наподобие магнитной, то золотые россыпи будут оказывать на нее такое же действие, как на магнитную – железо. Ведь с моим изобретением можно прибрать к рукам все залежи золота на земле. Для меня больше не существует тайны, скрывающей золото в недрах земли, и сокровища Клондайка, Юкона, Аляски принадлежат мне! Свой металл я назову «леониум». Ну что, веришь ты в мое открытие?

– Я восхищен им!

– Теперь мне нужно во что бы то ни стало пятьдесят тысяч франков. Необходимо начать в широких размерах исследования относительно леония, получить в достаточном количестве чистый металл и, когда все это будет кончено, организовать под большим секретом экспедицию в Клондайк.

– Вот это мне особенно по душе!

– Но подумай: я не мог найти ни единого су на это так

восхитившее тебя открытие.

– О глупость!.. Непроходимая глупость нашей денежной буржуазии!

– В Америке, где обращаются с деньгами не так идиотски, как у нас, я имел бы уже тысячу долларов! Напрасно я обращался к людям интеллигентным, – они не хотели даже выслушать меня. Если бы ты видел, что с ними происходило при словах «пятьдесят тысяч франков».

– Да, наша французская бережливость держится еще за старый шерстяной чулок!

– В отчаянии я отправился к богатому промышленнику Грандье, живущему на вилле Кармен, которого считал сторонником прогресса, способным отозваться на все оригинальное и великое. Он рассеянно выслушал меня, а когда я попросил пятьдесят тысяч франков, то он попросту указал мне на дверь, назвав меня сумасшедшим. Хотя в его оправдание надо заметить, что я изложил ему дело в несколько резкой форме и только впоследствии вспомнил, что он имел все права на мое уважение.

– Как это?! Какие права?

– Это маленькая тайна, которую ты узнаешь потом!

– Ну, если Грандье имел глупость тебе отказать, я ручаюсь, что ты получишь нужную сумму и в скором времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньем шпор, прервали беседу.

– Здесь! – произнес грубый голос у самой двери малень-

кой лаборатории, устроенной Фортемом в углу сарая.

– Он страшно силен, и вы должны находиться на расстоянии голоса, не дальше!

Раздалось два удара в дверь.

– Войдите! – отвечал молодой ученый удивленным тоном.

Дверь растворилась, и показался жандармский унтер-офицер. Он, не кланяясь, приблизился к Фортему и строгим голосом спросил:

– Вы – Леон Фортема?

– Да!

– Именем закона вы арестованы!

– Я? Но это бессмыслица!.. В чем же меня обвиняют?

– В том, что вы убили бедного невинного человека по имени Мартин Лефевр, проживавшего по улице Св. Николая!

При этом чудовищном обвинении из груди Леона Фортемы вырвался крик ужаса и негодования.

– Я!.. убийца!.. но вы сами...

– Молчите и повинуйтесь добровольно; в противном случае...

– Но то, что вы сказали, ужасно! Против этого позора говорит вся моя честная жизнь!

– Это меня не касается! – грубо прервал жандарм. – Я имею приказ арестовать вас и выполняю его!

Поль Редон сделал было попытку вмешаться в разговор, но жандарм скользнул взглядом по этому закутанному в мех человеку, которого он видел утром вблизи места преступления.

ния, и пробормотал:

– С вами я никаких дел не имею! Ну, прощайтесь скорее, – прибавил он нетерпеливо, – а вы, Фортен Леон, следуйте за мною!

Бледный, растерянный Фортен окинул последним взглядом свою маленькую лабораторию, где провел столько отрадных минут, и сердце его сжалось от бели. Ему хотелось в эту минуту обнять отца и мать, приласкаться с бесконечной нежностью к своим добрым старичкам, как делал это в детстве, и уверить их в своей невиновности. Но они были в поле, занятые обычным трудом, и, может быть, так даже было лучше.

– Я их увижу... я сказку им... поддержу их, как сделал бы твой брат, мой дорогой Леон! – вскричал Редон, нервно пожимая руки своего друга. – А ты будь терпелив!.. Дело разъяснится... Я похлопочу об этом и сумею доказать правду, на зло чиновникам и жандармам. Теперь же я следую за тобою!

Глава III

Тягостный путь. – Истинный друг. – Перед судом. – Вопрос. – Цветы обвиненного. – Дама в голубом. – Донесение агента. – «Это вы – убийца!»

Жандарм открыл дверь и повелительным жестом пригласил молодых людей выйти. На улице другой жандарм с трудом сдерживал шумную толпу. При виде Поля и Леона раздался дикий рев.

– Убийцы!.. Вот они, негодяи!.. Бандиты! Смерть им!.. Смерть убийцам!

Особенную яростью отличались женщины, готовые бить и всячески мучить мнимых преступников.

Наконец, они прибыли в мэрию, где уже находился следователь и помощник прокурора Республики, приехавшие из Версаля, и мировой судья из Сен-Жермена. Редон нежно обнял своего друга и прошептал несколько слов утешения.

– Ну, довольно! – положил конец их беседе жандарм.

Редон дружески протянул ему руку. Он был знаком со всеми и находился в наилучших отношениях с магистратом. Пользуясь благоприятным случаем, он живо отвел в сторону своего знакомого и шепнул ему на ухо:

– Поверьте, вы страшно заблуждаетесь; даю вам честное слово, что Фортен невиновен!

– Я очень бы желал этому верить, но мы арестовали его,

имея важную улику!

– Какую же?

– Этого я не могу сообщить!

– Хорошо, но дадите вы мне возможность исследовать дело?

– Охотно!

– Тогда прикажите предоставить мне свободный доступ в дом, где совершено преступление.

– Это можно!

– Благодарю! Я не останусь в долгу!

– Советую вам не горячиться, чтобы не попасть в оплошность и не повредить делу.

– Еще раз благодарю вас!

– Через два часа, после завтрака, мы будем допрашивать обвиняемого. Вы придете?

– Да, до свидания!

Теперь в зале остались только трое судей, писарь, жандармский унтер-офицер и Леон Фортен.

Следователь приказал жандарму удалиться в коридор и не впускать никого, потом учтиво предложил подсудимому сесть и приступил к одному из тех ужасных допросов, какие приводят в замешательство даже невинных числом, неожиданностью и странною постановкой вопросов. Сначала следуют имена, прозвания и занятия.

Фортен, Леон-Жан, 26 лет, доктор наук, препаратор парижского факультета, получает содержания 150 франков в

месяц, живет у родителей в Мезон-Лафите, ездит по делам три, четыре, иногда пять раз в Париж, имеет абонементный билет 3-го класса Западной железной дороги.

Пока писарь заносил эти сведения на бумагу, следовательно впился глазами в Фортена и спросил его:

– Знаете вы господина Грандье?

При этом вопросе, по-видимому, ничего общего не имевшем с преступлением на улице Св. Николая, Фортен явно покраснел и в замешательстве отвечал:

– Да, я знаю господина Грандье... но очень мало... я с ним говорил лишь однажды... при затруднительных... или, скорее, смешных для себя обстоятельствах!

– Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.

– Охотно, так как это единственное свидание не оставило во мне ни стыда, ни упрека! Я – изобретатель и очень бедный. Нуждаясь в большой сумме с целью внедрить открытие, долженствующее произвести экономический переворот во всем мире, я ходил на прошлой неделе просить эту, сумму у господина Грандье.

– А как она высока? – спросил небрежно следователь.

– Пятьдесят тысяч франков!

Услышав такой ответ, судейский чиновник слегка повел глазами и закусил губы, как человек, начинающий убеждаться в справедливости своего предположения.

– Итак, вы хотели занять пятьдесят тысяч франков у Грандье?

– Да, хотя эта попытка оказалась величайшей из глупостей, когда-либо сделанных мною!

Тогда следователь перешел к другому.

– Где вы были вчера в полдень?

– В лесу!

– Когда завтракаете?

– В двенадцать часов, так что я должен был бы находиться в это время дома; но я вернулся, против обыкновения, только к часу!

– Зачем же вы изменили своей привычке?

– Я шел своей обычной дорогой, как вдруг увидел вспененную лошадь без всадника. Напрасно пытался я ее остановить... Я был отброшен и сбит с ног.

– Сколько было времени тогда?

– Четверть первого!

– Когда же вы могли вернуться к родителям?

– Для этого потребовалось бы около десяти минут!

– Почему же вы вернулись через час?

Вторично Леон Фортен покраснел и обнаружил волнение.

– Отвечайте мне с полной откровенностью, – прибавил следователь, – скажите всю правду!

– Уверяю вас, что я занимался очень невинным делом, совершенно чуждым печальному предмету, о котором мы говорим.

– Я забочусь о ваших же интересах!

Фортен, сделав над собою усилие, начал:

– Хорошо! В тот момент, когда встретила лошадь, у меня в руке был букет из фиалок и первоцвета... Одной свободной рукой я не мог удержать лошадь, и мой букет очутился у нее под копытом. Из-за этого я должен был набрать свежих цветов!

В ответ на это следователь иронически улыбнулся, слегка пожав плечами.

– Можете вы сказать, кому предназначались эти цветы?

– Нет, – возразил с твердостью Леон, – не могу и не хочу!

– Подумайте, к каким важным последствиям может повести ваше умалчивание при изложении этой малоправдоподобной истории!

– Это мой секрет, и вы его не узнаете!

– Как угодно... Встретили ли вы кого-нибудь по дороге?

– Никого, сколько мне известно... или я не обратил внимания ни на кого. Может быть, я даже прошел мимо нескольких человек, не заметив их!

– Однако вас видели!

– Возможно: я не прятался. Впрочем, видевшие меня могут подтвердить справедливость моих слов!

– Да, без сомнения, но не всех!

При этом следователь наклонился к писарю, после чего тот положил перо и быстро вышел, а через несколько минут вернулся в сопровождении Шелковой Нити и Бабочки, двух помощников Жерве, все еще одетых – один рабочим, другой служащим Западной Компании.

– Узнаете вы этого господина? – обратился без всяких обиняков следователь к Бабочке.

– Да, я встретил его вчера в лесу, когда мы увидели лошадь своего начальника, бедняжки Жерве. Мой товарищ, Шелковая Нить, овладел лошадыю и поехал на ней в Мезон-Лафит, я же возвращался пешком, когда заметил господина, находящегося теперь перед вами. Он привлек мое внимание потому, что шел быстро и казался взволнованным, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновением своего начальника, я искал причины этого исчезновения и, увидя незнакомца, так мало походившего на гуляющего, принялся за ним следить.

Он достиг Мезон-Лафита, и я видел, как он шел вдоль решетки богатой виллы и наконец остановился и положил за столбом букет, который держал в руке. После этого он удалился от виллы, причем я следовал за ним на расстоянии почти двухсот метров; однако, мне удалось заметить очень элегантную даму, одетую в голубое, под белым зонтиком, которая торопливо взяла букет.

– Вам известно название этой виллы?

– Оно обозначено золотыми буквами на белой мраморной доске, находящейся над главным входом. Это – вилла Кармен!

– Ну-с, господин Фортен, что выскажете на это? – спросил с иронией следователь.

– Скажу, что это показания шпиона, которому нечего здесь делать! – ответил раздраженный молодой человек.

При слове «шпион», неосторожно сорвавшемся с языка Леона, полицейский агент побледнел и бросил на него гневный взгляд.

По знаку следователя он продолжал:

– Тогда я проследил за этим господином до его дома и узнал, кто он такой. Потом мы занялись Жерве, которого нашли вечером того же дня в Сен-Жерменском госпитале в отчаянном положении. Он не узнал нас и не мог дать никаких показаний относительно нападения, жертвою которого стал.

– Вы продолжаете думать, что здесь было преступление, а не случайность?

– Преступление – утверждаю это! Кроме того заявляю, что этот господин, занятый в лесу сборанием маргариток и находившийся так близко от места преступления, причастен к нему.

Тут Леон Фортен потерял свое обычное хладнокровие и порывисто вскричал:

– Что же случилось, и чего вы хотите от меня? Как! Вы арестовали меня без всякого основания, как убийцу, и вот явился этот человек и под предлогом, что я собирал цветы в лесу, обвиняет меня в другом убийстве! И ваша совесть, господа беспристрастные, справедливые люди, не возмущается?! Вы допускаете, что человек, ознаменовавший свое прошлое славной работой и неподкупной честностью, может

сделаться преступником в один день! Это чудовищно!.. Я протестую против оскорбления, нанесенного моей чести!

В ответ на это следователь молча вынул из кармана небольшой пакет, завернутый в газетную бумагу, потом развернул бумагу и открыл маленькую записную книжку, снабженную карандашом и каучуковой тесьмой.

– Узнаете вы эту книжку? – сказал он ледяным тоном, показывая ее Фортену.

– Да, потому что она принадлежит мне! – отвечал последний без малейшего колебания. – Я потерял ее вчера, вероятно, в лесу, когда был сбит с ног лошадью.

– Так! А можете вы объяснить происхождение кровавых пятен на переплете и некоторых листках?

– Очень легко: я изучаю на морских свинках новое анестезирующее средство и, когда произвожу вивисекцию над этими маленькими животными, то Заношу наблюдения в эту книжку. Я работаю быстро, рук не мою в это время и не могу таким образом избежать пятен на книжке. Вот вам истинная правда!

– Вы лжете и бессовестно нагромождаете обман на обман!

– Я говорю правду!

– Мотив ваших преступлений – непомерное честолюбие. Вы просили пятьдесят тысяч франков у Грандье; он отказал вам... Тогда вы подвергли этого несчастного шантажу и страшным угрозам, доведшим его до самоубийства.

– Я!.. Шантаж... против него... но это клевета!

– Молчите! У нас в руках ваши письма. Чтобы запугать Грандье и подчинить его своей воле, вы совершили убийство на улице Св. Николая.

– Мои письма!.. Мои письма! – пробормотал Фортен. – Я никогда не писал Грандье!

– Да, ваши письма с красною звездой, почерк которых поразительно напоминает почерк вашей записной книжки. А эта книжка для заметок? Вы не в лесу ее потеряли... знаете ли, где она была найдена? У постели вашей жертвы на улице Св. Николая!

Глава IV

Редон принимается за дело. – Первые доказательства. – Труд паука. – Западня. – Это – англичанин. – Луч света. – Возвращение в Париж. – Задержание багажа. – По телефону. – Удар ножом.

Допрос продолжался еще долго. От измученного Леона Фортена не услышали ничего – только негодующие возражения. Затем весь судебный персонал позавтракал с аппетитом, ничуть не пострадавшим от утреннего волнения. Это заняло добрых два часа, и ни одной минуты из них Поль Редон не потерял бесполезно. Получив разрешение товарища прокурора, он помчался к дому, где было совершено преступление. Там у входа стоял жандарм, не пропуская никого без формального приказа.

Все помещение состояло из маленького домика, расположенного между двором и садом, с прачечной, каретником и дровяным сараем, упиравшимся в забор, и занимало около ста двадцати квадратных метров. Строения и забор находились в плохом состоянии; видно было, что хозяин не заботился об их поддержании. Это был мужчина старше пятидесяти лет, оригинал, избегавший общества и слывший невероятно скупым; с ним жила старая семидесятилетняя ключница, глухая и наполовину калека. Близ трупы, строгий и трагический силуэт которого обрисовывался под запятнанным

кровью одеялом, дежурила монахиня.

Репортер прежде всего тщательно осмотрел наружную стену забора, причем его внимание привлекли кусочки черепицы, валявшиеся под лестницей. Черепица на верхней части стены действительно оказалась облупленной, и под лестницей виден был след ног, сильно упиравшихся в землю. Следы были совершенно свежие и отчетливые.

– Здесь убийца проник во внутрь ограды! – подумал репортер, изучая отпечатки ног со вниманием краснокоричневого, вступившего на стезю войны. – Стена не выше двух с половиною метров, и он мог перескочить ее без всякой опасности для себя.

Еще утром репортер решил, что убийца пробрался в дом, разбив стекло террасы, но он не заметил тогда ни малейшего его повреждения. Теперь же он подошел к стеклу и стал его внимательно рассматривать. Оказалось, что оно было вырезано алмазом, и до такой степени искусно, что Редон покачал головой и пробормотал:

– Чистая работа!

Орудиями послужили, очевидно, кусок смолы и алмаз, используемый стекольщиками. Преступник, размягчив предварительно смолу в руках, прилепил ее на середину стекла и около замазки обвел алмазом; потом левою рукою схватился за кусок смолы, сильно приставший к стеклу, а правой стал легонько ударять по последнему до тех пор, пока оно не отделилось почти без всякого шума. Благодаря крепко дер-

жавшей его смоле, стекло не упало, и открылся свободный проход.

Редон скоро нашел и самое стекло; оно находилось вдоль стены, над окошком, и было почти совсем скрыто кустом рвеня.

Он поднял его и осмотрел все четыре стороны: тут все было сделано опытной рукой. Затем взгляд его остановился на куске смолы, и радостное восклицание вырвалось из груди: два темных, слегка волнистых волоса, длиною по крайней мере пятнадцать сантиметров, пристали к смоле. При этом открытии в голове репортера сейчас же сложилась такая гипотеза:

– Человек, вынудивший стекло, имеет длинную бороду, волосы из которой остались на смоле во время проделанной операции. Отпечаток ног и эти волосы, – вот уже в моих руках недурная парочка доказательств. Крайне необходимо получить отпечаток следов!

С этой мыслью он вышел из ограды и сказал дежурному жандарму:

– Я вернусь через минуту... дайте мне, пожалуйста, адрес гипсовой лавки.

Получив адрес, наш добровольный сыщик побежал в лавку, купил там полмешка гипса, взял лопату и бегом же вернулся к месту преступления. Здесь, накачав у колодца воды и отыскав в прачечной маленькую кадуюшку, он принялся растворять гипс, не обращая внимания на покрывавшие его

одежду брызги.

Когда раствор приобрел известную густоту, он наполнил им обе выемки, образованные ногами ночного посетителя. Заинтересованный жандарм, переставший уже считать помешанным этого элегантного молодого человека, подошел к нему и сказал:

– Ну и хитрец же вы, сударь!

– Вы поняли?

– Да, и полагаю, что эти куски будут иметь в глазах суда немаловажное значение!

– А вы согласитесь письменно удостоверить тождество их со следами?

– Конечно, как и все, что вам удастся открыть здесь для выяснения дела!

– Благодарю! Вы – храбрый и благородный человек!

Пока гипс затвердевал, Редон отправился в комнату, где лежал труп. Он почтительно раскланялся с монахиней, читавшей молитвы над покойником, объяснил ей мотивы своего присутствия и приступил к исследованию.

Внутренность жилища, как и наружный вид его, не отличалась привлекательностью: везде лежала пыль и тянулась паутина. Одного из прилежных ткачей последней репортер увидел в складках балдахина, осенявшего кровать. Он заботливо исправлял свою паутину, попорченную, очевидно, не особенно давно. Может быть, в момент преступления убийца наклонился над кроватью несчастного старика, потом быст-

ро выпрямился и порвал паутину.

Редон попробовал даже воспроизвести эту сцену, как она представлялась его воображению, и нашел, что человек одинакового с ним роста должен был непременно задеть паутину. Таким образом серия его доказательств пополнилась еще одним.

Осмотр мебели и пыли не дал никаких результатов, так что репортер собирался уже уходить, как вдруг нога его задела что-то твердое. Он наклонился и поднял пуговицу, простую пуговицу от панталон. Но Редон знал, что при производстве следствия нельзя пренебрегать никакой мелочью, как бы ничтожна она ни казалась на первый взгляд. Он осмотрел пуговицу и заметил, что она была оторвана с силой, так что при ней остался кусочек материи. Сама по себе пуговица была довольно широкая, очень крепкая, имела особенную форму и надпись «Барров Т. Лондон», – очевидно, имя портного и его местожительство.

– Итак, – сделал заключение Редон, – ночью или утром здесь был мужчина, заказывающий свои костюмы в Лондоне. Не думаю, чтоб это был кто-нибудь из судейских или мой бедный Леон... Черт возьми! Что, если убийца – англичанин? Надо посмотреть ноги!

Он крепко завязал, в уголок носового платка пуговицу и быстро спустился в сад. Гипс был тверд, как камень. С бесконечными предосторожностями Редон разрыхлил землю, не жалея ногтей, и скоро в его руках очутились два великолеп-

ных отпечатка, воспроизводившие с замечательной точностью все детали обуви. Не было сомнения, что ботинки английской работы, а нога – длинная, плоская и узкая, словом, характерная нога англичанина.

Репортер торжествовал. В его руках находилась уже руководящая нить, правда, очень непрочная и предположительная, но все-таки нить к разгадке тайны преступления.

– Ну, – говорил он, потирая руки, – ошибка ясна... это англичанин... и я найду его! Искать можно только в Сен-Жермене... Итак, живее туда!

Не теряя времени, он направился к извозчику за каретой, а пока запрягали, стряхнул пыль и постарался привести в порядок свой туалет. Заботливо отчистив известку, он нашел еще минуту сочинить следующую записку товарищу прокурора:

«Не имею возможности присутствовать при допросе. Я попал на след, совершенно чуждый вашему. Завтра подробности к вашим услугам. Берегитесь ловушки!

Ваш Редон».

Затем он крупною рысью мчится в Сен-Жермен. По прибытии туда наш следователь первым делом обходит все отели, начиная с самого шикарного, Павильона Генриха IV.

Его появление в знаменитом отеле, как человека известного директору и части служебного персонала, вызывает только любопытство.

Он отводит директора в сторону и, дружески пожимая его

руку, спрашивает нетерпеливо:

– Не остановился ли у вас джентльмен приблизительно такого же роста, как я, с длинной темной бородой и ногами поистине английского размера?

– У нас был только один англичанин, подходящий под ваше описание, довольно-таки неопределенное, но...

– Он уехал?

– Да, три часа тому назад!

– А, черт возьми!.. И не оставил адреса?

– Он отправился, насколько я мог догадаться, в Лондон!

– Не можете ли вы по крайней мере назвать его?

– Охотно: его зовут Френсис Бернетт. Он прибыл из Индии и останавливался здесь только на две недели.

– Благодарю! Как досадно... мне крайне необходимо было видеть его по одному делу. Но... может быть, я могу видеть человека, обслуживавшего его?

Такому важному клиенту, как Поль Редон, неловко было отказать. Директор велел позвать лакея Феликса и предоставил его в распоряжение репортера. Когда они остались одни, Редон вынул из кармана два луидора, опустил их в руку слуги и сказал:

– Вы знаете, Феликс, что у меня иногда являются странные фантазии?

– О, барин волен иметь фантазии, какие ему заблагорассудится!

Репортер продолжал легкомысленным тоном, хотя сердце

со страшную силою билось у него в груди.

– Сегодня утром мне попалась пуговица в таком месте, где она не должна быть... Я подозреваю, что владелец ее – господин Бернетт, и это глубоко интересует меня.

Лакей улыбнулся и наклонил голову, как человек, привыкший понимать все с полуслова.

– И мне думается, Феликс, – прибавил Редон, – что профессиональная тайна не помешает вам сообщить мне, насколько основательны мои подозрения? Впрочем, вот и само доказательство преступления!

Он развязал уголок своего платка, вынул оттуда пуговицу и показал ее слуге, который тотчас же ответил:

– Вы правы: эта пуговица от одежды господина Бернетта. Я видел у него такие же, с такой же точно надписью «Барров Т. Лондон». Я утверждаю это с тем большей уверенностью, что сегодня утром господин Бернетт, заметив, что не достает у панталон одной пуговицы, просил меня пришить ему другую на ее место, которое, впрочем, было вырвано вместе с пуговицей.

Эти слова чуть не свели с ума Редона, но он сдержался и произнес, не то смеясь, не то сердясь:

– Вот видите, какой плут этот англичанин. И выглядит, верно, хуже меня?

– Еще бы! Ему около сорока лет, он высок, напоминает боксера и носит дымчатые очки...

– Так он уехал?

– Да, сударь!

– И забрал свои сундуки, чемоданы?

– Чемодан и три английские ивовые корзины, покрытые просмоленным полотном.

– Хорошо, благодарю!.. Держите, Феликс! – сказал Редон, вручая третий луидор слуге, рассыпавшемуся в благодарностях.

Узнав все, что ему было нужно, Редон вышел из Павильона, заплатил за карету и помчался на станцию. Поезд только что отошел, пришлось около получаса дожидаться другого. Кстати, репортер вспомнил, что, кроме чашки чая, у него ничего не было во рту целый день, а время близилось к четырем часам. Он съел два сэндвича, выпил стакан малаги, выкурил сигару и вскоре покати́л в Париж. Пятьдесят минут спустя поезд остановился на станции Сен-Лазар. Справедливо полагая, что путешественники, едущие из Сен-Жермена, редко сами заботятся о багаже, он опросил сейчас же всех носильщиков, не принимали ли они вещей у господина, похожего на Бернетта, владельца трех ивовых корзин. Никто такого не видал. Редон, однако, не потерял мужества, памятуя, что терпение – необходимая черта всякого следователя, и продолжал расспрашивать, щедро давал на чай и в конце концов добился признания, что господин высокого роста, с бородой, похожий на англичанина, вышел на станции, но только с двумя корзинами.

– Это он! – сказал себе Редон. – Но где же третья корзин-

на?.. А!.. В кладовую!

При помощи денег, открывающих все двери, он проник в кладовую и сейчас же узнал корзину. Сомневаться было невозможно, так как на ней значился адрес: Френсису Бернетту, Лондон.

– Однако я играю сегодня счастливо, – подумал репортер. – Теперь – к телефону!

Он вошел в телефонную будочку и позвонил.

– Прошу соединить с Версальским судом!

Прошло несколько минут.

– Кто вы?

– Поль Редон, журналист. А вы?

– А! Это Редон! Я прибыл из Мезон-Лафита с нашим пленником... Он упорствует... но он виновен... не пытайтесь что-либо сделать в его пользу...

– Убийца, мой дорогой прокурор, англичанин по имени Френсис Бернетт, и завтра я докажу вам это. А пока прикажите задержать сундук, принадлежащий сэру Бернетту и находящийся в кладовой на станции Сен-Лазар. А затем, кроме того, необходимо навести справки во всех отелях и арестовать этого Бернетта, приметы которого сообщаю. Наконец, вы должны еще приказать охранять станционные двери. Ответственность за все эти меры я беру на себя; а что касается моего бедного друга Фортена, то не пройдет и трех суток, как вы первый заявите о его невиновности. До завтра! В девять часов я буду в Версале.

– Но, Редон, вы с ума сошли!

– Сделайте то, что я вам сказал, и будете благодарить меня на коленях... Слышите ли: на коленях. Прощайте! Я собираюсь заявить во всех журналах о юридической ошибке, но спасая в вас лицо, как говорят китайцы.

После этого Редон возвратился к себе, наскоро почистил костюм и с аппетитом пообедал.

Вечером он побывал в нескольких редакциях и к часу вернулся на улицу Рошфуко, где занимал домик, расположенный в саду. Отослав кучера, он позвонил, вошел, произнес свое имя перед сторожкой и направился к своему жилищу.

Недалеко от последнего на него набросился какой-то человек. Блеснула сталь – и лезвие кинжала с поразительной быстротою погрузилось в тело Редона. Он почувствовал сильную боль в груди, потом ледяной холод. Кричать он уже не мог, хотя в мозгу его еще успела пронестись мысль:

– Бедный Леон! Кто за тебя заступится?

Глава V

Брат и сестра у родителей обвиняемого. – Мадемуазель Марта. – Удивление жителей. – Следователь и помощник его. – Известие об убийстве Поля Редона. – Что заключалось в таинственной корзине.

В наше время добрая половина населения имеет обыкновение следить по газетам за уголовными процессами. Для многих такое чтение стало необходимостью; они с жадностью поглощают ужасные подробности всевозможных преступлений. Это взвинчивает нервы и дает возможность пофантазировать.

Понятно, что особенно заинтересованы были обитатели Мезон-Лафита, в пределах которого было совершено преступление, обещавшее им так много таинственно-заманчивого. Много лет уже не происходило ничего подобного. Само собою разумеется, что захватывающей деталью для любителей драм была прежде всего красная звезда, вырезанная на левом виске жертвы. О, эта красная звезда! Потом записная книжка, найденная в ногах кровати и принадлежащая Леону Фортену, местному уроженцу, пользовавшемуся до сих пор всеобщим уважением. Затем – самоубийство Грандье, подвергавшегося в течение целой недели шантажу и страшным угрозам с помощью писем со звездой кровавого цвета вместо печати. Опять эта таинственная и ужасная звезда!

Наконец, предположение судей, странности Поля Редона, исчезновение полицейского агента, найденного затем на лесной дороге без чувств и отправленного в Сен-Жерменский госпиталь. А отчаяние родителей Фортена, на голову которых внезапно обрушился столь жестокий удар, и переход их к столь же неожиданно явившемуся призраку надежды?!

Большинство было против Леона Фортена, но раздавались уже голоса и в его защиту.

Погребение Лефевра-Мартина и Грандье происходило в один день и час в присутствии всего населения. У первого не было родных, за гробом шла одна ключница. А останки второго сопровождали его сын и дочь, оставшиеся сиротами и без всяких средств к жизни. Сын, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, воспитывался в Парижском лицее и теперь шел за гробом с измученным лицом, задыхаясь от рыданий. Дочь была на два года старше, она машинально двигалась вслед за процессией, вся закутанная крепом, и все еще не могла поверить, что ее обожаемый отец и человеческий остов, лежавший на ковре с простреленным черепом, – одно и то же.

По окончании печальной церемонии, когда все посторонние разошлись, сироты также покинули могилу. Молодая девушка сказала несколько слов брату, с которыми он кивком головы выразил согласие, потом взяла его под руку, и они направились более уверенным шагом не на виллу Кармен, а в город и, к удивлению всех, вошли в дом Леона Фортена.

Разбитые стыдом и горем старики безмолвно ответили на их поклон.

Девушка медленным движением руки подняла свою вуаль и сказала:

– Я – Марта Грандые, а это – мой брат Жан!

Старый Фортен-отец не нашелся, что ответить на такое представление, но жена его, тронутая неподдельной симпатией, сквозившей в больших черных глазах гостьи, взволнованным голосом произнесла:

– Мадемуазель Грандые!.. Вы!.. Вы – здесь!..

– Ваш сын Леон... мосье Леон... обвинен в ужасном преступлении... но он невинен... я знаю... я уверена... и вот, когда все проклинают его и презрительно смотрят на вас, я пришла сюда... с разбитым сердцем... но с надеждою, что мы спасем его!

При этих словах, шедших из глубины души, у старушки вырвалось порывистое, радостное движение и дикий вопль:

– Невинен!.. О да, невинен!

Она бросилась к молодой девушке, крепко, до боли сжала ее в объятиях и, потеряв голову, в экстазе воскликнула:

– О, я готова жизнь отдать за только что произнесенное вами слово! Возьмите мою кровь, каплю за каплей, мое тело, часть за частью, мое последнее старческое дыхание... все... Вы, считающая моего сына, моего Леона, невинным! Вы его знаете, не правда ли?

– Меньше, чем вы думаете! – отвечала мадемуазель Гран-

дье, милое личико которой на минуту озарилось улыбкой. Она замолчала на несколько секунд, покраснела и продолжала с достоинством:

– Каждый день и с давних пор... он клал на стенку решетки маленький букет из простых лесных цветочков. Эти цветы предназначались мне. Я принимала, потому что их предлагали скромно и почтительно. Но мы ни разу не обменялись ни словом, и я не знала его имени до тех пор, пока он не пришел к отцу по делу. Теперь на нас обрушилось несчастье... отец завещал нам отомстить за себя.

– И мы отомстим! – энергично вмешался молодой человек.

– Наше мщение и оправдание вашего сына тесно связаны одно с другим, – продолжала мадемуазель Грандье, – и, следовательно, они будут единственной целью нашей жизни! Не так ли, Жан?

– Да, Марта!

Такая решимость этих детей, еще совершенно не ведающих жизни, не имеющих поддержки ни дружеской, ни материальной, была поистине трогательна. Впрочем, какова бы ни была их слабость, они все-таки обладали тою верою в себя, которая сдвигает с места горы и совершает невозможное.

Вид этих добрых молодых людей вызывал в стариках Фортенах добрые чувства и зажигал в их сердцах луч надежды.

Выше среднего роста, скорее высокая, Марта Грандье не походила на тех искусственных кукол, какими характеризу-

ется конец нашего века. Грациозный, но крепкий стан ее свидетельствовал о здоровье. Ее густые, волнистые, белокурые волосы составляли очаровательный контраст с большими черными, вспыхивающими по временам глазами. Изящный носик с трепещущими ноздрями указывал на пылкость характера, смягчаемую постоянно улыбавшимися губами и резко очерченным подбородком, обнаруживавшим вдумчивость и склонность к размышлениям. В общем, это было странное, но пленительное лицо, в котором такие различные, по-видимому, черты прекрасно соединялись и служили лучшим выражением душевных качеств Марты Грандые: ее кротости, энергии, нежности, решительности.

Брат был похож на нее несмотря на свои темные волосы и голубые глаза.

Они охотно воспользовались приглашением супругов Фортен присесть, тем более, что на вилле Кармен их ждало одиночество и горькие воспоминания об исчезнувшем благополучии. Предстояло заняться делами: определить оставшиеся средства, отпустить слуг и установить порядок жизни. Видя неопытность, молодой девушки, госпожа Фортен предложила ей свои услуги.

– В хозяйстве встретится много затруднений и мелочей, о которых вы не имеете понятия! – произнесла она.

– Да, правда! – отвечала Марта.

– Я буду рада оказать вам свое содействие. О, не говорите «нет!». Не отнимайте у меня удовольствия услужить вам. Вы

согласны, не правда ли?

– Соглашаюсь с радостью, с благодарностью!

– Так едем. Чем скорее, тем лучше.

Все трое покинули старика Фортена.

Судите сами, какое волнение произвело это посещение в Мезон-Лафите! Обитатели его не верили собственным глазам. Но волнение перешло в настоящий столбняк, когда маленькая группа достигла виллы Кармен. Там в это время находились мировой судья и следователь со своими письмоводителями. Первый прямо обратился к Марте и Жану Грандье и сообщил им, что накануне своей смерти отец объявил их совершеннолетними. Согласно закону, господин Грандье сделал заявление судье в присутствии его письмоводителя¹, – и этого совершенно достаточно, чтобы они получили право обходиться без опеки. Тут следователь, ведущий дело, прервал объяснения своего коллеги и пригласил молодых людей побеседовать с ним в конторе их отца.

– Знаете ли вы, кто эта женщина, прибывшая с вами сюда? – спросил он их.

– Да, это госпожа Фортен! – сухо отвечала молодая девушка, оскорбленная его грубостью.

– Мать бандита!

– Нет, милостивый государь! – гордо возразила Марта.

– Да, мать негодяя, подло убившего старика на улице Св. Николая, и морального убийцы вашего отца!

¹ 477 параграф Свода гражданских законов

– Нет же, говорю вам! И если вам угодно так продолжать, мы с братом предпочтем удалиться!

Немного сконфуженный, следователь быстро сорвал печать с ящика стола, вынул оттуда пачку писем и положил их на бюро; затем, вынув из кармана другие письма, вместе с записной книжкой Леона Фортена, сказал:

– Вот, смотрите!

Марта с братом наклонились и стали читать.

– Теперь сравните почерк этих писем и записок!

– Можно подумать, что их писала одна и та же рука! – вскричал Жан.

– Действительно, сходство поразительное! – подтвердила Марта, не понимая, к чему все это клонится.

– Эта книжка и письма, бедные дети, принадлежат обвиняемому, то есть Леону Фортену. Что же касается других писем, взятых нами, то они написаны убийцей вашему отцу... они и довели его до самоубийства! Вы сами подтвердили тождество почерка тех и других. Ну, что вы скажете на это?

– Что эти письма подделка, что у Леона Фортена выкрали его почерк, чтобы шантажировать нашего бедного отца, как похитили у него записную книжку с целью свалить на него вину за убийство на улице Св. Николая!

– Эксперты решат...

– О, эксперты! – с презрением произнесла молодая девушка. – Известно, чего стоит их непогрешимость!

– Наконец, – сказал следователь, выдвигая свои последние аргументы, – я считал своею обязанностью предостеречь вас, как рискованно такое знакомство, по меньшей мере, подозрительно!

– Но, милостивый государь, у меня не таков взгляд на вещи, как у господ судей! Я буду посещать, кого хочу, так как жестокие обстоятельства – увы! – освободили меня от всяких стеснений, от всякой власти!

Однако следователь не перестал считать подсудимого виновным: ему не хотелось отрешиться от своего первоначального мнения, которое казалось ему солидно обоснованным.

Действительно, все, казалось, было против Леона Фортена: его визит к Грандье с просьбой ссудить ему роковую сумму в пятьдесят тысяч франков, его проекты относительно Клондайка, ужасающее сходство почерков, окровавленная книжка, найденная на улице Св. Николая, такие же одежды, спрятанные в квартире обвиняемого. В его пользу говорили только догадки, его незапятнанная до тех пор честность и негодующий протест; он не мог даже доказать своего алиби. Следователю не были еще известны открытия Поля Редона.

Когда товарищ прокурора передал ему телефонное сообщение репортера об англичанине Френсисе Бернетте, тот только пожал плечами.

– Напрасно вы верите вымыслам журналиста! – небрежно проговорил он.

Однако товарищ прокурора упорствовал, превозносил

ловкость своего друга и выражал собственные колебания. Следователь возразил на это.

– Кто устраивает свою судебную карьеру, тот должен понимать, что это дело серьезное, и не обращать внимания на разные истории, родившиеся в досужих головах водевильных писак.

– Прикажете по крайней мере задержать корзину в кладовой Западной дороги!

– Хорошо, я доставлю вам это удовольствие и докажу, кстати, что ваш друг комедиант. Впрочем, вы говорили, что мы завтра утром увидимся?

– Да, он назначил мне свидание в суде, в девять часов!

Читателю уже известно, какой трагический случай помешал репортеру прибыть на это свидание. Целый день прошел в напрасном ожидании, так что следователь начал шумно выражать свое торжество по случаю этого необъяснимого отсутствия. На другой день он должен был возвратиться в Мезон-Лафит для производства дополнительного следствия и снятия печатей как на вилле Кармен, так и на улице Св. Николая.

Он просил товарища прокурора сопровождать его и всю дорогу изводил его шуточками по поводу излишней доверчивости. Сходя с поезда, товарищ прокурора купил несколько газет, развернул одну из них, вскрикнул и побледнел. Взгляд его привлекли следующие строки, напечатанные крупным шрифтом:

«Покушение на убийство журналиста Поля Редона, смертельно раненного».

– Вот, читайте! – сказал он следователю. – Да читайте же!

Тот пробежал глазами сообщение и прибавил:

– Очень жаль, но это никоим образом не может находиться в связи с преступлением в Мезон-Лафите!

– Почему вы так думаете?

– Вы, должно быть, изучали работу полиции по романам Габорио²! В действительности же дела делаются намного проще!

– Хорошо, я вам пока не нужен? Так я еду в Париж и возвращусь сюда к завтраку!

– Чудесно! Вы будете очень любезны, если пришлете мне знаменитую корзину, которую я велел задержать по вашему желанию!

– Я привезу ее сам!

За время отсутствия товарища прокурора на вилле Кармен и происходила беседа между следователем и Мартой Грандье, беседа, окончившаяся негодованием молодой девушки.

Только в два часа товарищ прокурора вернулся. Казалось, он был очень озабочен. Оба судьи находились в мэрии, куда только что доставили корзину.

Жандарм привел слесаря, и началась трудная операция

² Габорио (1832–1873) – французский писатель, один из родоначальников детективного жанра. Писал романы с уголовными сюжетами.

отмыкания запора.

– Ну, что Редон? – отрывисто спросил следователь.

– Он в агонии, состояние его совершенно безнадежно, и полицейский комиссар говорил, что одно время он ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Вероятно, он не проживет и дня!

– А его розыски?

– Ничего неизвестно... ни малейших следов!

После долгих усилий слесарь отпер корзину. Скептически, с насмешливой улыбкой на губах следователь поднял крышку и закричал:

– Вот так странная вещь!

Действительно, было чему удивляться: в корзине аккуратно уложены были принадлежности полного костюма лесного сторожа из зеленого сукна с желтой опушкой и суконная ливрея каштанового цвета. Обе одежды казались совершенно новыми, не надеванными ни разу.

Глава VI

Беда. – Предчувствие. – Доктор. – Раненый. – Трепанация. – Лассо. – Мнимый сторож. – Начало доказательств. – Возвращение. – Кража. – Угрозы. – Письмо. – «Красная звезда».

По снятии печатей Марта и ее брат могли довольно точно определить свое материальное положение. Перебирая бумаги и записные книги отца, они узнали также все обстоятельства, побудившие его к самоубийству. С точки зрения покойного финансиста, материальное положение было, действительно, жалким, так как после уплаты долгов и расчетов со слугами, при условии продажи дома и мебели, могло остаться только несколько тысячефранковых билетов. Это было настоящее разорение, сулившее нищету в будущем. Впрочем, молодые люди храбро взглянули в глаза этому будущему, решив неустанно трудиться.

Ликвидация дел должна была занять какое-то время, и они сочли за лучшее использовать его на поиски того, кто сделал их сиротами, и выполнить таким образом последнюю волю покойного.

Марте было известно, что отец до последнего времени имел дела с парижской полицией, агенты которой не показывались с момента трагедии; это становилось подозрительным. Не попали ли они также в число жертв какой-нибудь

махинации? Наконец, она вспомнила, что накануне убийства в лесу был подобран человек и отправлен в госпиталь.

– Что, если этот несчастный – один из агентов, помогавших отцу? – спросила она брата.

– Возможно! – отвечал тот.

Тогда молодая девушка порывисто встала и произнесла:

– Что-то непреодолимое влечет меня... Какое-то предчувствие, которому я должна повиноваться. Жак, дорогой мой мальчик, я еду в Сен-Жермен!

– А я должен тебя сопровождать?

– Нет, ты останешься здесь! Ни слова не говори о моем путешествии никому! Ни госпоже Фортен, ни следователю, ни кому бы то ни было другому!

В течение получасового путешествия в Сен-Жермен Марта наметила себе простой, но оригинальный план действий.

По прибытии на место она направилась прямо в госпиталь. Молодая девушка хорошо знала, что нельзя иметь свидания с раненым, не назвав даже его имени; да и вообще в больницах существуют свои правила, нарушать которые, не заручившись протекцией, нельзя. Поэтому она спросила у швейцара адрес главного врача и, к счастью, застала его дома.

После продолжительных переговоров главный врач наконец решил допустить ее к больному, предупредив девушку, что больному пришлось выдержать серьезную операцию.

– Теперь я вам скажу все, – произнесла девушка, – свое

имя, происхождение, события...

– Не надо, дитя мое! Храните свой секрет – он принадлежит вам одной, а мне необходимо знать его только постольку, чтобы иметь возможность помочь вам!

Десять минут спустя доктор провел молодую девушку в госпиталь, где в маленькой комнатке лежал раненый, а по дороге вкратце познакомил Марту с ужасной раной полицейского агента, что повлекло за собой трепанацию.

Удар был нанесен немного повыше уха каким-то тяжелым орудием, кастетом или молотком.

Погруженный в глубокий обморок, раненый едва перенес операцию трепанации, единственную, способную его спасти.

Доктор тихо удалился, оставив молодую девушку наедине с раненым.

Марта подошла к больному, голова которого, вся покрытая бинтами, покоилась на подушке, и дотронулась до его горячей руки, но не решалась заговорить.

Агент видел это колебание и, понимая, что только очень серьезная причина могла привести в госпиталь эту молодую особу в глубоком трауре, сказал ясным, но тихим, как дыхание, голосом:

– Что вам угодно, сударыня?

– Я – Марта Грандье!..

– А!.. Его дочь... в трауре... и одна... Боже мой!.. Что случилось?

– Отец умер! В Мезон-Лафите совершено убийство... вы

сами сделались жертвою преступления. И в этом обвиняют невинного!.. Сжальтесь и скажите, что знаете. Кто вас ударил?.. чем?.. при каких обстоятельствах?.. постарайтесь вспомнить... о, умоляю вас!

Больной отвечал своим слабым голосом:

– Все, что я могу сообщить, сводится к весьма немногому. Я на коне преследовал человека в каштановой ливрее, которому ваш отец вручил письмо. Этот человек только-только вскочил на лошадь, которую держал за повод лесной сторож.

– Вы не помните, как он выглядел?..

– Он, кажется, был высок... силен... блондин... и очень напоминал слугу из хорошего дома... Он скакал... подпускал меня к себе... потом опять скакал вперед, как будто хотел завлечь меня в западню... Я это заметил слишком поздно... Такое ожесточенное преследование продолжалось с четверть часа, и хотя я не знаю этот лес... но, кажется, мы вертелись... в довольно ограниченном пространстве... в пустынном месте... где нельзя было встретить ни души... я припоминаю это место, где проезжал уже... несколько сучковатых дубов... решетка с запирающейся дверцей... я один... безоружен... официального приказа не имею...

Положение показалось мне серьезным... и я все больше думал: не в западню ли хотят меня поймать? Еще несколько прыжков, и я... перед дверью решетки, широко открытой... Человек, которого я преследую, оборачивается в седле... смеется и издает свист... Он мчится, как стрела... меж-

ду стволами дубов... Что-то задевает мои уши, обвивается вокруг головы... я в петле... лассо выхватило меня из седла и сбросило на землю с неслыханной силой... Оглушенный этим падением, я, однако, пытался бороться, кричать, защищаться, но не успел. Человек, одетый в костюм лесного сторожа... прыгнул из-за дуба... это он держал за повод лошадь... другого... о!.. я узнал бы его через пятьдесят лет... коренастый, осторожный, с длинною темно-русою бородой. Все это произошло с быстротою молнии! Он нанес мне страшный удар по голове каким-то инструментом... Казалось, что голова моя раздроблена... что я умираю!..

Марта, дрожащая и заплаканная., слушала этот прерывистый рассказ.

– Довольно, пожалуйста, довольно! – сказала она, пожимая руки утомленного больного. – Благодарю!.. О, благодарю от всего сердца! Вы спасаете от отчаяния бедных неутешных стариков, возвращаете свободу, жизнь и честь невинному. Теперь я могу все рассказать вам, если вам не вредно!

– Говорите, это успокоит меня. Я должен знать подробности этого ужасного и загадочного дела, на то я и полицейский агент. Но позвольте мне сделать сначала небольшое замечание... человек, набросивший на меня лассо, сделал это с поразительною ловкостью, на какую способны только южные американцы, гаучо или мексиканцы. Он иностранец!..

Марта облегченно вздохнула: часть обвинения против Леона Фортена исчезла.

Он ни причем, как при краже, так и при убийстве в лесу. Раненый – живое доказательство его невиновности. Мы докажем также, что не он виновник преступления на улице Св. Николая!

Потом молодая девушка рассказала все, что узнала об аресте Фортена и ходе судебного разбирательства.

Жерве, которого мало-помалу охватывала усталость, находил всю историю страшно запутанной и жалел, что пока не в состоянии помочь, но обещал, как только поправится, приложить все свои силы, чтобы распутать дело.

Девушка поблагодарила его от всего сердца и обещала в скором времени опять навестить, затем вырвала листок бумаги из книжки, в которую заносились заметки о ходе болезни, и написала на нем следующие строки:

*«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что человек, покушавшийся на меня в Сен-Жерменском лесу, был одет в костюм лесного сторожа, на вид ему около сорока лет, коренастый, сильный, среднего роста. Сен-Жерменский госпиталь.
28 апреля 1898 года».*

Она прочла вслух, и спросила раненого, согласен ли он под этим подписаться.

– С большим удовольствием! – ответил тот, подписав внизу листка свое имя.

– Еще раз благодарю, и до скорого свидания! – сказала сияющая девушка, покидая агента.

Она вкратце передала результаты свидания ожидавшему ее доктору и отправилась на станцию, чтобы вернуться в Мезон-Лафит. Идя быстро, обрадованная своею удачею и возможностью утешить родителей Леона, молодая девушка и не заметила, что за нею следуют какие-то два господина. На станции, купив билет и удостоверившись в целости записки агента, она положила портмоне обратно в карман и туда же сунула носовой платок.

Вскоре один из двух следовавших за ней людей оступился на лестнице и упал на колени. К нему сейчас же подбежали, чтобы оказать помощь. Причиной падения оказалась апельсинная корка; произошла суматоха, и Марта, внесенная людскою волной, вошла в вагон.

Приехав в Мезон-Лафит, она вышла, опустила руку в карман и хотела вынуть портмоне, где, кроме свидетельства Жерве, лежал ее дорожный билет. Дрожь пробежала по ее телу, и из груди невольно вырвался крик – обокрали!

Случай этот сам по себе был не важен, по крайней мере с точки зрения администрации, так как кражи кошельков на железных дорогах не редкость. Важно было знать, кто совершил похищение, – простой карманный воришка или один из бандитов, стремившихся погубить Фортена? Конечно, раненый агент мог дать вторичные показания, письменные или устные, в присутствии свидетелей, но ведь он был опасно болен!..

Марта рассказала все брату, но только ему одному, за-

тем решила на другой день поехать опять в госпиталь, но прежде дожидаться почтальона. Последний принес ей одно из тех ужасных писем, которые погубили ее несчастного отца.

Вот оно:

«Фортен виновен! Не будучи в состоянии спасти его, соучастники, товарищи „Красной звезды“, покидают его. Свидание с раненым из Сен-Жермена бесполезно. Новая попытка стоила бы ему жизни. Берегитесь сами. Вам запрещается, под страхом смерти, хлопотать в пользу того, кто должен искупить свою ошибку. При убийстве не оставляют доказательств».

Как и письма, адресованные Грандье, это послание было запечатано красной звездой.

Глава VII

Маленький старикашка с улицы Ла-Рошфуко. – Молодой человек. – Париж-Кале, Дувр, Лондон. – Товарищи «Красной звезды». – Тоби номер 2-й. – По телефону. – Доказательства невиновности.

Прошла неделя. К Редону допускали только доктора, его друга, на которого можно было вполне положиться. О состоянии здоровья репортера общество ничего не знало, в журналах не было ни бюллетеней, ни сообщений. Известно было только, что он вопреки ожиданию еще жив, но что жизнь его висит на волоске.

Непроницаемая таинственность окружала некогда веселый павильон, всегда оживавший от шумного и частого посещения друзей и знакомых репортера. На девятый день, в восемь часов утра, из павильона вышел маленький старичок в очках, с седой бородой, закутанный в темный широкий плащ. Очевидно, он вошел к больному рано утром, когда никто не мог его видеть. У него, вероятно, были для этого важные мотивы. Впрочем, дом был обширен, так что носильщики, слуги, жильцы постоянно сновали взад и вперед, и старик мог пройти совершенно незамеченным. Он бодрым еще шагом дошел по улице Ла-Рошфуко до улицы св. Лазаря и очутился на Троицкой площади. Здесь он остановился, выбрал одну из карет, двигавшихся по Антенскому шоссе, и сделал

кучеру знак остановиться. Но прежде чем сесть в карету, старик довольно долго вел переговоры с кучером, который сначала казался удивленным, а потом выразил свое согласие и даже улыбнулся, получив золотую монету... Седок устроился в карете, и она докатилась крупною рысью по Антенскому шоссе, завернула на улицу Лафайета и дальше с быстротою поезда домчалась до улицы Тревиз.

Там скопление экипажей на какой-то момент задержало ее; дверца открылась, и старичок вылез. После этого кучер сейчас же, не поворачивая головы, уехал.

Но со стариком с почти белой бородой и расслабленной походкой произошло чудесное превращение.

Теперь это был молодой человек с бледным лицом и отважным видом. Одет он был в клетчатый костюм с узким воротником, заколотым булавкой в виде подковы, и очень походил манерой держаться на жокея. На вид ему можно было дать двадцать два – двадцать три года. Быстрым взглядом он окинул шоссе, увидел свою карету и быстро двинулся к станции Монтолон. Здесь он выбрал кучера, заплатил ему, открыл дверцу кареты, проскользнул через внутренность последней, вышел через вторую дверцу и спокойно пошел за вереницей экипажей в то время, как кучер мчался вперед.

Наконец, эта странная личность, нуждавшаяся в таких предосторожностях, села в третью карету, сказав кучеру – на Северный вокзал.

Спустя несколько минут неизвестный входил на вокзал.

Взяв билет первого класса до Шантильи, он занял место в купе, где осталось еще свободное место, забрался в угол и казался заснувшим, между тем как проницательный взгляд его внимательно следил за всем.

В Шантильи трое пассажиров сошли, но наш молодой человек продолжал спать. В Лонжо сошли еще трое пассажиров, а он, добавив контролеру двадцать шесть франков сорок пять сантимов, продолжал путь в Кале, где, по-видимому, намеревался выйти. В Кале-приморском очутился он в двенадцать часов пятьдесят минут. У пристани уже разводил пары пакетбот, выбрасывавший густые клубы черного дыма.

Наш молодой человек, не колеблясь, взошел на судно. Прошло пять минут, раздались свистки, и «Вперед» тронулся в Англию. Несколько оборотов винта, немножко боковой и килевой качки – и переезд совершен.

Ровно через восемьдесят минут судно вошло в Дуврскую гавань.

Поезд готовился отойти в Лондон.

Таинственный незнакомец, проехавший по суше и по морю без всякого багажа, съел два сэндвича, выпил стакан вина и вскочил на лондонский поезд. Через час 45 минут поезд остановился на станции Чаринг-Кросс.

Было четыре часа. Незнакомец взял кэб, дал кучеру адрес и помчался по улицам Лондона, как только что мчался по улицам Парижа.

Кэб остановился перед старым домом на Боу-стрит и пу-

тешественник смелым шагом перешел одну аллею, пересек двор, вышел по другой аллее, поднялся на второй этаж, три раза постучал в дверь, вошел и, увидев служителя, спросил, принимает ли мистер Мельвиль.

Служитель встал, открыл дверь и привычным жестом пригласил посетителя войти. Тот вошел и увидел высокого, плотного господина, со сложением геркулеса, с умным и симпатичным лицом, на котором блестели два серых глаза. Это был знаменитый Мельвиль, один из самых опытных сыщиков английской полиции. Несколько выдающихся процессов принесли ему известность и уважение во Франции. Обладая удивительной памятью, он знал всех мошенников Лондона, на которых наводил настоящий ужас.

Два раза пытались его убить, но колоссальная сила и ловкость во всех движениях предохраняли его от смерти. О его смелости и хладнокровии рассказывали вещи, бросавшие в дрожь любителей раздирающих душу драм и ужасных охот, в которых дичь – бандиты, а охотник – сыщик.

Начальник поднялся навстречу вновь пришедшему, молча протянул ему руку и крепко, по-английски, пожал ее, так что тот не мог удержаться от легкого вскрика.

– Больно? – спросил он чистым французским языком, без всякого акцента.

– Легче!.. Ну и рука же у вас, мой дорогой Мельвиль!

– Вы устали?

– Не так, чтобы слишком, но достаточно!

– Пospите два часа на моем диване!

– Когда мы будем беседовать?

– Вы голодны?

– Как волк!

– Сейчас поедим... ленч особенный... Я вас ждал и поза-

ботился обо всем!

– Дорогой Мельвиль! Вы – замечательный друг!

– Равно как и вы!

– Но знаете ли, что вы – настоящая ищейка, как говорится у вас!

– Ба! Маленькая работа любителя!

– Наконец, ваши слова особенно льстят мне, и я чувствую себя счастливым, имея возможность брать уроки у такого учителя!

– Вы прекрасно пользуетесь ими!

– Получили вы мое письмо?

– Третьего дня!

– Как вы думаете, удалось вам вернуться незамеченным?

– Думаю, что да, так как я постарался запутать свой след!

Хозяин встал с места, свистнул в слуховую трубу, отдал через нее несколько приказаний и, снова садясь на место, прибавил;

– Дом охраняется. Теперь будем говорить за столом, который уже накрыт.

Незнакомец сел за стол, сделал несколько больших глотков вина и без обиняков сказал:

– Известен вам некий Френсис Бернетт, лет...

– Сорока!

– ... Сильный, коренастый... с длинной бородой... одевается у...

– Баррова, портного на Оксфорд-стрит.

– Именно! Но вам цены нет, Мельвиль. Откуда вы это знаете?

– Это пустяки, мой друг!

– Поразительно!

– Вы в таком доме, где ничему не удивляются.

– Итак, вы знаете Френсиса Бернетта?

– Да, еще бы! Это один из самых ужасных бандитов в Англии. Злодей, всегда ускользавший из моих рук. Я уже месяц не имел о нем известий. Правда, по моей милости, пребывание его в Англии сделалось довольно опасным.

– В течение этого месяца он жил во Франции. Дело в Мезон-Лафите...

– Я не сомневался в этом, читая о преступлении в ваших журналах... Красная звезда – его эмблема или, лучше, эмблема ассоциации...

– А! Так это шайка?

– ... Называемая шайкой двух тысяч...

– Их две тысячи?..

– Нет, название произошло от того, что они не берутся за дело, обещающее меньше двух тысяч фунтов стерлингов³.

³ Пятьдесят тысяч франков (прим. авт.).

Еще их называют, то есть они сами себя называют, «рыцари Красной звезды».

– О, как напыщенно, словно заглавие бульварного романа! А хорошо организованы эти «рыцари»?

– Ужасно! – отвечал сыщик более серьезным тоном. – Это сборище самых ужасных отбросов, это люди чрезвычайно ловкие. Там встречаются инженеры, химики, врачи, клоуны, механики, ученые, отвергнутые обществом, объявившие ему ожесточенную войну, бандиты второго сорта, отборные молодцы, исполняющие всю черную работу. Им здорово достается от нас. К несчастью, главари ускользнули, некоторые из них переправились через пролив и работают на материке!

– Да, это интересно, похоже на самый остросюжетный роман!

– Да, – подтвердил английский сыщик, – летописи полиции и поставляют, главным образом, материал для подобных романов! Вы любитель и охотно познакомитесь с ними!

– Но я должен записать то, что вы мне расскажете!

– Не беспокойтесь! Я уже приказал одному из своих людей переписать для вас часть дел о «Красной звезде»! Вам останется только перевести ее, а это не составит для вас труда, так как вы владеете английским языком как своим!

– Вы удивительный человек... успеваете подумать обо всем!

– О, немного порядка в мыслях и поступках – это сущие пустяки! К тому же я рад сделать приятное такому джентль-

мену как вы, которого я глубоко уважаю!

– Вы знаете, Мельвиль, что высокое уважение и живая симпатия взаимны!

– Да, знаю и очень счастлив! – сказал англичанин, снова пожимая руку своего таинственного собеседника. – Но возвратимся к нашим баранам, напоминающим настоящих тигров. Находя, что действовать в метрополии трудно и опасно, один из них решил овладеть Клондайком, громадной сокровищницей золота...

– Ага!.. Вот о чем извещал Френсис Бернетт в письме, запечатанном красной звездой!

– Вот видите!

– Так он для этой цели хотел иметь пятьдесят тысяч франков...

– Да, две тысячи фунтов стерлингов – минимальная цель этих негодяев. На всякий случай я послал двух моих агентов следить за ними и получаю время от времени донесения из Франции. До сих пор они смогли сделать немного, так как не имели руководящей нити. Однако я рассчитываю на них.

В эту минуту зазвонил телефон.

– Вы, патрон?

– А вы кто?

– Ваш агент, Тоби номер 2-й.

– Где вы?

– В Париже!

– Что имеете сообщить мне?

– Важные сведения об убийстве французского журналиста мистера Поля Редона!

– Очень хорошо, Тоби!

Потом, обращаясь к своему таинственному компаньону, он прибавил:

– Это очень интересно... Возьмите один из приемников и слушайте!

Голос Тоби номер 2-й продолжал:

– Мистер Поль Редон был убит Бобом Вильсоном, хорошо вам известным.

– Да, ловкая рука, можно сказать, у этого проклятого Френсиса Бернетта.

– Мистер Поль Редон, извещая по телефону Версальский суд о своих успехах, говорил слишком громко, так что слышно было по соседству. Там были Боб Вильсон или Френсис Бернетт. Эти бандиты, найдя, что мистер Редон знал слишком много, решили немедленно уничтожить его, что и сделали.

– Тоби, мой мальчик, очень хорошо, что вы напали на след! Получите четыре фунта награды!

– Благодарю, патрон...

– Что еще?

– Поймав нить дела, мы дежурили близ дома мистера Редона в надежде, что убийца или один из его помощников бродит около. Известно, что убийцы как бы гипнотизируют своей жертвой, заставляющей их возвращаться на то ме-

сто, где пролита кровь.

– Вы рассуждаете логично, Тоби! Продолжайте, мой мальчик!

– Но не видали ни Боба Вильсона, ни Френсиса Бернетта.

– Как!

– Да! Комиссар по юридическим делам должен был допросить мистера Поля Редона и обратился за разрешением к своему начальству. Благодаря его званию, суд позволил ему это свидание. Он вошел в спальню мистера Редона и увидел, что постель пуста, остыла, мебель в беспорядке, и – это все... Репортер исчез. Его искали по всему дому в саду, в других павильонах. Ничего! Пропал!

Несмотря на свое британское хладнокровие, агент не мог удержаться от восклицания, донесшегося по телефону до ушей Тоби № 2. Компаньон же Мельвиля, до сих пор слушавший спокойно, расхохотался так, как будто это необъяснимое исчезновение репортера было самой смешной вещью в мере.

– Вы смеетесь, патрон? – вскричал Тоби № 2, но сейчас же спохватился. – Да с вами кто-то есть?

– Да, надежный человек, перед которым вы можете говорить не стесняясь!

– Хорошо! Так мы с товарищем узнали, как я только что сказал, что мистер Поль был убит компаньоном Красной Звезды, но у нас не было доказательств! Теперь же они в наших руках, так что в случае надобности можно передать де-

ло в суд.

– Ага! – вскричал друг Мельвиля. – Это центральный пункт дела. Если у ваших людей, дорогой Мельвиль, есть такое доказательство, то невиновность Леона Фортена очевидна!

– Я думаю так же, как вы; и ваше путешествие сюда может оказать действительно громадное влияние на это загадочное дело! – потом он прибавил в телефон: – Мистер Тоби № 2?

– Да!..

– Сейчас шесть часов... согласны вы завтра, в этот же час, сообщить свои доказательства человеку, объявившему подобно вам беспощадную войну товарищам «Красной звезды»?

– Да!

– Прекрасно! Ровно в шесть часов вы будете на улице Рошфуко у павильона исчезнувшего репортера, позвоните и спросите Поля Редона. Вы увидите его во плоти, а не в качестве призрака, хотя у него теперь есть двойник.

Глава VIII

Опять маленький старикашка. – Удивление. – Воскресший из мертвых. – Ужасная рана. – Железная энергия. – Разоблачения Тоби № 2. – Слепок ног. – Отождествление. – Свет. – Преступление в Батиньоле.

Как только начало бить шесть часов, у двери павильона, занимаемого Полем Редоном, остановились двое мужчин. Один прямой, немного тощий, с длинными зубами и маленькими белокурыми локонами, имел вид английского слуги. Другой, одетый по последней моде, молодой, интеллигентный, был джентльмен с ног до головы. Последний поглядывал на англичанина; тот со своей стороны украдкой бросал на него нерешительный взгляд, нажимая кнопку электрического звонка. Дверь тотчас же открылась, и на пороге появилась экономка журналиста.

– Господин Поль Редон дома? – спросил на чистейшем парижском жаргоне джентльмен.

– Мистер Пол Ридонн? – переспросил по-английски слуга.

– Потрудитесь пройти! – пригласила женщина, давая дорогу.

Они вошли в спальню и увидели в ней низкого старичка, стоявшего спиной к камину, плешивого, с мутными глазами и дрожащими руками и ногами.

– Поль Редон, – сказал он тонким, как у щура, голосом, –

я!

– Ах! – вскричал озадаченный англичанин. – Вы смеетесь надо мною!

– Эй, голубчик, нельзя ли без подобных шуток! – воскликнул и джентльмен.

Старичок быстро выпрямился и крикнул задыхающимся от смеха голосом:

– Да, это я!

В тот же миг плащ упал, седой парик полетел прочь, такая же борода отстала от щек и подбородка, и в результате появился молодой, немного бледный человек, с тонкими чертами лица.

– Да! Это я – Редон! Не сомневайтесь в этом, дорогой прокурор! Я сам вчера телефонировал вам из Лондона в Версальский суд, назначив свидание здесь в шесть часов. Вы очень мило сделали, что не опоздали!

– Но вы все еще неузнаваемы! – вскричал пораженный чиновник. – А борода... ваша настоящая борода... красивая шатеновая борода, так шедшая вам?

– Сбрита совершенно! Я пожертвовал ее на алтарь дружбы и затем, чтобы сбить с толку своих недоброжелателей!

– Удивительно! – произнес судейский чиновник, пожимая его руку. – Но как ваша рана? Честное слово, мы вас собрались оплакивать!

– Да, я знаю... благодарю! Моя мнимая смерть принесла пользу: мы сейчас поговорим об этом... А теперь прежде

всего, дорогой мой друг, имею удовольствие представить вам мистера Тоби № 2, одного из самых тонких и ловких сыщиков Англии!

Англичанин поклонился просто, но с достоинством, а Редон прибавил:

– Это с вами я вчера говорил по телефону у моего друга Мельвиля, в Лондоне?

– Да, сэр.

– Садитесь, мистер Тоби, и вам, дорогой прокурор, предлагаю это кресло. Я чувствую себя разбитым этим непрерывным путешествием из Парижа в Лондон и из Лондона в Париж, а потому прошу у вас разрешения растянуться на этом шезлонге!

– Но, дорогой мой Редон, скажите, что все сие значит: эти переодевания, путешествие в скором поезде, рана, затворничество, слухи о вашей смерти...

Журналист распахнул свою рубашку, снял повязку на груди и, показав ужасную рану, наполовину затянувшуюся, прибавил:

– Человек, желавший моей смерти, напряг все свои силы при нанесении удара и мог рассчитывать на удачу: я должен был скоро умереть. Но удар, нанесенный со страшною силой, пришелся по узлу моего шелкового галстука, причем плотная ткань уменьшила его напряженность и заставила его скользнуть. Вследствие этого нож, вместо того чтобы пронзить мне грудь, только перерезал слой мускулов до самых ре-

бер, на которых и остановился!

– И вы ходите с этим?

– Уже тридцать часов!

– Ну и человек же вы!

– Человек, у которого есть цель! Впрочем, в первый момент я считал себя пораженным насмерть, и мысль распространить слухи о мнимой своей кончине в ближайшие дни пришла мне только после перевязки. Этим маневром я хотел усыпить бдительность своих врагов и ускользнуть от них!

– Умно придумано!

– Но это ужасная рана... Она еще побаливает, хотя сегодня одиннадцатый день, и она на три четверти уже залечена. Доктор промыл ее, зашил, предупредив инфекцию, и благодаря его искусству процесс рубцевания прошел нормально, не вызвав температуры.

– Поразительно, я не знаю, чему больше удивляться: вашему ли терпению, или науке, совершающей подобные чудеса. Но скажите, друг мой, вы не подозреваете, кто ваш убийца?

– Вот мистер Тоби № 2, может быть, сообщит нам о нем.

– Да, сэр! Я скажу вам всю правду!

– Мистер Тоби, мы с этим джентльменом владеем английским языком как своим собственным; поэтому вам будет удобнее изъясняться по-английски!

– Хорошо, сэр!

– Но прежде, мистер Тоби, дайте мне свой адрес, чтобы,

в случае нужды, я мог вас найти!

– Покинув Павильон Генриха IV в Сен-Жермене, где я жил некоторое время в качестве джентльмена, я поступил в гарсоны Парижского Виндзор-отеля.

– В Сен-Жермене!.. Вы были в Сен-Жермене... в момент совершения преступления?!

– За неделю до него, и я видел Френсиса Бернетта с Бобом Вильсоном; мы с товарищем следили за ними в течение нескольких дней. К сожалению, агенты французской полиции в решительную минуту помешали нам!

При этом сообщении неожиданная мысль мелькнула в уме репортера; он ударил себя по лбу и вскричал:

– Но... вы должны узнать эти ноги!

– Какие ноги? – спросил товарищ прокурора, которого поступки, слова и мысли его друга поражали своею неожиданностью и оригинальностью.

Журналист подошел к двери своей туалетной комнаты, открыл ее, отыскал спрятанный под обоями маленький сундучок и вынул из него два отпечатка, сделанные в саду на улице Св. Николая.

– Вот ноги, мистер Тоби; их можно зачернить для большего сходства с ботинками!

– Лишнее, так как я чистил вчера утром в Виндзор-отеле совершенно такую же обувь. Я сразу узнал форму ноги: ее длину, необыкновенную даже для англичанина, обтертый задок, маленькую выпуклость большого пальца левой ноги,

указывающую на начало подагры. Поверьте совести честного человека, что эти ноги принадлежат Френсису Бернетту, одному из начальников «Красной звезды».

– Но тогда, если он в отеле Виндзор, нет ничего легче, как арестовать его! – вскричал Поль Редон.

– Он оставил отель вчера вечером.

– Тысяча молний! Вот что значит играть несчастливо!

– Впрочем, мой товарищ должен за ним следить.

Этот быстрый обмен фразами был совершенно непонятен товарищу прокурора, потому он с любопытством осведомился, что все это означает?

– Помните, как я просил вас по телефону задержать корзину на станции Св. Лазаря? – вместо ответа спросил его репортер.

– Помню!

– Так эта корзина принадлежала негодяю, а вот изображение его ног! Эти отпечатки сделаны мною в саду дома, где совершено было преступление, в Мезон-Лафите... Они остались под стеной ограды, в том месте, где убийца перепрыгивал через цветник. Мистер Тоби признал их за отпечатки ног Френсиса Бернетта, английского бандита, начальника «Красной звезды»... Вы слышите? «Красной звезды»!

– Подтверждаете вы все это, мистер Тоби?

– Да, даже под присягой!

Живо заинтересованный чиновник начал теперь замечать свет, все более рассеивавший потемки, окружавшие это тра-

гическое и таинственное дело. Увидев свою ошибку, он, как умный и честный человек, готов был исправить ее, как только получит все доказательства.

Между тем Редон продолжал:

– Я передам вам все дело, врученное мне при отъезде из Лондона старшим агентом Мельвилем. Когда вы прочтете его, то будете совершенно убеждены. Тогда мы поговорим о Леоне Фортене.

– Странно! – сказал тот вполголоса. – Но продолжайте, друг мой, пожалуйста! Назначив мне вчера по телефону свидание, вы сообщили, что надеетесь узнать имя своего убийцы и представить доказательство того, что он – виновник преступления.

– Я думаю, что мистер Тоби удовлетворил нас обоих! Не так ли, мистер Тоби?

– Да, сударь!

– Прекрасно, – заявил тогда судья, – я буду вполне убежден, если этот убийца имеет какое-то отношение к «Красной звезде».

Тоби № 2 порылся в своих карманах и начал:

– Вот прежде всего нож, которым вы были поражены. Это прекрасный шеффилдский клинок, на буйволово́й рукоятке которого вырезаны инициалы В и W, а под ними маленькая красная звезда с пятью лучами.

Поль Редон взял оружие, попробовал острие пальцем, провел им легонько по нитке и сказал наполовину серьезно,

наполовину смеясь:

– Черт возьми! И колет, и режет: доказательство тому – мое бедное поврежденное тело.

– Это нож Боба Вильсона. Я взял его из собственного его кармана! – продолжал Тоби. – Впрочем, он ценен только благодаря инициалам, красной звезде и происхождению. А вот что более важно!

При последних словах агент вынул из внутреннего кармана своего пиджака конверт, в котором находился бледно-красный листок, исписанный буквами.

– Это лист из бювара, находящегося в комнате, которую занимал Боб Вильсон в отеле Виндзор. Я сам поменял бумагу бювара в надежде, что Боб Вильсон воспользуется ею как промокательной бумагой для своих писем, и не ошибся. Вот потрудитесь прочитать!

Так как буквы на листке бювара имели зеркальное изображение, агент поднес бумагу к зеркалу. Тогда товарищ прокурора и репортер смогли с большим трудом разобрать следующие три строки:

«Я покончил с Редоном: он знал слишком много. Человек из Мезон-Лафита окончательно погиб!

Боб Вильсон».

– Протестую! – вскричал Редон. – Я – упрямый мертвец, да и мальчик еще жив!

Тоби № 2 продолжал своим спокойным голосом:

– Это письмо Боба Вильсона. Впрочем, вот образец; по-

трудитесь сравнить, господа!

Образец и строки бювара имели такое сходство, что всякое сомнение отпадало: оба письма, несомненно, вышли из-под пера Боба Вильсона. Он – убийца Редона!

Теперь прокурор был убежден. Если компаньоны «Красной звезды» хотели умертвить репортера, то значит, как подтверждало и письмо, он знал слишком много. Убежденный в невиновности Леона Фортена, он горячо взялся за розыск настоящих виновников преступления и потому сделался для них опасен. В этом не было никакого сомнения.

Дрожащим от волнения голосом прокурор обратился к журналисту и его помощнику:

– Ваша храбрость и изобретательность, дорогой Редон, вместе с терпением и находчивостью мистера Тоби помогут восторжествовать справедливости. Благодаря вам ошибка будет исправлена, а невиновный получит свободу и оправдание. Мне остается теперь только сообщить следователю все, что я сам узнал! Надеюсь, что вы не откажетесь мне помочь?

– О, всеми силами! – отвечал журналист. – Вот документы, добытые английской полицией и доверенные мне Мельвилем. Вы прочтите их... это поразительно. А теперь нельзя ли мне свободно общаться с Фортенем, сделавшимся для меня еще дороже благодаря несчастью? Я хотел бы сообщить ему хорошие известия, осушить слезы стариков-родителей.

– Я сейчас возвращаюсь в Версаль, увижу вашего друга и

поведаю ему всю правду!

– Благодарю, дорогой друг, благодарю от всей души!

– Вы взволнованы, отдохните до завтрашнего полудня, а затем приезжайте в Версальский суд.

– Не премину это сделать.

– И вы также, мистер Тоби?

– Да, сударь, по приказу своего начальника, старшего агента Мельвиля, я остаюсь с мистером Редоном. Я очень рад повиноваться его приказанию, и, увидите, я буду вам полезен. Прежде всего, мне нужно взглянуть на негодяев, которым только мое отсутствие позволит приблизиться к вам. Потом, увидя с вами сыщика английской полиции, они поймут, что разоблачены. Тогда они быстро оставят Францию, где им будет слишком рискованно оставаться.

– Это разумно, мистер Тоби. Располагайтесь же здесь... вот комната... вы у себя... пейте, ешьте, а я ложусь в постель!

– До завтрашнего полудня, дорогой прокурор! Вот документы... возьмите их!

– Благодарю!

– Прав я был, когда кричал вам: «Ловушка!»?

– Да, вы были правы, и я благодарю вас от всего сердца, от имени правосудия, как его представитель!

– Ба! Не стоит!

– Нет стоит, так как вы оказали всем большую услугу, разъяснив нам печальное заблуждение. Это останется между

нами, не так ли?

– Даю слово!

– Я иного и не ждал от такого человека, как вы! Мы иногда ошибаемся, потому что ошибки свойственны людям, а мы – люди. Но мы всегда действуем по совести и стараемся не преступить закона! До завтра!

Прокурор уехал. Редон пообедал с аппетитом, лег в постель и уснул, как убитый.

В восемь часов Тоби вышел из дому, взял карету, вернулся в отель Виндзор и потребовал расчет. Получив его, он сложил в маленький сундук свой тощий багаж, положил его в экипаж и вернулся в квартиру Редона.

На улицах продавали второе издание «Вечера» (Le Soir). Разносчик выкрикнул у него над ухом: «Берите последние новости... Читайте о Батиньольском преступлении... убийство капиталиста... кража пятидесяти тысяч франков! Требуйте последние новости!»

Тоби подумал:

– Пятьдесят тысяч франков... Две тысячи фунтов... Что, если и здесь замешана «Красная звезда»?

Он купил газету, пробежал глазами описание события и сел в карету, промолвив:

– Если это преступление совершили компаньоны «Красной звезды», то они, конечно, бежали. Нужно их найти, а это не легко.

Глава IX

Тщетные предосторожности. – Дьявольская ловкость. – Это – английской работы. – На свободе. – Вознаграждение. – Истинный друг. – Отправимся в Клондайк! – Отъезд в Америку.

Убийство в Батиньоле навсегда осталось тайной, а виновники его не были раскрыты. Совершенное с неслыханною дерзостью и смелостью, оно сильно взволновало общественное мнение; но парижской полиции, несмотря на все ее искусство, не удалось обнаружить ни малейшего следа преступников. Только, может быть, Тоби № 2 да его товарищи, агенты Мельвиля, подозревали правду.

Жертвою был семидесятилетний старик, очень скупой, слывший богачом в квартале, собиравший драгоценности и деньги. С ним жила единственная служанка, почти шестидесятилетняя, немного глухая и, по слухам, любившая пропустить стаканчик.

В день убийства старик получил в банке пятьдесят тысяч франков и возвратился веселый, шелестя синими бумажками и любуясь ими: потом заперся в маленьком кабинете, где находился его денежный сундук и куда никто, кроме него, не входил, даже прислуга. Впрочем, он простирал свои предосторожности до чрезвычайных размеров и сделал все возможное, чтобы превратить эту комнату в неприступную

крепость: ставни, плотно закрывавшие окна, были покрыты стальными листами и снабжены целой системой запоров и пружин. Кроме того, входная дверь запиралась цепями и стальными перекладинами. Наконец, отверстие каждого камина было закрыто на уровне человеческого роста прочною решеткою. К несчастью, хозяин забыл обить железом пол и стены, тогда бы он жил в закупоренном металлическом кубе.

Но как бы то ни было восьмого апреля освободилось помещение как раз над квартирою старика, находившейся на четвертом этаже старого дома по улице Бурсольд. Какие-то люди перевезли сюда скудную мебель, внося вперед трехмесячную плату за квартиру. Они уходили и приходили в определенное время как мастеровые или служащие и рано возвращались в свое скромное жилище. Ночью с дьявольской ловкостью и смелостью они ухитрились проделать отверстие в полу, отделявшем их жилище от квартиры старого скупца. Они работали без всякого шума и выполнили эту каторжную работу за восемь ночей. Очевидно, им было хорошо известно расположение комнат в квартире старика, так как отверстие пришлось как раз над маленькой кладовой. На восьмую ночь они спустились в нее.

Должно быть, старик услышал легкий шум, потому что встал и взял спичку, найденную потом в его руке.

Тогда воры ворвались в его комнату, схватили его, задушили и бросили на ковер, сами же кинулись к денежному сундуку. Зная наверняка, что лом им не поможет, они про-

били металлическую стенку при помощи целого набора различных инструментов, а сделав одно отверстие, принялись за второе. Мало-помалу, менее чем за два часа, они проделали в двери круглое отверстие на уровне замка. Однако им не удалось сломать его; тогда один из них запустил руку и вытащил пачку в пятьдесят тысяч франков, находившуюся сверху. Удовольствовались ли они такой добычей или услышали какой-то подозрительный шум вблизи, неизвестно. Ясно одно: они не смогли или не успели проделать отверстие с другой стороны денежного сундука.

Поднявшись в свою квартиру, они переменяли одежду и покинули помещение в три часа утра.

Служанка ничего не слышала. В шесть часов она постучалась к хозяину, дверь комнаты которого была по обыкновению наглухо закрыта. В восемь часов она опять подошла к двери, испугалась, спустилась к привратнику и попросила его привести полицейского.

Убийство было обнаружено, а вместе с тем и кража. Не знали, кого подозревать. Только Тоби догадывался об истине. Он мог добыть от французских агентов некоторые разъяснения, видел улики и сказал Редону:

– Это – английская работа! Ваши французские бандиты не имеют таких совершенных инструментов.

– Очень возможно, Тоби, – с важностью отвечал журналист, – впрочем, у меня нет национального самолюбия!

Английский агент при помощи своего товарища начал ро-

зыски, но они ни к чему не привели.

Пришлось сделать заключение, что убийцы покинули Францию, увезя с собою и пятьдесят тысяч франков, предмет их преступных вождедений. Кроме того, агент заявил журналисту и его друзьям:

– Я уверен, что вас сбили с толку деятели «Красной звезды». Думаю даже, что эти два злодея уехали, как и предупреждали, в Клондайк – ловить в мутной воде миллионы. В их руках был основной капитал, необходимый для начала предприятия – пятьдесят тысяч франков, добытых преступлением!

– Но тогда их было бы легко арестовать в Гавре или Ливерпуле, на пути в Америку?..

– Они слишком хитры, чтобы сесть на французский или английский пакетбот. Я думаю, они уже достигли границы, бельгийской или германской, и продолжают путь в Антверпен или Бремен. Ах, если б я мог быть одновременно в двух-трех местах!

– Ну, поезжайте сами в Бремен, а своего товарища отправьте в Антверпен.

– Я не смел просить вас об этом! – сказал агент, глаза которого заблестели. – Ведь мне приказано оберегать вас.

– Благодарю, мой Тоби, я теперь сам себя могу охранить и защитить. Не бойтесь ничего и посылайте каждый день известия!

Когда оба агента уехали, Редон вернулся в Версаль и по-

доспел как раз к освобождению Леона Фортена. Несчастный пленник, которого содержали до тех пор в большой строгости, очутился на свободе, ничего не понимая, как и в день своего ареста.

Его выпустили из заключения, как и арестовали, без всяких разъяснений. Он сначала не узнал своего верного друга Редона, с его бородой, бледностью и остатком лихорадочного блеска в глазах.

По дороге в Мезон-Лафит Редон рассказал вкратце своему другу все, что произошло, скромно приписав себе только незначительную долю хлопот по его освобождению.

Когда они пришли домой, Леон открыл дверь, влетел в комнату вихрем и, увидев мать, протянул к ней руки, говоря сквозь слезы:

– Мама!.. Бедная моя мама!

Старушка обняла его, едва сумев проронить слабым голосом:

– Мальчик мой, дорогой... наконец-то... мы не жили... разлученные с тобою... несчастный... обвиненный в таком преступлении!.. О, эти судьи!.. Тебя, саму доброту, честность... тебя подозревать!..

Он вырвался из объятий матери и кинулся на грудь к отцу, бледному, почти бездыханному, не произнесшему ни слова, а только плакавшему как ребенок.

Только после этого Леон и его друг заметили двух молодых людей, поднявшихся им навстречу. Это были прекрас-

ная девушка в глубоком трауре, растроганная и не пытавшаяся сдерживать слез, и ее брат.

В то время, как Поль Редон пожимал руки стариков, знавших, какое участие он принимал в освобождении их сына и не находивших нужных слов, чтобы отблагодарить, Леон с восхищением вскричал:

– Мадемуазель Грандье! Вы здесь! О, да благословит вас Бог за это!

– Милостивый государь, – сказала та с достоинством, – роковая судьба соединила ваши страдания с нашими. У этих страданий – один источник и потому мы с братом жаждали первыми, после ваших родителей, засвидетельствовать вам свое уважение!

Растроганный, забывший все пытки заключения, все оскорбления толпы, Леон горячо пожал протянутые руки молодой девушки и ее брата.

– А что у вас нового, мадам Фортен? – спросил Редон.

– Плохие новости, на нас все показывают пальцем, так что на улицу нельзя выйти. Потом бедный наш Леон потерял свою должность в Сорбонне. Вот письмо, извещающее об этом!

– Ах, – с горечью сказал Леон, – даже судебная ошибка не проходит даром! Теперь я без должности, имею массу врагов. Что делать, Боже мой, что делать?

– Покинуть отечество, – посоветовал Редон, – устроиться за границей и отплатить презрением за презрение!

– Но я беден, а мои родители тоже не имеют средств!

– Это очень легко устроить! – возразил журналист. – Ну-с, папа Фортен, сколько вам нужно в год, чтобы прожить прилично?

– Я не знаю, право! – робко заявил тот.

– Ну, вот: у меня есть на берегу моря, в моей дорогой Бретани (я ведь бретонец) прелестный домик, с садом. Вы поселитесь в нем и будете там выращивать овощи... жизнь там дешевая... довольно ста франков в месяц.

– Но, дорогой Поль... – прервал Леон.

– Что ты хочешь от своего дорогого Поля? Я твой компаньон, не так ли? Мы учредим, если ты хочешь, общество. Я внесу капитал, ты – свой ум и свои технические познания, материальная жизнь твоих родителей обеспечена частью капитала.

– Я перестаю понимать!

– Изволь, объясню: тебе нужно пятьдесят тысяч франков, чтобы сделать карьеру в Клондайке, но не так, как «Красной звезде», конечно. Я тебе даю эту сумму, так как уверен, что заработаю на ней пятьдесят миллионов! Значит, я сделаю выгодное дело! Впрочем, мы отправимся вместе в Клондайк, так как жизнь здесь невесела.

– Итак, решено, мы едем наживать капиталы?

– Чем раньше, тем лучше, и я думаю, что с помощью твоей выдумки миллионы быстро потекут в наши руки. Вероятно, там мы встретим и злодеев, которые под маркой «Красной

звезды» совершили столько преступлений, принесли столько горя. Я очень бы не прочь отплатить им той же монетой и испробовать на них месть краснокожего.

Брат Марты поднялся при этих словах и, дрожа от гнева, произнес:

– Господа, они убили моего отца, возьмите меня с собою, чтобы отомстить за него!

– Хорошо, мой молодой друг! – с горячностью отвечал журналист.

– Сколько вам лет?

– Шестнадцать, но, клянусь, я по храбрости не уступлю взрослому!

– В 1870 году многие юноши ваших лет были неустрашимыми солдатами. Вы идете с нами!

– Благодарю, вы не раскаетесь. Что касается сестры, то...

– Она не покинет тебя, друг мой! – прервала молодая девушка, вставая в свою очередь.

– Как, мадемуазель!?! – вскричал Леон. – Вы решитесь подвергнуть себя пыткам ледяного ада, лишениям, холоду, ужасному, мертвящему холоду?!..

– Наш покойный отец завещал отомстить убийцам, и я буду везде преследовать их. Я не боюсь ледяного ада, не боюсь, если нужно, и Сахары, я перенесу самые страшные страдания, даже самую смерть, без колебания, без сожаления, без жалоб!

Все это было сказано спокойно, с холодной решимостью

человека, не желающего раздумывать.

Чувствовалось, что под нежной кожей девушки кипит горячая кровь, а в сердце ее – отвага героя. Оба друга почти-тельно склонились, не в силах устоять перед такой энергией.

Тогда молодая девушка продолжала:

– Будьте уверены, я не помешаю. Бедный отец как будто предчувствовал и воспитывал меня по-американски. Я сильна, приучена к трудностям, занималась всевозможными видами спорта. Я буду для вас спутником, берушим на себя часть работы и опасности. Наконец, у нас есть небольшие деньги, остатки прошлого величия, около десяти тысяч франков. Это наш с братом пай в ваше предприятие. Таким образом мы станем вашими компаньонами, не так ли?

– Мадемуазель, – почтительно отвечал журналист, – для нас ваши желания – закон! Теперь последнее слово! Надо подготовиться к отплытию в Америку в течение недели!

– Но мы готовы! – в один голос отвечали брат и сестра.

– Чудесно! А ты, Леон?

– Мне надо три дня на сборы.

– Решено! Я со своей стороны жду вашего известия, которое рассчитываю получить не раньше, как через два дня. От этого зависит время нашего отъезда! Я сообщу вам его тотчас по получении.

Марта с братом вернулись на виллу Кармен, которую они вскоре должны были покинуть навсегда. Леон Фортен заперся в своей маленькой лаборатории и с увлечением отдался

работе. Старики Фортен, удрученные мыслью о близкой разлуке с сыном, но сознавая ее неизбежность, готовились к отъезду в Бретань.

Так прошли двое суток. Редон начал уже волноваться, как вдруг получил телеграмму. Он запер сундуки и в автобусе Западной Компании отправил их на станцию св. Лазаря. Сам же, дав необходимые инструкции ключнице, пешком отправился на вокзал Западной дороги. По пути встретился ему товарищ и спросил:

– Вы уезжаете?

– В Мезон-Лафит! – отвечал он.

К ночи Редон прибыл туда. В ожидании его здесь собрались предупрежденные телеграммой Марта Граидье, ее брат и Леон Фортен с родителями. Каждый чувствовал, что решительная минута наступила. После обычных приветствий Редон вынул из кармана телеграмму и прочел:

«Бремен, четверг, 5 мая 1898 года, 2 часа. Компаньоны „Красной звезды“ сегодня утром сели на пакетбот „Император Вильгельм“, отправляющийся в Нью-Йорк, потом в Канаду и Клондайк. Уезжают в полдень. Я поеду тоже и буду следить за ними до конца. Адресовать письма – Силька-Ванкувер, потом Доусон-Сити.

Тоби № 2».

– Поняли? – спросил Редон. – Нет, конечно! Сейчас объясню! – и он подробно пересказал им свои приключения, начиная с того момента, когда он делал отпечатки ног убийц в

саду на улице Св. Николая.

Когда все было выяснено, сообщены все сведения относительно «Красной звезды», он прибавил:

– Сегодня четверг, вечер, 6-е мая. Завтра утренним поездом мы отправляемся в Гавр, в шесть часов. В прилив снимаемся с якоря и вперед! В Америку, куда зовет нас жажда мщения и богатства!

Часть 2. Гнездо самородков

Глава I

Страна золота. – Золотая лихорадка. – Рудокопы передового отряда. – Огильви. – Бескорыстие. – Нищета и миллионы. – На приступ. – Вторжение. – Зимние лишения.

Два года тому назад географы даже не слышали о Клондайке, этом скромном ручье, притоке громадной реки ледяной страны, Юкона, катящей свои воды по вечной мерзлоте Канады и Аляски.

В настоящее время все знают и повторяют это название, по созвучию происходящее от индейского слова «Трон-Дюнк», означающего «много рыбы». Клондайк теперь полон золота!.. Золота до пресыщения!.. Золота в изобилии!

Это – эльдорадо страны снегов, таинственное место, где должна находиться громадная золотая сокровищница... золотой мешок... «мать золота», как говорят рудокопы. the big lump of gold⁴ американцев, открытие которой вызвало бы падение стоимости золота во всем мире. Но Клондайк – это еще ледяной ад, где дрожат от золотой лихорадки, где носят в воздухе алчные желания, где мечется отчаяние, где гиб-

⁴ большая груда золота

нут во множестве люди, пораженные безумием.

Да, ледяной ад, где свирепствуют страшные морозы в сорок пять, пятьдесят и пятьдесят пять градусов ниже нуля, где скалы трескаются с громовым шумом, где мясо рубят топором, сало и масло пилят пилой, где ртуть доходит до плотности свинца, где жизнь кажется невозможной и где во время бесконечной полярной ночи работают, как бешеные, люди, собравшиеся отовсюду на поиски золота.

Уже два года близ места, где скрещивается шестьдесят четвертая северная параллель со сто сорок вторым западным меридианом от Парижа, люди всех племен, говорящие на всевозможных языках, охваченные одинаковой алчностью, бьют кирками мерзлую почву, заключающую золотые зерна.

17 июля 1897 года судно «Портланд», возвращаясь из Клондайка, доставило в Сан-Франциско шестьдесят рудокопов. Истощенные, оборванные, утомленные дорогой, эти люди, казалось, подвергались всем болезням, какие только может вынести человеческий организм. Все они сгибались под тяжестью сундуков, мешков и всяких причудливо завязанных тюков, которых не хотели никому доверить. Они остановились у банка и здесь, перед воротами, раскрыли свои тюки. Там были слитки и золотой песок. По взвешивании оказалось около двух тысяч килограммов... миллион сто двадцать тысяч долларов!.. шесть миллионов франков.

Они обменяли золото на деньги, и разбогатевшие, или по крайней мере избавленные от нужды, собирались опять экс-

плуатировать участки, которые взяли в концессию. На вопрос, откуда они пришли, был дан ответ: «Из Клондайка».

Они рассказали о своих мучениях, о зиме, проведенной в палатке при 55-градусном морозе, об ужасном труде, о смерти товарищей...

– Да!.. Да!.. Это так... Но золото?

– Золото?.. Оно там везде!

И это была правда.

Эти люди привели в лихорадочное состояние целый город. Новость распространилась быстро, достигла Канады, Соединенных Штатов, берегов Атлантического океана, старой Европы... целого света. За несколько дней название Клондайка и его притоков сделалось популярным. Рудокопы окрестили их: Хонкер (Hunker), Бир (Bear), Эльдorado, Бонанза, – это наиболее известные, изобилующие золотом места.

Организованы были экспедиции, намечены склады, чуть не будущие города, где устраивался запас всего необходимого: одежды, орудий, провизии. Потом суда, нагруженные людьми, скотом, собаками, инструментами, припасами, стали отплывать то из Ванкувера, то из Сан-Франциско.

Торговцы, ковбои, пасторы, хористы, земледельцы, авантюристы, промышленники, моряки, ремесленники – все превратились в рудокопов и присоединились к пионерам.

Между ними находился В. Кормак, опытный золотоискатель. Охваченный лихорадочными поисками, он грезил о зо-

лоте под полярным кругом, скитаясь в течение двадцати лет и не теряя мужества несмотря на неудачи. Неутомимо копал он мерзлую почву, где кое-где попадались ему золотые зерна.

В нескольких сотен милях от него, на юге, трудилась дру-
гая группа рудокопов; их было около тысячи, и лагерь назы-
вался Форти-Миль (Forty-Mile). Привлеченные индейскими
легендами, они в действительности очень мало находили зо-
лота и жили весьма скудно.

В августе Кормак, работая вместе со своим деверем, ин-
дейцем, намыл золота на три сотни франков. Удивленный,
он набрал еще земли и опять намыл на четыреста франков. В
течение двух дней ему удалось добыть золота на сумму семь
тысяч франков, а россыпь, казалось, нисколько не истоща-
лась, и счастливый рудокоп собрал за неделю около двадца-
ти тысяч франков; но вышла вся провизия. Он отправился
тогда в лагерь Форти-Миль; купил сала; муки и картофеля,
сообщил некоторым товарищам о своем богатстве и уехал
обратно.

Последние, целая дюжина, не колеблясь, последовали за
ним и прибыли на берег ручья, названного Кормаком «Эль-
дорадо». По обычаю рудокопов, они разделили землю на
участки в семьдесят шесть метров каждый и лихорадочно
принялись за работу.

Первые результаты были головокружительны: никогда
еще рудокопы, даже в сказочные времена Калифорнии или
Австралии, не видели подобного богатства. Двое из близких

приятелей Кормака, старый Джон Казей (John Casey) и молодой Кларенс Берри (Clarence Berry) вступили в товарищество. У последнего была грациозная и миниатюрная жена, точно распустившийся цветок, роза севера среди снегов.

Все трое, при усердной помощи мадам Берри, добыли за двенадцать дней сорок тысяч франков из выемки около трех метров глубиной.

Четверо других товарищей, Жой Мак-Найт (Joe Mac-Knight), Дуглас, Фир и Гартманн, оказались еще более удачливými: в течение трех недель они намыли золота на сто двадцать тысяч франков.

Наконец, охотник меховой компании из Сан-Луи, работая один, намыл на тридцать шесть тысяч франков за восемнадцать часов.

Все эти люди, до тех пор намывавшие по пяти, десяти су, казалось, обезумели. Они не пили, не ели, не спали, настолько их нервы были возбуждены лихорадочной работой.

Как и у Кормака, однако, у них вышла вся провизия, так что пришлось отправиться в Форти-Миль. При виде мешков, наполненных золотыми зернами, более тысячи ста рудокопов отправились в Эльдorado, захватив все, что могли.

Двое молодых людей, Рид (Reed) и Лерминье, сделали открытие, почти беспримерное в летописях рудокопов. Они за две недели извлекли из выемки в восемь метров триста тысяч франков!

Тогда канадец Жозеф Леду, владевший лесопильней на

реке Сиксти-Миль (Sixty-Mile), перенес ее на новое место, туда, где Клондайк сливается с Юконом. Через два года здесь вырос уже целый город с тридцатью тысячами жителей, Досон-Сити (Dawson-City).

Однако неизбежным следствием наплыва народа в Клондайк явились раздоры между поселенцами, соперничество, убийства. К счастью, межевщик канадского правительства, Вильям Огильви (William Ogilvie) находился неподалеку, во главе группы топографов, посланных определить границу между Америкой и Канадой. Он согласился измерить все участки, установить границы владений и быть справедливым судьей между этими людьми, привыкшими пускать в ход револьверы. Он один сохранил среди всеобщей лихорадки свое хладнокровие и даже отказался от богатых даров, предложенных ему за труды, заявив, что «государство платит ему жалованье за исполнение обязанностей, а не за устройство собственного материального благополучия».

Такой поступок снискал высокое уважение этому человеку, решения которого стали почитаться законом. Он один мог установить порядок между этими сумасшедшими. Между тем золотоискатели, рассеявшиеся было по обширным пустыням Аляски и влачившие там жалкое существование, все больше наводняли Клондайк.

Сколько ужасных тайн породила эта погоня за золотом! Руководствуясь компасом, в ужасную полярную ночь, люди шли через снега, таща сани, питаясь замороженным мясом

собак, когда выходило сало, страдая от страшного холода, вынужденные спать на снегу. Сколько погибло их за это время ужасной смертью! Но зато как награждены были те, кто победоносно вышел из грозного испытания!

Зима прошла среди лишений и сверхчеловеческого труда. Большинство жило в снеговых хижинах или в палатках из шерстяной ткани. Впрочем, неутолимая золотая лихорадка воспламеняла их кровь, сжигала тело, держала в огне весь организм до мозгов и делала нечувствительным к холоду. Весной уехала партия из шестидесяти пяти рудокопов, почувствовавших себя достаточно богатыми, чтобы позволить себе некоторый отдых.

Это были пассажиры «Портланда», прибытие которых в Сан-Франциско произвело известное уже читателю волнение.

Месяц спустя «Эксельсиор» привез шесть миллионов долларов и вторую партию рудокопов из шестидесяти человек. Среди них был калифорниец Берри и его неустрашимая подруга. Берри собрал за зиму на восемьсот тысяч франков золотого песка и зерен и приобрел участок, стоящий более пяти миллионов.

Его товарищ Балти (Balty) привез шестьсот пятьдесят тысяч франков; Жозеф Леду, основатель Доусон-Сити, – пятьсот тысяч.

Канадцы с именами, похожими на французские, Дефонтен, Мишо, Бертонне, Денонвилье, Бержерон, Жильберт,

прибыли владельцами примерно полумиллиона!

Работа десяти месяцев!

Многие другие тоже составили себе состояние. Тогда-то началась горячка. Со всех сторон стекались жаждущие золота, бравшие пароходы буквально приступом. Они отправлялись на поиски без провизии, не обращая внимания на ужасный климат, при котором с октября реки промерзают и затрудняется снабжение провиантом.

Несчастные безумцы со всех сторон бросались на штурм страны льдов, терпя голод, холод, смерть и переступая через замороженные трупы, устилавшие заснеженную землю.

Была зима, а они все шли.

Отовсюду прибывали бесчисленные партии.

Пароходы останавливались в Скагуэй (Skaguay) или в Дика (Dusa).

От последнего пункта до Беннета, где начинается нормальный санный путь, считается пятьдесят километров. На половине пути возвышается скала высотой в 1.068 метров, покрытая снегом, на вершину которой взбираются по дорожке, протоптанной козами⁵. Ни собаки, ни лошади, ни мулы не могут там карабкаться, словом, никто кроме человека.

Каждый навьючен поклажей около 4 пудов весом. Согнув спины, с разбитыми поясницами и подбородком, чуть не ка-

⁵ Эти подробности заимствованы из «Revue-Klondike», издатель которого, Жан Ламар, – один из наиболее богатых золотоискателей в Клондайке и в бассейне Юкона (прим. авт.).

сающим колена, будущие миллионеры усердно взбираются по тропинкам, цепляясь пальцами рук и ног, пыхтя, ворча, проклиная и все-таки медленно продвигаясь вперед. Около тысячи их взбирается сразу; как муравьи, движутся они черной лентой, отчетливо виднеющейся на белом снежном покрове. Они достигают вершины изнуренные до крайности, испускающие пары, как кипящий котел. Тогда резким движением сбрасывают они с плеч ношу, и она скатывается далеко вниз. За первым тюком следует другой, потом третий и т. д., по числу забравшихся людей. Внизу все это смешивается, иные вещи наполовину зарываются в снег.

Таким образом скатывается до тысячи килограммов съестных припасов и пожитков, необходимых рудокопу в течение года.

Иные разделяют свой тюк на десять маленьких, которые постепенно доставляют на вершину, и спускают вниз. Таким образом, десять раз повторяется страшно опасный маневр! Это место называют перевалом Чилькот. Затем поклажа разбирается и нагружается на сани, которые бечевой тянут вместе собаки и люди.

Ужасна эта дорога при ледящем ветре, поднимающем целую снежную бурю! А привал несчастных, старающихся укутаться потеплее, чтобы заснуть и проснуться потом наполовину замерзшими?!

От озера Беннет до Доусон-Сити считается пятьсот километров. Это расстояние пароходы проходят за пять дней в

конец весны, когда воды свободны ото льда. В разгар же зимы для этого надо по крайней мере двадцать пять дней. А как мучительно тяжело это путешествие при подобных условиях.

Само Вашингтонское правительство и пароходное начальство часто смущается и телеграфирует своим агентам в Сан-Франциско и Ванкувер:

«Задержите отъезд... остановите рудокопов... Скажите, чтобы дожидались весны».

Но пятнадцать тысяч любителей легкой наживы вопили: «Мы хотим ехать!.. Вот деньги... плата за проезд... Нас не имеют права задерживать... Место! ... Место!.. И вперед!»

И пароходы отходили, а народ прибывал, все более иступленный, и замерзшие трупы присоединялись к прежним, устилавшим горестную дорогу. Ничто не могло остановить этого безумия, этой алчности, этой дьявольской погони за миллионами. Мученики «ледяного ада» падали, умирали, но, несмотря ни на что, число их все увеличивалось. Впрочем, впоследствии, когда первое волнение, произведенное вестью о клондайкском золоте, прошло, приняты были некоторые меры для поддержания порядка и спасения несчастных от гибели: образовались общества для упорядочения прибытия и отправления золотоискателей, в газетах и журналах стали появляться различные путеводители с полезными советами, перечислением необходимых в тех краях предметов и обозначением их стоимости, с некоторыми сведени-

ями о местных требованиях гигиены и важнейшими географическими указаниями. Были также приняты меры к облегчению трудностей ужасного перевала через Чилькот. Были даже попытки устроить зубчатую железную дорогу в ожидании постройки настоящей железнодорожной линии, проведенной два года спустя через Вайт-Пасс, перевал, соседний с Чилькотом.

Однако в ожидании более удобных путей сообщения и бедные, и богатые, и сильные, и слабые, словом все решавшиеся на это путешествие зимой, принуждены были выносить бесчисленные мучения и трудности, чтобы в конце концов умереть мучительной и страшной смертью среди этого «ледяного ада». Те же, что были достаточно разумны, чтобы дождаться весны, совершали это путешествие водой быстро и даже приятно.

Глава II

Впечатления лицеиста. – Новые друзья. – Канадец и его дочь. – Что следует запастись, отправляясь в Клондайк. – Летнее путешествие. – От Ванкувера до Скагуэя. – Перевал мертвой лошади. – От Скагуэя до озера Беннет. – На пути в Доусон-Сити.

– Ну, что вы скажете об истекших двух неделях? – спросил Редон молодого лицеиста.

– Это какой-то сон, какая-то феерия! – отвечал тот. – Я страшно восхищен! Этот неожиданный отъезд из Гавра, прекрасный переезд через Атлантический океан, неделя в Нью-Йорке, затем Монреаль, путешествие по Канадской тихоокеанской железной дороге и, наконец, Ванкувер? Мне просто даже не верится, что все это не сон, а действительность!

– Да, да, Жан прав, – хором воскликнула вся маленькая компания, – все мы того же мнения, что это путешествие прелестно!

Двое посторонних, прислушиваясь к их восторженным возгласам, приветливо улыбнулись. То был громадного роста плечистый человек, с ясным, светлым взглядом в крупных грубоватых чертах лица, носившего на себе отпечаток недюжинной энергии, чистосердечия и удивительного добродушия. На вид ему можно было дать не более тридцати пяти лет, хотя в сущности ему было сорок пять, если не

все пятьдесят. Рядом с ним стояла молодая девушка, красивая, рослая, румяная, с густой каштановой косой, большими синими глазами, с кротким и в то же время смелые и решительным выражением, несколько похожая на своего спутника. Очевидно, это были отец и дочь.

– Ну, а вам, господин Дюшато, эти шесть суток в железнодорожном вагоне не показались скучными и утомительными?

– О нет? Мы, канадцы, неутомимы, а радость встречи знакомство с настоящими французами заставили нас совершенно позабыть о скучном пути! Я уверен, что моя дочь Жанна того же мнения! Вы не поверите, господа, как все мы, канадцы, сердечно привязаны к Франции, которую, несмотря ни на что, продолжаем считать своей настоящей родиной. Мы счастливы, когда судьба сталкивает нас с людьми, прибывшими прямо оттуда, с нашей далекой родины!

– Со своей стороны, мы можем сказать, что считаем за счастье встречу с вами, так как от самого Монреаля вы не переставали быть для нас самым внимательным и заботливым гидом, руководителем и советником, без которого нам трудно пришлось бы, – сказал журналист. – Вы запасли для нас и полную экипировку, и все съестные припасы, на что без вас мы потратили бы не менее недели, да и обошлось бы это нам втрое дороже!

– Э, господа, стоит об этом говорить! Ведь вы же наши земляки! Случай столкнул нас в Монреале. Мы с дочерью

отправляемся в Клондайк, вы едете туда же; мне издавна знакома эта страна, а вы новички. Как же мне не помочь вам при моем опыте?!

Разговор этот происходил в общей столовой, откуда все перешли в комнаты, загроможденные самыми разнородными предметами.

Громадный ньюфаундленд с умными глазами внимательно следил за всеми, ласково виляя хвостом.

– Вот, господа, – говорил канадец Дюшато, – вот это необходимая обувь для четверых мужчин и двух дам... Шесть пар резиновых сапог, шесть пар кожаных, шесть пар сапог, подбитых гвоздями, шесть пар лыж и шесть пар мокасин из оленьей шкуры!

– И только?..

– Все это необходимо в стране льдов и снегов! А вот и чулки: сперва носки шерстяные, потом чулки пуховые, чтобы надевать поверх носков, и, наконец, меховые чулки, что одевают поверх всего!

– Но у нас будут ноги как у слонов! – воскликнул журналист.

– Да, конечно, будет толстовато, особенно с шерстяными кальсонами, теплыми панталонами, меховыми штанами и парусиновыми шароварами, которые придется надевать сверху!

– Ну, нечего сказать, завидная перспектива! Да в таком наряде и двигаться-то нельзя!

– Морозы здесь суровые, и надо защищать себя от холода! – наставительно и деловито проговорил канадец.

– Ой, да я не хочу здесь зимовать! Я – ужаснейший зяблик!

– Что делать! Здесь никогда нельзя поручиться за то, будешь ли зимовать, или нет. Иной год здесь лето длится четыре месяца, а иной год-два; холода могут застигнуть невзначай, и тогда волей-неволей нельзя будет двинуться с места!

– Боже правый! Что же будет со мной, если я так боюсь стужи, с моими нервами, столь чувствительными к холоду, при морозе в 50° ниже нуля! Я не выживу! – воскликнул журналист.

Слушая все эти вопли, Дюшато не мог удержаться от улыбки и продолжал:

– Мы купили фланелевые рубашки, шерстяные куртки, шерстяную верхнюю одежду и, сверх этого, капюшоны, подбитые мехом! А это вот меховые колпаки для головы. Видите, как тепло и удобно! Для рук же, которые очень чувствительны, заготовлено по две пары перчаток и по паре меховых митень.

– И это все?

– Ах, нет! Еще полный комплект непромокаемой одежды... Знаете, клеенок матросских! Не забыли и каучуковые плащи.

– Но тогда потребуется канат, чтобы мы могли сдвинуть с места наши драгоценные тела, отягченные тремя, четырьмя,

пятью обертками!

– Не бойтесь, вы пойдете легко, как если б ничего на вас не было, полетите в холодном воздухе с легкостью птиц!

Молодая девушка, Леон и Жан залились веселым смехом.

– С одеждой покончено, – продолжал канадец, сохраняя свою серьезность, – теперь надо немного белья, платков и салфеток; затем, меховые мешки-постели, одеяла и меха... Наконец, я купил еще две печки и две палатки! Видите, как хорошо! Это покрывала из просмоленного полотна для наших тюков, содержащих от семидесяти до восьмидесятифунтов каждый, а в снегу еще есть масса вещей: кухонные принадлежности, железные тарелки и блюда, вилки, ложки, ножи; стаканы, различные инструменты, ящики для промывания золота, веревки, пакля, пилы; гвозди, топоры, ножницы, точильный камень, рыболовные снасти, прекрасные багры и красивая коллекция удочек, бечевочек, нитки, иголки, булавки, шерсть, дымчатые очки для защиты от снежной белизны, табак, фитили, спички, охотничьи ножи, ружья и патроны, сетки от moskitov и масло для них.

– В снегу-то москиты?

– Сейчас лето, сударь! Тучи насекомых, голодавших всю зиму, не пощадят нашу кожу. Теперь перечислим съестные припасы; они остались в магазине, где под моим наблюдением были упакованы приказчиками. Там есть: пшеничная мука, овсяная крупа, морские сухари, сахар, сушеные яблоки и лук, сушеный картофель, овощи для супа, шпиг, масло,

соль, перец, горчица, сушеная шептала⁶, сушеный виноград, рис, чай, искусственная закваска, ящик с различными консервами, плитки лимонного сока. За исключением небольшого лакомства для дам, это все!

– Прекрасно! Какая жалость, что там так холодно зимой, а то путешествие превратилось бы в прекрасную увеселительную прогулку!

– Зато лето начинается, и вы можете наслаждаться жарой и москитами. Здесь жара коротка, но поистине адская. А теперь, дорогие соотечественники, если вы действительно торопитесь с отъездом и не желаете даром тратить время, – за работу! – Подавая пример, канадец схватил мешок, спрятал в него несколько вещей, измерил глазом тяжесть и объем, завернул, округлил, пристукнул и сказал:

– Видите – это совсем не трудно! Несколько оборотов просмоленной бечевки, крепкие узлы, и готово.

Примеру его с готовностью последовали молодые люди и девушка. Все работали безостановочно, и мало-помалу груда пакетов уменьшалась, а соответственно этому куча тюков, более или менее однообразных, возросла. Все-таки потребовалось не менее десяти часов усиленной работы, чтобы покончить с этим делом, от которого зависел сам успех экспедиции. Когда же наконец все было готово, канадец, взяв банку сурика и громадную кисть, изобразил несколько условных линий на каждом тюке, чтобы их можно было узнать с пер-

⁶ Шептала – сушеные персики, привезенные из Азии.

вого взгляда.

Настала ночь. Французские путешественники планировали короткую поездку в город Ванкувер, но Дюшато восстал против этого.

– Вы посетите его на обратном пути, когда мы будем миллионерами... Дорога каждая минута! Мы поплывем на борту «Гумфри», который отправляется завтра днем... Сейчас унесут наши тюки... Вот носильщики... плуты зарабатывают по шестидесяти франков в день. Я называю отель... мы переезжаем улицу... по другой стороне, в пятидесяти шагах – пристань. Вот номера наших кают. Понесем лучше сами наш ручной багаж, для большей сохранности.

Они вышли и в толпе людей, державших мулов, тащивших дроги, сгибавшихся под тяжестью груза, достигли пристани, у которой свистел, качаясь и выпуская клубы дыма, большой пароход.

Дюшато последним переправился через мостик с собакой Портосом. Суматоха кончилась. Все стиснуты, как сельди, но у каждого пассажира свое место за столом на нижней палубе, а для привилегированных – на верхней. Наши друзья устроились попарно: Марта Грандьё в одной каюте с Жанной Дюшато, Леон Фортен с Жаном Грандьё, Поль Редон с Дюшато; к последним присоединился и добродушный Портос.

Через пять с половиной дней пароход достиг Скагуэя, конечного пункта своего пути. Началась высадка и таможенные формальности, так как Скагуэй лежит на американской

территории и, чтобы попасть в него, надо миновать Канаду.

Благодаря терпению и нескольким долларам, незаметно сунутым в руки неподкупных американских таможенных чиновников, Дюшато выиграл время и проводил в город, растянувшийся на километр, свою храбрую маленькую компанию. Хорошо изучив путеводитель, он избрал дорогу через Белый проход (white-pass), хотя и более длинную, но зато несравненно более удобную, чем через проход Чилькот. Разборка пакетов, переговоры с содержателями перевозок, погрузка бесчисленных тюков на лошадей и мулов заняли немного времени, и скоро наша компания отправилась в путь. Дорога, пролежавшая через Белый проход, называлась также «dead horse trait», то есть «дорога мертвой лошади». Это название ей дали потому, что в течение последней осени более трех тысяч лошадей пало на этой дороге, усыпав ее своими скелетами. Проход по ней длится около трех дней; кроме того, сверху постоянно дует страшный ветер, еще более усиливающий трудности пути.

Наконец, благополучно справившись с этой ужасной дорогой, наши путники прибыли к озеру Бениет, где начинается уже речной путь, и здесь сели на пароход «Флора». Путники приобрели себе места на судне «Беннет-Клондаик Компании», владевшей тремя пароходами.

Глава III

На «Флоре». – Высадка. – Юкон. – В Доусон-Сити. – Действие оттепели. – «Высший свет» страны золота. – Гостиница Бель-Вю. – Ценой золота. – Конная полиция. – Безопасность.

От озера Беннет до Доусон-Сити считается около 870 километров, то есть почти такое же расстояние, как от Парижа до Марселя. По расчетам пароходного начальства, чтобы пройти все это расстояние, требуется пятеро суток. В действительности же оказалось иначе, так как свободному плаванию очень мешали многочисленные пороги, которые нужно было обходить с осторожностью. Пословица «человек предполагает, случай располагает» особенно справедлива при путешествии. Прежде всего, пароходы совершали первые рейсы. Неизвестно еще было, как пройдут они два очень быстрых и гибельных порога, Mile canon и White horse.

Река принимает в себя серию озер, которые сообщаются одно с другим естественными каналами. За озером Беннет следует озеро Тагиш (Tagish). Их соединяет Ветряная рука (Le bras-du-Vent). Озеро Тагиш вливается в озеро Марш (Marsh) Бродом антилоп, и, наконец, довольно длинный канал соединяет озеро Марш с последним озером Лабарж. Этот канал и принимает в первой части своего пути название Mile canon, а в последней – White horse.

В действительности это довольно узкий канал, где течение достигает, особенно, в White horse, страшной быстроты в сорок пять километров в час. Во время ледохода эта скорость увеличивается, а с ней вместе возрастают и опасности.

Стояла адская жара. Не будь в отдалении совершенно белых снежных гор и ледяных скал, можно было бы подумать, что это Прованс.

Редон, вечно зябнувший и воспевавший дифирамбы солнцу, схватил на оба уха по так называемому солнечному удару. Оба они покраснели, вздулись, и из нарыва потекла сукровица, даже немного крови. Он первый же, впрочем, стал смеяться над своей неудачей.

Между тем пароход прибыл к устью озера Лабарж. В обыкновенное время, или вернее – в европейской стране, самая элементарная осторожность требовала бы останавливаться ночью, но здесь в подобное время нет, собственно говоря, ночи. Солнце садится в одиннадцать часов вечера и восходит в час утра. Таким образом, заря смешивается с сумерками, и день царит в течение всех двадцати четырех часов. Поэтому пароход шел без передышки. Но вот встречаются страшные пороги «Пять пальцев» и «Ринк», находящиеся в четырех верстах друг от друга.

«Флора», счастливо переправившись через первые пороги, застревает на последних и дает течь. Нужно направиться к берегу реки, закрепить якорями, разгрузить кладь, облегчить кузов, осмотреть трещину и заложить ее с помощью

кусков дерева, пакли, моха, кожи и т. п.

Когда авария была ликвидирована, пароход двинулся дальше в сопровождении целой флотилии лодок с пассажирами и их пожитками... Вот и форт Селькирк, один из старых укрепленных магазинов, какие компания торговцев мехами Гудзонова Залива настроила повсюду. Вокруг магазина раскинулось шестьдесят индейских хижин и около двадцати палаток рудокопов. Это образует маленькую деревню, в которой энтузиасты видят даже будущую столицу канадского северо-запада.

Отсюда, уже по Юкону, одной из величественных рек Дальнего Севера, пароход доходит до Доусон-Сити – новой столицы страны золотой лихорадки. Вид молодой столицы золотого царства, однако, не имел ничего привлекательного для людей, от самого Монреаля, то есть более двух недель, не знавших отдыха и вздыхавших по хорошей постели и ванне.

Капитан «Флоры» указал нашим друзьям меблированную гостиницу, самую «выдающуюся» в Доусоне, отель Бель-Вю, единственно подходящий для столь высоких лиц, какими казались все шестеро. Сюда и направилась наша компания.

По примеру американских городов, Доусон состоит из авеню и улиц, пересекающихся друг с другом под прямым углом. Улицы тянутся с востока на запад, а авеню – с юга на север.

Первое авеню, модное, задающее тон, идет севернее Юкона и называется Фрой-стрит. Но вид его был далеко не при-

влекательный.

– Черт возьми! – произнес Редон, коснувшись земли. –
Добрая пара непромокаемой обуви была бы не лишней!

– А еще лучше – маленькая плоскодонная лодка или
плот! – прибавил Леон.

Молодые девушки только засмеялись и отважно, зная наперед, что жизнь, полная приключений, представляет много неудобств, пошли по улице. Последняя, действительно, походила скорее на болото. А между тем и там прогуливались, задравши нос и с сигарой во рту, «франты» из самых сливок общества в Доусон-Сити.

– Честное слово! – вскричал озадаченный Редон. – Это можно бы назвать двором чудес... как по одеждам, так и по физиономиям!

В самом деле, представьте себе, уважаемые читатели, кучу грязных и причудливых лохмотьев, плешивые, паршивые, как спины бродячих собак, меха, желтые клеенки, рваные каучуковые сапоги с бесчисленными дырами, мятые до неузнаваемости шляпы, дырявые фланелевые рубашки; набросьте все это на человеческие члены так, чтобы башмак был соседом сапогу, а мех – клеенчатым панталонам; затем прикиньте на эти плечи исхудалые головы, с лихорадочно горящими глазами, с растрепанными волосами и бородами, – и вы получите настоящее представление о сливках «золотого общества», которые бродили по грязи в ожидании шести часов.

Весь этот маскарадно-нарядный, но самоуверенный люд обменивается маленькими фамильярными поклонами, а больше разговаривает о добытом днем металле и держится с апломбом сказочных миллионеров. Лохмотья (это видно сразу) ничего не значат здесь, и субъект, задирающий нос, у которого одна нога в сапоге, а другая в башмаке, штаны в заплатах, а на плечах дырявый каучуковый плащ, может обладать полумиллионом золота, положенным в Канадском коммерческом банке (Canadian bank of Commerce) или в британском северо-американском (Bank of British North America). Поэтому никого не удивляет, что дамы, одетые вполне прилично, подают руки этим джентльменам, словно не замечая, что у тех на ногах.

Да и самый вид «столицы золотого царства» производит отталкивающее впечатление своей грязью и вонью. Зимой пятидесятиградусный холод придает всему плотность камня и скрывает эти грехи в общественном благоустройстве. Летом же везде стоят лужи, тепловатые, отвратительные, с тучами moskitov, так как земля уже не всасывает воду. А на глубине семи вершков⁷ почва остается замерзшей, непроницаемой и твердой, как скала. Ко всему этому присоединяется еще страшная сырость, вызывающая лихорадку и невообразимую вонь от гниющих остатков пищи, валяющихся грудами повсюду.

Несмотря, однако, на эту неказистую внешность, и в До-

⁷ Вершок – старинная русская мера длины, равная 4,4 см.

усон-Сити живут весело, и всевозможные казино, игорные дома, рестораны, танцевальные залы процветают как нигде.

В такой-то город судьба и привела наших друзей. Остановились они, по совету капитана «Флоры», в лучшей гостинице, и Редон, в качестве опытного путешественника, справился у клерка о цене:

– Сколько за день?

– Десять долларов с человека! – был ответ.

– Хорошо, нас шестеро!

– Тогда шестьдесят долларов... плата вперед!

– Мы рассчитываем пробыть два дня, а потому вот сто двадцать долларов!

– Собака остается с вами?

– Да, а что?

– Ее содержание будет стоить два доллара в день.

– Bravo! Вот кто умеет делать дела!

– О, – продолжал с важностью клерк, – собака такого джентльмена, как вы, не может искать себе пищу в кучах мусора!

Вообще, как оказалось, все в Доусон-Сити баснословно дорого. Свежий картофель стоит три франка штука, дороже трюфелей во Франции, апельсин – 5 франков, яблоко – 2, 5 франка; пара цыплят – 170 франков, а в ресторане даже – 120 франков за штуку, порция бифштекса с вареным картофелем 30 франков, бутылка абсента, коньяка или даже простого виски – 100 франков, бутылка пива от 25 до 30 фран-

ков, за шампанское же и другие вина платятся баснословные суммы в 300 франков и более.

Соответственно этому и цены на квартиры: на главной улице, например, нечего и думать нанять помещение дешевле 150 франков за квадратный метров месяц. А между тем, ведь это, собственно говоря, не квартиры, а грязные, вонючие конуры!

Словом, жизнь в Доусон-Сити возможна только для проежающих, которые остаются в городе всего несколько дней, или для тех, кто, обогатившись на приисках, желает спустить здесь часть своей, баснословной добычи.

Также страшно высоки и цены на участки, где добывается золото. Еще в 1896 году участок в 15 сажений⁸ длины и 9 ширины продавался по 25 франков, а через 2 года – уже по сто тысяч франков.

Понятно, при такой дороговизне только очень богатые решаются жить на центральных улицах города, обитатели же поскромнее нанимают квартиры на окраинах, где можно найти хижину из 2 комнаток за скромную цену 1000–1500 франков в месяц.

Наконец, в самом конце седьмого авеню, почти за пределами города, тянутся пустыри, которые вскоре, конечно, будут приобретены ловкими спекулянтами, если только Доусон-Сити будет продолжать расти с той же ужасающей быстротой, как прежде; пока же здесь раскинулся настоящий «го-

⁸ Аршин – русская мера длины, равная 0,71 м.

род палаток»: на грязной, вонючей земле здесь разбито 700–800 парусиновых палаток, где летом задыхаются от жары, а зимой мерзнут от холода злополучные золотоискатели, которым еще не повезло.

Эти палатки служат вместе с тем и провиантскими магазинами. Здесь в течение почти семи месяцев все съестные припасы, сыпучие, мясные, жидкие, не исключая даже и спирта, замерзают, как камень, так что двое приятелей, желая угоститься рюмочкой вина, просто подходят к небольшой доске, служащей подносом, где стоят две небольшие ледяные сосульки в виде наперстков, берут их прямо рукой, чокаются и затем препровождают в рот, где замороженная водка и тает. Просто, мило и оригинально!

Что касается общественной безопасности, то Редон получил следующий ответ клерка:

– О, вы можете быть в этом отношении вполне спокойны! Здесь никогда не бывает ни кражи, ни насилия, ни каких-либо покушений, нарушающих общественную тишину и спокойствие, несмотря на то, что население города состоит в большинстве своем из весьма подозрительных элементов. Это объясняется тем, что у нас здесь превосходнейшая конная полиция из 250 человек самой бдительной стражи, строго наблюдающей за всем, что происходит в городе и его окрестностях. Это люди недюжинной силы, необычайно выносливые и всеми уважаемые, вследствие чего каждый гражданин охотно оказывает им содействие, если это

понадобится. На их ответственности всецело лежит и общественная безопасность всех жителей города, и неприкосновенность тех богатств, которыми может похвастать этот город. Заметьте, что здесь во всякое время находится свыше чем на 50 млн. франков золота, и все-таки, сколько помнят золотоискатели, по настоящее время не было ни одной серьезной попытки украсть чужое золото! Что же касается съестных припасов, то их вообще принято оставлять в палатке или в избушке не закрытыми, и никто никогда не трогал ни крохи чужого добра!

– Право же, наш век – золотой век для воров и мошенников, – подумал про себя Поль Редон, – все основано на доверии, а между тем какое обширное и благодарное поле деятельности представляет собой эта страна для таких ловких и искусных мошенников, как, например, товарищество «Красной звезды»!

Глава IV

Новички. – Хозяйки и работники. – Законы, указы и концессии. – Сколько золота! – Явились или слишком рано, или слишком поздно. – Эксплуатация золотоносных участков. – Первая промывка золота. – Разочарование. – Находка Портоса. – Гнездо самородков.

Наши будущие миллионеры стали понемногу устраиваться. Прожив два дня в гостинице, они наняли квартиру на шестой авеню стоимостью тысячу франков в месяц, куда и сложили провизию и зимние орудия, а сами поселились в палатке за городом, где жили уже тысячи рудокопов.

Настала новая жизнь, полная странностей и неожиданностей и лишенная самого элементарного комфорта. Спать пришлось на земле, подстлав шкуры вместо матрасов, чтобы предохранить себя от сырости почвы, пропитанной водой, как губка.

Молодые девушки жили в одной из палаток, где хранилась провизия и орудия, необходимые для ежедневной работы. Они стряпали и занимались хозяйством, в то время как мужчины добывали воду и дрова, чтобы было совсем нелегким делом.

Каждый исполнял свои обязанности с готовностью, как бы тяжел и даже иногда отвратителен ни был такой долг.

Впрочем, Жанна Дюшато была для Марты Грандье опыт-

ной и любящей наставницей. Оказалось, молодая канадка еще раньше сопровождала своего отца и дядей в далекие экспедиции летом и зимой и умела ко всему приспособиться. Так, с помощью простого сучка она могла развести огонь и при ветре, ящик из-под консервов и кусок доски – все находило у нее применение и приносило пользу. В этом отношении она была незаменимой руководительницей для Марты.

Ее отец, в свою очередь, вводил своих новых друзей в курс трудного и особенно утомительного дела заготовки дров. Нужно было ходить за дровами далеко, так как окрестности Доусон-Сити были уже опустошены, и дрова приходилось искать все дальше и дальше. Обыкновенно на эти поиски отправлялись Леон, Поль и Жан под предводительством канадца. От непривычной работы на руках молодых людей вздувались пузыри, поясницу ломило, с головы градом катился пот. Но это только смешило их, особенно Поля Редона; зато, когда они, нагруженные, как мулы, возвращались домой, их встречал превосходный стол из поджаренного сала, овсяного супа и тяжелых, как свинец, блинов, приготовленных на свином сале.

Так прошло несколько дней, в ожидании короткого путешествия от города к золотоносным полям. Вокруг наших друзей шумела толпа, где каждый жил сам по себе, не заводя никаких знакомств, не интересуясь соседями, даже не глядя на них, как будто мысль о золоте убила всякую общительность.

Всех занимало здесь золото и только золото.

Теперь, чтобы читатель мог понять все этапы нашего рассказа, нужно объяснить организацию золотопромышленности, введенную почти с первого же года открытия золота в Клондайке.

Золотоносные участки, или, как говорят там, северозападная территория Канады, разделены на четыре округа, получившие название от главных рек, протекающих здесь. Это округа: Юкон, Клондайк, Индиан-Ривер и Стеварт-Ривер. В долинах рек и речек, текущих здесь, и встречается золото в виде россыпей и самородков. Каждый рудокоп, прибывший сюда, имеет право за семьдесят пять франков на участок, в каждом округе, и может взять таких участков только четыре за всю свою жизнь. Зато ему предоставлено право перекупать сколько угодно участков у других. Получив это право, охотник за золотом выбирает свободное место для своей работы, руководствуясь своим опытом, раскопками, предварительным промыванием земли. Когда это сделано, появляется правительственный землемер и определяет границы для эксплуатации. Участки, перпендикулярные реке, имеют обыкновенно с каждой стороны 38 сажен, если они лежат на плоскогорье; 38 – в долине и 150-на склоне; напротив, если они лежат по реке и занимают берега ее, то 38 сажен с каждой стороны. После этого золотоискатель получает документ, устанавливающий его права и определяющий обязанности. Он имеет исключительное право производить раз-

работку золота на своем участке, построить там дом, пользоваться продуктами своего производства и может бесплатно пользоваться водою, конечно, протекающей через указанный участок, чтобы промывать землю. На самую же землю концессия не дает никаких прав и уничтожается, как только участок перестает постоянно и добросовестно разрабатываться.

Из всего этого видно, что быть свободным золотоискателем стоит недешево, принимая во внимание дороговизну жизни в Клондайке. Поэтому для свободной добычи золота сюда едут люди с капиталом. Но часто, после тщетных попыток найти богатое месторождение благородного металла, все припасенные раньше деньги исчезают, и тогда неудачник-золотоискатель становится носильщиком, поваром, работником, землекопом, словом, работает на других, пополняя пролетариат, впрочем, совершенно безобидный, так как здесь закон не шутит; кроме того, существует суд Линча, выносящий иногда ужасные приговоры, воспоминание о которых врезается в каждую клеточку мозга.

Однако довольно предисловий. Возвратимся к своему рассказу.

Дюшато и его дочь, грациозная Жанна, Марта Грандье, Леон Фортен, Поль Редон и Жан Грандье – все шестеро сделались свободными золотоискателями, так как Канадский закон дает мужчинам и женщинам одинаковые права на владение участками; затруднение представлял только возраст

Жана Грандые, которому было всего 16 лет, тогда как по закону свободному искателю золота должно быть не менее 18. Но когда все шестеро представились правительственному агенту, чтобы сделать свои заявления, последний при виде высокого роста, широкой груди, высоких плеч и пробивающихся усов Жана Грандые далек был от мысли, что перед ним подросток шестнадцати лет, и великодушно дал ему все восемнадцать, на что польщенный Жан, конечно, не возражал, и наши друзья получили право взять по четыре концессии, или двадцать четыре участка, для эксплуатации. Ради предосторожности они выбрали по одному участку в каждом округе.

Когда все формальности были соблюдены, они покинули Доусон-Сити и готовы были испытать свои первые номера грандиозной лотереи, доведшей уже до помрачения ума двадцать тысяч больных золотой лихорадкой, собравшихся со всех концов света.

Дорога к этому Эльдorado была ужасная. Грязь стояла по колено, а тут еще целые стаи москитов, укусы которых может довести непривычного человека до бешенства. Можно себе вообразить, каково было при таких условиях тащить поклажу! К счастью, средства наших друзей позволяли нанять для багажа повозки, хотя цена на них стояла чудовищная: за провоз 1 фунта⁹ багажа на расстояние 20 км брали 20 су, на

⁹ Немврод – легендарный царь Халдеи, страстный охотник. Его имя стало нарицательным для обозначения охотников.

50 км – 50 су и так далее. Бедняки еле тащились, согнув спину, как бурлаки.

Но золото, притягивавшее всех подобно магниту, заставляло забывать про все эти неудобства: люди свыкались и с дороговизной, и с москитами, и с усталостью, только бы найти золото!

Как ни странно, лето здесь – мертвый сезон. Работают только от шести до восьми недель, и единственно те, кто с ноября по конец апреля рыли шурфы¹⁰ и извлекали из них золотоносный песок. Этот песок, сложенный в кучи, называемый «dumps», содержит золото во множестве. Приемы извлечения металла самые примитивные, так как рудокопы используют простые приспособления. Они называются по-английски sluice и roker.

Sluice-box¹¹ представляет собой деревянную трубу, открытую с обоих концов, в форме корыта. Дно ее устлано шерстяным ковром с продольными перекладинами. Несколько таких ящиков ставят один на другой и наклоняют на тридцать градусов посредством подставок. Сюда и кладут золотосодержащую землю, направляя на нее сильную струю воды, искусственно отведенную из соседнего ручья. Вода увлекает глину и камни по деревянным желобам, а золото вследствие своей тяжести падает между желобами и остается на шерстяной ткани.

¹⁰ рамы

¹¹ шлюзный ящик

Когда рудокоп находит, что намыл достаточно, он очищает шерсть жесткой щеткой, потом продолжает промывку.

Что касается *roker'a*¹², то это – колыбель, составленная из железных сит, прикрепленных к качающейся раме. Рудокоп кладет в сито столько земли, сколько может уместиться, потом одной рукой с помощью широкого ковша льет воду, а другой рукой действует, как бы качая колыбель. Вода отделяет примеси и увлекает золото, проходящее через сито и падающее на платформу, покрытую шерстяным покрывалом.

Вот и все! И такие несовершенные приспособления дают сказочные сборы – так много в Клондайке золота!

Но необходимо трудиться всю зиму, чтобы добраться до промывки. Поэтому новоприбывшие, думавшие собирать золото наподобие картофеля, смущенно посматривали друг на друга и, печальные, возвращались в Доусон. Им нечего было делать пока, так как летом рыть ямы невозможно: земля рыхлая, ямы обваливаются, нужно дожидаться, пока почва замерзнет.

Можно понять, какое отчаяние распространяется тогда среди несчастных, если у них не хватит средств до окончания зимы!

Но наши друзья, даже Редон, стойко переносили это препятствие, и хотели уже возвращаться в Доусон-Сити, когда Марте пришла в голову новая мысль:

– Так как мы имеем участок по соседству, то должны по-

¹² качалки

знакомиться с ним! – предложила она.

– Грязь не пугает вас, мадемуазель? – сказал Редон, с важностью шлепая по колена в грязи.

Девушка только беззаботно улыбнулась, проговорив:

– Ба! Немного больше, немного меньше, не все ли равно?

Как вы думаете, Жанна?

– О, я всегда готова!

– Тогда идем! Не правда ли, господа? Впрочем, это концессия моя, и я предчувствую, что наше путешествие будет не бесполезным.

И вот они снова пустились в путь и шли более полусуток, совершенно выбившись из сил. С помощью плана нашли свой участок на скате холма. Благодаря этой покатоности вода здесь медленно сбегала и потому можно было двигаться по сухому.

Наши друзья разбили палатки и поспешили прежде всего приготовить обед, уже в пятый раз за этот день, ибо отсутствием аппетита здесь никто не страдал. Впрочем, собственно говоря, это был скорее ужин, так как было уже одиннадцать часов ночи, но солнце еще не зашло. Наконец, за полчаса до полуночи оно скрылось, и наши золотоискатели, отложив до следующего дня свои дела, легли спать. Но уже в половине четвертого утра все были на ногах. Солнце, поднявшееся целыми двумя часами раньше, стояло уже высоко и сильно пригревало.

Люди, успевшие здесь получить участки, уже давно были

за работой, – довольные, что день продолжается без малого круглые сутки и можно работать целый день, и работали точно негры-невольники или каторжники, до истощения сил, до полнейшего изнурения.

Соседи знакомились между собой, вступали в разговоры, но и здесь все интересовались только золотом, говорили только о нем.

Однако, участки здесь были бедны, что не мешало, впрочем, пытаться свое счастье: авось, думал каждый, и я наткнусь на богатое месторождение?

Работа в сущности – очень несложная. Сперва поднимают верхний слой почвы, затем роют все глубже и глубже, добывая большие комья земли, которые кладут в железное корытце, вмещающее с полпуда. С этим корытцем идут к ручью, где рудокоп, присев на корточки, погружает его в воду по самые края, все время перемешивая взятый образец земли. Мало-помалу камешки, глина и другие примеси отделяются и уносятся водой, а на дне корытца остается только чистое золото.

Этот простой прием очистки золота требует, однако, известной ловкости и умения, которые иным золотоискателям даются как-то сами собой. Обыкновенно соседи всегда с охотой обучают новичков этому способу промывки, и обе наши молодые девушки также обучились ему, сразу выказав при этом большую ловкость и проворство; мужчины же оказались менее способными в этом отношении.

Все шестеро горячо принялись за дело, но – увы! – на первых порах их ждало разочарование: после самой тщательной промывки оказалось, что на дне корытца осталось самое незначительное количество золотого песка, вернее – почти ничего. Проработав таким образом 12 часов без перерыва, наши друзья решили прекратить работу и, усталые, измученные и разочарованные, хотели уже возвратиться в свой бивуак. Вдруг какой-то маленький зверек, выпрыгнув из норки, стремглав кинулся между ногами Портоса. Обрадовавшись этому развлечению, собака стала гоняться за зверьком, но едва успела сделать три-четыре скачка, как грызун скрылся, словно провалившись под землю.

– Ищи! Ищи, Портос! – крикнул ему Жан.

Собака принялась разрывать землю.

– Апорт! – командовал лицеист.

Портос на мгновение уткнулся носом в землю и вытащил что-то, но затем, бросив этот предмет, стал рыть глубже. В этот момент луч солнца, упав на брошенный собакой предмет, заиграл ослепительно-ярким блеском. Жан поспешно схватил этот предмет и произнес:

– Комок этот весит более десяти фунтов, и мне кажется, что это золото!

– Золото! Покажите-ка его сюда! – и ком стал переходить из рук в руки. – Вот когда счастье-то привалило! – воскликнул Редон.

Услышав про находку, с соседних участков сбежались зо-

лотоискатели.

– Да, это в самом деле золото, самое чистое, самое превосходное, какое мне только случилось видеть, а я ведь двадцать лет пекусь и мерзну в этой проклятой стране! Поверьте мне, друзья, этот самородок стоит не менее десяти тысяч франков! – проговорил один старый рудокоп.

– Десять тысяч франков – этот кусок металла величиной с крупную картофелину, мутно-желто-землянистого цвета!

Между тем Портос продолжал усердно рыть лапами землю.

– Надо посмотреть, нет ли там еще таких самородков! – проговорил Жан, взглянув на собаку. Все кинулись к яме, вырытой ею, и громкий крик радости вырвался из уст присутствующих.

– Клянусь честью! – воскликнул старый рудокоп. – Вот гнездо самородков, какого я еще никогда не видал! Ну, в добрый же час вы начали свое дело!..

Глава V

Что называется гнездом самородков. – Золотая лихорадка. – Кровь и золото. – На замерзшей почве. – Почему не делают раскопок летом? – Дровосеки. – Землекопы. – Журналы, газеты и их представители. – Известность. – Планы бандитов.

И в Калифорнии, и в Южной Африке, и в Австралии рудокопы называют гнездом самородков такое место, где лежат кучей несколько разной величины самородков, подобно клубням картофеля, на которые эти самородки чрезвычайно похожи по своему внешнему виду. В данном случае таких самородков оказалось более 12 штук, причем самые мягкие были величиною с хорошее куриное яйцо, а наиболее крупные – намного больше мужского кулака.

– О, вы счастливые люди! – воскликнул старый рудокоп, весь бледный от волнения при виде этого неожиданного богатства. – Ведь это сразу целое состояние! Все будут завидовать вам!

– Но это еще не все! Я уверен, что мы будем золотыми королями! – воскликнул Поль Редон и, взяв в руки два клубня, стал подбрасывать их, взвешивая на руке, играя ими. – Я никогда не поверил бы, что вид этого богатства так подействует на меня; мне хочется петь, плясать и скакать от радости. Да я вижу, что и вас всех, друзья мои, охватила та же

золотая лихорадка, такой же золотой бред, как и меня. Хотя вы и молчите, но у всех у вас безумные глаза!..

И, действительно, золото вообще как-то особенно притягательно действует на человека, опьяняя, подобно хорошему крепкому вину. Вот странно: когда люди наталкиваются на громадные залежи и жилы железа, меди, угля, представляющие собой те же миллионы и сулящие людям несравненно больше богатства, чем какое бы то ни было гнездо самородков, – совсем не бывает такого безумного бреда, таких галлюцинаций, грозящих потерей рассудка. Происходит ли это оттого, что золото даже и в грубом виде является воплощением всех человеческих наслаждений и радостей жизни и предметом роковой, тяжелой борьбы целой жизни, – трудно сказать. Но даже суровый канадец сперва побледнел, затем покраснел и был не в силах произнести ни одного слова, а между тем глаза его горели, как раскаленные угли.

– О, и я хочу видеть... Хочу дотронуться своими руками до этого золота... Дайте, дайте мне его сюда! – с трудом выговорил он наконец.

– Ах, Жанна, дитя мое... наконец-то мы с тобой будем богаты!.. Жанна, слышишь ли?.. Ведь это богатство! Громадное богатство!..

Молодая девушка также оживилась, за нею – Леон, потом сама Марта. Только Жан остался нечувствительным к припадку сумасшествия, произведенному этим ударом судьбы, и было отчего: для Дюшато и его дочери это открытие

означало конец убогой жизни, без радости и надежды, в канадской хижине; Марте оно давало обеспеченную независимость; для Леона Фортена оно облегчало положение родителей и помогало осуществлению будущих проектов. А Жан, кроме источника богатства, видел в золоте прежде всего средство отомстить за смерть отца. Но поможет ли ему в этом золото? Вот о чем думал бедный юноша, не принимая участия в общем восторге.

Между тем, пока люди волновались около самородков, Портос продолжал ожесточенно рыть землю и добился-таки до грызуна, послужившего причиной находки. Это была бедная маленькая землеройка.

Но, увлеченные видом золота, Редон и его друзья не обращали на это внимания.

– Но сколько здесь... скажите! Тысяч на сто франков будет? – спросил журналист с лихорадочно-блестевшими глазами.

– Как знать?! – отвечал старый рудокоп. – Когда найдена жила, то этим дело не кончается! – С этими словами он взял кирку и с удвоенной силой увеличил отверстие. Камни полетели, и всюду засверкали блестящие точки.

– Вот!.. Я говорил! – продолжал он прерывающимся голосом. – Вот... Вот!.. Еще!.. Еще!.. Но что вы смотрите? Возьмите лопату и поднимите это все... Прекрасно! Золотая масса!

Редон схватил лопату и бросился к груде обломков, сре-

ди которых блестили новые самородки. Чувствуя в себе силу атлета, он рылся с жадностью, превратившись в землекопа; из груди его вылетали короткие восклицания: «Еще, еще!»

Канадец собирал куски и клал их в кучу.

Вдруг кирка ударилась о твердое, как скала, препятствие.

– Кончено! – сказал канадец, бросая орудие.

– Как!.. Нет больше золота? Уже! – вскричал разочарованным тоном Редон.

– О, его еще очень много, я это чувствую, даже уверен, но я коснулся мерзлоты, а люди еще не выдумали инструмента, чтобы раздробить такую землю!

– Но как же вы поступаете зимой?

– Зажигают огонь в ямах: через двенадцать часов лед растает, и земля размягчится на два фута. Вот эту землю и кладут около жерла «dumps», для летнего промывания.

– Значит, надо подождать зимы?

– Да, два с половиной – три месяца!

– Нет, я хочу сейчас же начать разработку, как зимой! Не правда ли, ведь это и твое желание, Леон?.. И ваше, Дюшато?..

– Конечно! – энергично отвечали оба.

– Смотрите, это опасно! – проговорил старик. – Почва не тверда; по мере того как вы будете рыть, она станет обваливаться, и вы рискуете быть засыпанными.

– Можно укрепить лесами!

– Вода доберется до вас!

– Мы вычерпаем ее!

– Летом из глубины земли выходят смертоносные газы: они вас задушат.

– Умирают только один раз.

– Ну, и молодец же вы! – воскликнул восхищенный рудоп. – Право! Дайте мне хорошую цену, и я готов на любой риск.

– Сколько же вам угодно за день?

– Сто франков, если не дорого!

– Вы получите двести... Мои друзья согласны?

– Да!.. Да!.. Двести франков! – вскричали в один голос молодые люди и девушки.

Итак, эксплуатация началась, несмотря на опасности. Теперь нужно было добыть дрова. Немедленно приступили к делу.

Леон, Поль и канадец, под предводительством старика, очистили место и стали копать четырехугольное отверстие в два квадратных метра; Жанна же, Марта и Жан отправились за дровами. При помощи резачков и топоров они скоро набрали по связке сучьев. Молодой человек помог своим спутницам взвалить эти связки на плечи, положил свою на голову, – и все трое, обливаясь потом, достигли участка. Потом пришлось принести еще столько же. Затем дрова сложили в яму и там зажгли.

– Теперь, – произнес Редон, – пока земля оттаивает, нам не мешает наполнить чемоданы!

Эта мысль пришла всем по душе.

Самородки были собраны и снесены под просмоленную покрывку.

Неслыханное количество и чрезвычайная величина их произвели настоящий фурор: на памяти рудокопов не было ничего подобного. Здесь, считая даже по низкой цене, золота было не менее шестидесяти килограммов, то есть на сумму 180 тысяч франков.

Весть о счастливой находке наших друзей быстро распространилась среди рудокопов, полетела в Доусон-Сити и произвела там всеобщую сенсацию. Репортеры двух главных в «столице золота» газет – «Клондайкский самородок» и «Юконская полночь» – немедленно выехали на участок, еще не имеющий названия. Им нужны были автографы, интервью, документы, фотографии счастливицев! Конечно, Редон, как собрат по оружию, прекрасно принял их.

Новые знакомые проглотили несколько кусков мяса и сухарей, выпили по стакану виски и уехали через два часа.

Работа, прерванная на некоторое время, возобновилась, так как почва уже оттаяла на глубину метра. Оставалось только удалить пепел и затем продолжать работу.

Кирки старого рудокопа и канадца застучали по горячей земле, а Леон Фортен и Поль Редон стали поднимать лопатой куски и бросать их наружу. Здесь Жанна, Марта и ее брат осматривали каждый комок, чтобы выбрать большие и маленькие самородки.

В яме, где работало четверо мужчин, наступила адская жара. Засучив рукава своих рубашек, они ушли в работу, напрягая все силы.

– Ну, друзья мои, и денек! – сказал Редон, вытирая рукой пот, струившийся по его лицу. – Мы заработаем тысячу франков в час. Недурно!

– Черт возьми! – произнес в это время старый рудокоп: – Взгляните-ка сюда! Можно подумать, что мы нашли «Мать золота», пресловутое золотое гнездо Юкона! – С этими словами он отколол киркой глыбу почти такой же величины, как открытая Портосом.

Леон и Поль взглянули на нее и друг на друга и без слов поняли все.

– Ну, товарищ, берите ее себе! – сказал восхищенный журналист.

Старичок сначала не понял.

– Берите же, говорят вам, – продолжал Редон, – это вам... Не так ли, друзья?

– О, от всего сердца! – воскликнули молодые девушки.

Старик побледнел от волнения; кровь прилила к его худому лицу, побуревшему от двадцатилетней работы на открытом воздухе, и он едва мог произнести:

– Вы... золотые сердца... как этот металл!.. Вы – достойны своего счастья!.. Моя благодарность... принадлежит вам навсегда!.. Я – ваш... возьмите меня... вы увидите, я буду вам полезен. Это так же верно, как мое имя – Пьер Лестанг,

уроженец прихода св. Бонифация, близ Виннипега, в Канаде.

– А, моя родина! – вскричал Дюшато, протягивая ему руку. – Я должен был догадаться об этом по вашему произношению!

– Но мы соотечественники!.. Да, по старой Франции, – прибавил Фортен, – и вы будете таким образом вдвойне свои!

Во время этого разговора к золотоносной яме приближалась небольшая группа людей. Лохмотья доусонцев были все-таки не лишены живописности, а вид подошедших был очень подозрителен. Но счастливые искатели золота не обратили на это внимания и в порыве радости не заметили взглядов, брошенных вновь прибывшими на палатки, яму и на кучу самородков.

После долгого немого созерцания эти люди с наружностью бандитов медленно удалились, как бы с сожалением, к досчатому бараку, где наскоро был устроен трактир. Незнакомцы уселись за бутылкой виски, и один из них, оглянувшись кругом, тихо обратился к своим товарищам:

– Вы все видели? Смотрите, не забудьте! Особенно позаботьтесь о собаке! Черт возьми! У них более ста килограммов золота, стоящего по крайней мере триста тысяч франков! Нужно, чтобы все это стало нашим в течение двух дней!

Глава VI

Два человека из конной полиции. – Западня. – Два трупа. – Страшная резня. – Еще один мертвец. – Упорный сообщник. – Пожар. – Мнимые полицейские. – Охрана для гнезда самородков.

Неделю спустя зловещие незнакомцы, метившие на золото наших друзей, собрались в селении Фурш. Расположенная при слиянии двух рек, Эльдорадо и Бонанзы, Фурш была малою копией Доусон-Сити, так как здесь было такое же положение, такая же грязь и топь, те же увеселительные места, те же люди. Только общественная организация была здесь более первобытная, жизнь дороже и суетливее, а удовольствия грубее.

Здесь имелся полицейский пост, но люди, представлявшие это учреждение, так справедливо уважаемое, имели множество дел и никогда не сидели на одном месте, разъезжая по горам и долам. При случае они никогда не отказывались от угощения.

Около трех часов того же дня, после возвращения подзрительных незнакомцев, два полисмена вернулись в Фурш. Когда они подошли к первому дому, харчевне, где радостно веселилась маленькая группа рудокопов, их остановил один из кутил, казалось, подстерегавший их. Он пожелал им доброго дня и прибавил хриплым от виски голосом:

– Вы чокнетесь с нами, не так ли?

– Идет! – отвечал один из полисменов. – Мы уже четыре дня в дороге и хотим пить, а особенно есть!

– Ура! Мы нашли гнездо самородков и по этому случаю собрались пить и есть! Вот вы и повеселитесь с нами!

– Но позвольте раньше вычистить лошадей!

– Ни за что! Это сделает харчевник!

Пришел хозяин харчевни. Это был высокий и крепкий мужчина лет тридцати, с белокурой бородой и волосами. Он с видом знатока осмотрел лошадей.

– А, – сказал один из полицейских, – я вас не знаю!

– Ничего нет удивительного! Я здесь только неделю... я наследник Жое Большой Губки, умершего от белой горячки.

– Это должно было произойти! – подхватил второй полицейский. – Этот бедный Жое не пил менее галлона¹³ в день. Это уж слишком!

– Мы познакомимся, господа, и вы будете приняты с не меньшим радушием, чем моим предшественником! Но довольно болтать!.. Входите же... Я займусь лошадьми.

Сопровождаемые человеком, пригласившим их на улице, полисмены вошли в довольно большую залу, где только четверо собеседников с аппетитом пили и ели. Их познакомили и дали место за монументальным столом, заставленным напитками и съестными припасами. Перед ними очутились два бокала, наполненные немного дрожавшими руками до кра-

¹³ 4 литра

ев, на тарелках появилась невзыскательная пища этих мест, и для начала все звонко чокнулись.

Привыкнув к шумному радушию рудокопов, уверенные в их честности, зная, что в случае нужды ничто не в силах заставить их пренебречь своими обязанностями, оба полисмена принимали угощение, не дожидаясь упрасиваний.

Умевшие хорошо поесть, а еще лучше выпить, что не удивительно в людях, проводящих службу при пятидесяти и более градусах холода, они пили полными стаканами, потом принялись за еду, глотая ее с поспешностью солдата во время похода, набивая рот кусками пищи и снова запивая их.

Хозяин харчевни вернулся с бутылками и закуской. Обменявшись с одним из выпивавших многозначительным взглядом, он проговорил:

– Лошади приведены в порядок, джентльмены, вы можете быть спокойны!

Полисмены поблагодарили и беззаботно продолжали пиршество. Они расстегнули свои сюртуки, потому что стало жарко, ослабили пояса и, работая челюстями, слушали застольную песню одного из собеседников. Правда, это была убогая поэзия, музыка – сомнительная, а талант у исполнителя вообще отсутствовал, но все-таки ему аплодировали и пили, тем более, что пища и поглощаемые напитки вызывали неутолимую жажду.

Время шло. Наконец, видя, что попойка грозила перейти в настоящую оргию, полисмены объявили, что обязанности

службы заставляют их удалиться.

– Как!.. Уже?.. Так весело! – вскричали их собеседники.

Но те настаивали и встали.

– Ну, еще бокал... прощальный! Стакан вишневого ликера... из Черного Леса, стоящий двенадцать долларов бутылка!

Полисмены принуждены были согласиться. Вдруг глаза у них расширились и сделались неподвижны, рот сжался, пальцы скрючились, и стаканы выпали из рук. Конвульсивное подергивание пробежало с ног до головы, – и оба, без крика или вздоха, упали замертво.

– Умерли, Френсис? – спросил один из пьяниц, которого это страшное происшествие, казалось, отрезвило.

– Да, я убил их без колебания и угрызения совести! – отвечал совершенно спокойно убийца, названный Френсисом. – Хорошая порция синильной кислоты, прибавленной в их стаканы, – и готово! Они перешли от жизни к смерти без страданий и без всяких криков!

– Но против нас будет все население... закон Линча...

– Не бойся, кара за убийство – не сильнее, чем за кражу! Здесь нет такого различия. Однако довольно болтать! Нужно раздеть догола этих джентльменов, пока они еще теплы. – С этими словами разбойник стал раздевать несчастного, который лежал ближе к нему, согнувшись пополам и упав лицом на стол, с раскинутыми руками.

Он расстегнул пояс, к которому была прикреплена кожа-

ная кобура с револьверами, вынул один рукав доломана¹⁴, потом другой и сказал:

– Мы одинакового роста... это будет мне как раз впору!

Но человек, только что выразивший опасения, прибавил:

– Мы не согласны убивать... я хочу воровать, но отказываюсь убивать... слышишь, Френсис?.. Не рассчитывай же на меня, я разрываю с этого момента наш договор!

– Это твое последнее слово?

– Да!

– Подумай, ведь ты получишь свою долю – более миллиона франков!

– Цифра блестящая, но, повторяю, не хочу быть убийцей!

Тогда с быстротой молнии Френсис схватил револьвер полисмена и выстрелом в упор наповал убил собеседника.

– Сам виноват, дурак! Я хочу иметь дело только с готовыми на все людьми и убираю слабых, которые завтра могут сделаться изменниками!

– Bravo, Френсис! – вскричал охрипшим голосом один из трех оставшихся собутыльников. – Ты – настоящий предводитель! Мы последуем за тобой на дно ада, если тебе угодно будет туда спуститься. Не так ли, товарищи?

– Да!.. Да!.. Френсис хорошо сделал. Долой трусов! Долой изменников!

В этот момент в залу, наполненную пороховым дымом, вошел содержатель харчевни.

¹⁴ длинная верхняя одежда

– Пистолетный выстрел! Френсис, ты виноват? Вспомни, однако, что мы – не в Калифорнии или в Австралии!

– Так нужно было, Боб. Он был ненадежен! Однако нас только четверо, а должно быть пятеро!

– Ба! Брось. Мы подыщем здесь пятого товарища, а если понадобится, призовем одного из наших братьев из Англии. Там видно будет! Теперь же надо освободиться от этих трупов!

– Лишь бы только выстрел не привлек никого! Разве зарыть их здесь на дворе? – проговорил хозяин.

– Ты забываешь, что земля промерзла на два фута глубиной и что она тверда как скала!

– Верно! Какая идиотская страна!

– Ну, не говори, это – страна миллионов!

– Я вижу только одно средство спровадить эту кучу мяса, – предложил один из разбойников, – разрезать на куски, зашить в брезент и бросить в воду или опустить в какую-нибудь заброшенную рудокопами яму!

– Твое средство великолепно! Ну, не будем терять ни минуты. Я запру дверь, как будто ушел куда-то!

С этими словами четверо бандитов, раздев несчастных полисменов донага, положили их на стол и принялись кромсать. Страшная работа была быстро исполнена злодеями, которых ничто не трогало и которые с окровавленными руками отпускали непристойные шуточки и пили вино. Внутренности и конечности были запакованы в просмоленное полотно.

но и завязаны так, что их можно было принять по виду за свертки провизии. Оставался только труп человека, убитого из револьвера. Его собирались также убрать, как внезапно Боб, ударив себя по лбу, вскричал:

– У меня появилась мысль, блестящая мысль, избавляющая нас от излишней работы! – и, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, он взял веревку, довольно длинную и прочную, сделал петлю и затянул ею шею мертвеца.

– Мы сделаем так, будто он повесился или, точнее, повешен: гениальный способ объяснить выстрел в голову.

– Не понимаю! – проговорил Френсис.

– Увидишь!

Боб взял кусок белого картона и, написав на нем «Обвиненный и казненный за кражу судом Линча», повесил картон на грудь несчастного и прибавил: – Воспользуемся ночным временем, чтобы унести его отсюда и повесить на дерево. Подумают, что это случайность. Это будет хорошим примером и спокойнее для нас!

– Чудесно, товарищ! А теперь за дело!

С этими словами Френсис разделся, одел полную форму полисмена и сказал Бобу:

– Делай то же!

Боб повиновался и, за несколько минут переодевшись, стал неузнаваем. Оба бандита в костюмах конных полисменов могли теперь обмануть самый опытный глаз. Между тем два соучастника вымыли стол, на котором производилась

ужасная операция, потом принесли новые бутылки, и попойка продолжалась, словно тут и не было едва остывших трупов.

Вдруг раздалось несколько ударов в дверь.

– Кто там? – проревел Боб. – Убирайтесь! Здесь сидят счастливицы, желающие веселиться без посторонних! Приходите завтра!

Стук прекратился: новые посетители харчевни удалились, хорошо понимая желание миллионеров веселиться в своей компании.

Время шло; наступила темнота. Оба бандита, переодетые в полицейских, с бесконечными предосторожностями вынесли труп товарища, не встретив никого, повесили его на первое же дерево и возвратились в харчевню; здесь Френсис в качестве начальника отдал последние приказания:

– Условьтесь относительно уничтожения человеческих останков! Будьте осторожны, никоим образом не возбуждайте подозрений и терпеливо ждите нашего возвращения в таверну «Человека-Пушки». От этой первой операции зависит, получим ли мы то ослепительное богатство, которое я обещал вам... Миллионы!

– Решено, рассчитывайте на нас!

Мнимые полисмены немедленно отправились в конюшню, оседлали лошадей и поехали по направлению к холмам. В харчевне остались их соучастники, чтоб убрать трупы двух конных полицейских.

Это ужасное дело вызывало много затруднений. Прежде всего, тюки были тяжелы и многочисленны. Их было шесть, и каждый весил около шестидесяти фунтов. Затем возникал вопрос, куда их снести? Френсис советовал бросить в заброшенные ямы. Но таких по соседству не было. Бросить в воду – они могли всплыть потом. Кроме того, переноска потребовала бы троекратного длинного, трудного и опасного путешествия. Тогда одному бандиту пришла в голову мысль разломать внутренние перегородки харчевни, сложить доски в костер и прикрыть им останки. Они положили туда все твердые припасы: масло, окорок, сало – чтобы посильнее горело и особенно чтобы сгорело дотла, потом выпили сколько могли спирта, остатки вылили в огонь и вышли, заперев дверь. Все это в мгновение ока воспламенилось.

В деревне Фурш не было ни пожарной трубы, ни пожарных – жители, расселившиеся редко, из боязни пожаров, теперь оставались спокойными наблюдателями того, как огонь делал свое дело и уничтожал последние следы преступного деяния. Тогда два товарища медленно двинулись в Дусон-Сити на свидание с двумя подставными полисменами. Между тем последние неторопливо ехали по течению Эльдорадо, провожаемые по дороге поклонами и приветствиями, получаемыми не по праву, а ценой преступления. Но это не мешало им отвечать поклоном на поклон, пожатием на пожатие, что производило на людей самое приятное впечатление.

Богатые участки следовали один за другим, затем они делались все реже, по мере того как приближалась цепь холмов, отделявших бассейн Бонанзы от бассейна Индианы.

Тут бандиты дали лошадям несколько часов отдыха и продолжали свой путь, направляясь к участку французов, что и было целью их поездки.

Они приехали в тот момент, когда, утомленные тяжелым и непривычным трудом, счастливые рудокопы сели за стол; его, впрочем, заменяла простая подставка, перед которой каждый присел на корточки, как в деревне.

Кушаний, приготовленных молодыми девушками и приправленных ни с чем не сравнимым соусом – аппетитом, было предостаточно.

Прибытие полицейских было встречено приветственными возгласами: во время пребывания своего в Доусоне европейцы научились их узнавать и уважать. Что касается канадцев, то им давно было известно, что это за солдаты.

Итак, прием был хороший. Полицейских пригласили освежиться и разделить завтрак.

Те с готовностью приняли приглашение, слезли с лошадей и заботливо осмотрели их, как своих преданных помощников, а когда, наконец, в свою очередь присели перед брезентом, довольные этим приемом, но смущенные перед своими образованными хозяевами, старый рудокоп вскричал:

– Вот так удача! Я перевожу в банк более двухсот фунтов золота, эти двое молодцов будут сопровождать нас!

– Это действительно удача! – сказал Редон. – Нам много говорили относительно безопасности в этой стране, но я не совсем доверяю живущей здесь бедноте!

– Я тоже, – прибавил Леон, – и буду спокоен только тогда, когда наше имущество будет в надежном месте!

– Вы можете рассчитывать на нас! – с важностью произнес мнимый полисмен – Френсис.

– Это наша обязанность, и мы скорее позволим себя убить, чем дотронуться до вашего добра! – подтвердил его соучастник – Боб.

– Мы верим вам и будем спать как убитые! – заключил канадец.

Глава VII

Хитрость разбойников. – Во время сна. – Гнездо самородков переходит в другие руки. – Умерли ли они? – Хлороформ. – Неприятное пробуждение. – Обокрадены. – Бешенство Редона. – *Non bis in idem*. – Поиск Леона. – Тревоги ученого.

Полицейские были, видимо, очень утомлены, что для рудокопов, знавших их трудную и изнуряющую службу, не казалось удивительным. И потому, когда ужин подошел к концу, французы предложили им отдохнуть. Те сначала отговаривались, впрочем, больше для приличия, потом согласились; им отвели место для ночлега под большой шелковой палаткой у мужчин. Марта и Жанна, как и в Доусон-Сити, поселились в самой маленькой палатке, где был еще и склад съестных припасов.

Наступила ночь, и громадное багряное солнце скрылось за горизонтом, но все-таки царивший полумрак давал возможность различать на некотором расстоянии окружающие предметы, конечно, в неопределенных очертаниях.

Участки золотоискателей погрузились в сон. Наши друзья, Леон Фортен, Поль Редон, Дюшато, старый рудокоп Пьер Лестанг и Жан Грандье, растянулись на своих постелях и крепко заснули. Полисмены расположились близ входа в палатку, чтобы наблюдать за лошадьми, стреноженными

ми в десяти шагах и жевавшими стебли злаков, нарезанных поблизости.

Прошло около получала. Вдруг на гладкой почве через Отверстие ткани, завешивавшей входа палатку, показалась голова, потом через минуту – другая. Около колышков отверстие осталось плотно закрытым, очевидно, преследовалась цель помешать воздуху проникнуть внутрь палатки. Однако там почувствовался как будто легкий эфирный запах, странный, возбуждающий, словно это был очень зрелый ра-нет.

Прошло еще полчаса. Обе головы слегка зашевелились. Поднялся неясный шепот, невнятный разговор.

– Дело сделано! Я налил изрядную дозу, способную превратить их в деревянных человечков.

– А собака?

– И она, кажется, готова! Теперь можно приняться за со-кровище!

– У меня есть свечка, чтобы рассмотреть самородки.

– А если вдруг один из спящих проснется и поднимет шум?

– У меня есть нож; первый попытающийся устроить тревогу будет зарезан, как цыпленок! Но я спокоен!

– Идем же!.. Тихо и без малейшего шума, чтобы не разбудить женщин в другой палатке!

Одна из двух голов появилась опять, и ее обладатель на-половину выпрямился, чиркнул спичкой, зажег свечу и вни-

мательно осмотрелся вокруг.

Никто не просыпался, а дыхание, недавно еще шумное и глубокое, теперь едва заметно вылетало из уст спящих. Все они расположились в живописном и трагическом беспорядке.

Их лица, бледные и вытянутые, при колеблющемся свете казались лицами трупов. Губы были сжаты, ноздри раздуты, глаза плотно закрыты, руки скрещены. Только собака лежала с широко раскрытыми, тусклыми, мертвыми глазами.

Человек, державший свечу, был Френсис, мнимый полисмен. Он потрогал своими массивными сапогами со шпорами эти неподвижные тела, как бы желая убедиться в их полной нечувствительности, потом пробормотал:

– Их не разбудила бы и пушка... все идет хорошо! Боб, будь наготове! – Бандит бесшумно, ползком выбрался из палатки, держа кинжал в зубах. К счастью, утомленные Жанна и Марта спали очень крепко, не то, услышав хоть слово или заметив малейшее движение, негодяй безжалостно прирезал бы их.

Самородки были разделены на четыре пакета, каждый весом около пятидесяти фунтов; пакеты эти лежали под матрацами четырех компаньонов в маленьком углублении.

Френсис без всякого стеснения воткнул свечу в землю и, приподнимая одной рукой друг за другом эти неподвижные тела, второй стал выбрасывать пакеты с золотом, а его соучастник принимал их. За десять минут все было кончено.

Обокрав дочиста компанию золотоискателей, бандиты оседлали лошадей, крепко привязали золото к седлам и спокойно двинулись по направлению к северу. Через несколько минут они исчезли в пустынной дали, не будучи замечены никем из немногих соседей, отдохавших в своих палатках.

Между тем, часа в два утра молодые девушки почему-то пробудились и, удивленные окружающей тишиной, медленно поднялись с мест. Жанна первая, покинув то, что Редон в шутку называл Дамским купе, направилась к мужскому отделению и принялась звать отца, не понимая, каким образом деятельный канадец, всегда встававший раньше других, мог спать таким глубоким сном.

– Ну, отец, вставай! Солнце уже высоко!

Но в ответ не раздалось ни шороха, ни даже лая собаки, обыкновенно очень бдительной.

Молодую девушку охватил страх; исполненным ужаса голосом она позвала подругу:

– Марта! Идите скорее... несчастье... О Боже мой! Я боюсь!..

Марта быстро подбежала к палатке и, войдя в нее, при виде пяти неподвижных, как трупы, мужчин испустила горестный вопль:

– Мертвы... О! ... Нет... это невозможно!

Обезумев от ужаса, она бросилась к лежавшим и остановилась, пораженная каким-то запахом, напоминавшим запах хлороформа. В то же время ее подруга обнаружила отсут-

ствие лошадей.

– Полицейские уехали!

Подозрение закралось в сердце Марты, невольно спрашивавшей себя, чем объяснить это внезапное исчезновение; однако не время было рассуждать. Как энергичный человек она овладела собой и, призвав на помощь все свое хладнокровие, закричала подруге:

– Воздух!.. Нужен воздух!.. Скорее!.. Вынесем их отсюда!

С силой, какой они даже не подозревали в себе, обе девушки по очереди вынесли из палатки всех четырех мужчин и положили на землю. Тела были еще теплые.

– Жанна!.. Холодной воды... бегите, пожалуйста!

Пока канадка, захватив кружку, бегала к соседнему ручью, Марта растегнула воротники больных, обнажила их грудь и стала их растирать, но вскоре пришла в отчаяние, видя бесполезность этих усилий. Наконец, когда возвратилась Жанна с водой, она, смочив платок холодной водой, стала прикладывать его к неподвижным лицам.

– Делайте то же, Жанна, трите сильнее! – сказала она подруге.

Розоватый оттенок показался на коже, и девушка решила, пытаясь вспомнить некоторые правила гигиены и оказания помощи раненым, применить искусственное дыхание. Она нажимала на грудь старого рудокопа таким образом, чтобы уменьшить объем легких, потом внезапно освобождала грудь, чтобы вызвать таким образом сильный вздох. Сред-

стве оказалось действенным – старик стал слабо шевелиться. Теперь очередь была за Леоном.

Руки молодой девушки дрожали при прикосновении к доброму, преданному другу. Язык его был слегка сжат зубами, и пульс почти отсутствовал.

С изобретательностью, удивившей ее саму, девушка схватила железную ложку, всунула ручку ее между челюстями, с силой раскрыла их и, не зная, что делать, влила большой глоток виски в рот. А нужно заметить, Леон употреблял только воду. Поэтому, как только горячительный напиток коснулся его рта и обжег его, как минеральной кислотой, горловые мускулы молодого человека подернулись, и живот слегка поднялся. Тотчас после этого кровь хлынула к лицу, легкие наполнились воздухом, тело шевельнулось, глаза открылись – и Леон внезапно ожил.

Он энергичным усилием поднялся на ноги при виде молодой девушки, улыбавшейся сквозь слезы, и нетвердым голосом произнес:

– Мадемуазель Марта, Вы спасли меня, благодарю Вас!

Тут он заметил других мужчин, все еще распростертых на земле, и Жанну, смачивавшую их тела свежей водой. Ему тотчас же пришла в голову мысль об отравлении ядовитыми газами, вырвавшимися из почвы.

– Задохнулись? – спросил он молодую девушку.

– Преступное покушение, полисмены исчезли... Пробудившись, мы нашли вас умирающими!

Леон тотчас поднялся, не занимаясь разговорами и спеша помочь Марте и Жанне. Он дотащился до Жана, насильно открыл ему рот, схватил пальцами, обернутыми носовым платком, его язык и произвел несколько ритмичных движений. Это средство, лучшее при удушии, подействовало очень быстро и возвратило к жизни молодого человека.

В то время как Марта занялась старым рудокопом, а Жанна – своим отцом, Леон принялся за Редона. Опять вытягивание языка произвело чудо, но потребовало от еще слабого Леона доброй четверти часа трудов.

– А Портос? – вспомнили тогда о собаке. Однако оказалось, что и ньюфаундленд отлично обошелся без врачебной помощи. Он появился из глубины палатки, зевая и шатаясь, как пьяный. Собака присоединилась к группе людей, старавшихся прийти в себя и удержаться на подкашивающихся ногах.

– Где же полицейские? – спросили, едва ворочая языками, канадцы и репортер.

– Уехали!

Этот отъезд, слишком похожий на бегство, показался всем более чем подозрительным.

– Лишь бы они не обокрали нас! – воскликнул Леон.

Эта же мысль встревожила и остальных, и все нетвердыми еще шагами бросились осматривать кладовые под своими постелями. Кладовые эти, безусловно, оказались пусты. Только присутствие молодых девушек могло остановить по-

ток проклятий, готовых сорваться с губ компаньонов. Но от этой сдержанности ярость не уменьшилась.

– Нас провели самым жестоким образом! – вскричал Дюшато.

– Но глупее всего, – пробурчал Редон, – что мы постыдно обокрадены в тот момент, когда журналы Доусона публикуют наши интервью, наши портреты, наши фотографии, когда всякий завидует нам, когда о нас рассуждают на все лады, когда мы, наконец, богачейшие, счастливейшие, сказочные владельцы знаменитого «гнезда самородков».

– Ба! – глубокомысленно вмешался Леон Фортен. – Лучше внушать зависть, нежели жалость! Мы поквитаемся, добыв новое богатство!

– Болтай себе на здоровье! – возразил на это с комическим смешком Редон. – Неужели ты думаешь, что найдется вторая землеройка, которая, зарывшись во вторую дыру, натолкнет Портоса на второе гнездо?

– Попробуем! Ищи, Портос!.. Ищи, животное...

Но собака лишь слабо вильнула хвостом.

– Ты не расходишься еще, не так ли, мой бедный песик? И потом, чего ты хочешь: *non bis idem!*¹⁵

В вольном переводе это значит: нельзя дважды найти апельсин в одной и той же корзине!

– Как знать?! – прервал загадочным тоном Леон Фортен.

– Ты думаешь?

¹⁵ Буквально – не дважды за одно и то же (лат.).

– Если не в одной и той же корзине, то по крайней мере на том же участке!

– Ты прекрасно видишь, что у Портоса нет более нюха... Здесь надо бы перигорскую собаку, приученную искать трюфели!..

– Вместо Портоса я мог бы действовать сам!

– Так не теряй времени и поищи! Скучно заносить в разряд убытков великолепную грудку золота, похищенного полицейскими чинами! А я находил их такими добряками!

– Ну, дай же мне начать поиски!

– Ты хочешь остаться один?

– Да!

С этими словами Леон повернулся спиной к остальным членам группы и стал медленно пересекать участок во всех направлениях. Время от времени он наклонялся, потом на минуту становился на колени и вскоре продолжал поиски. Такие действия, живо заинтересовавшие его друзей, продолжались около часа. Утомленный, покрытый потом, Леон возвратился к палатке, где его ждал накрытый стол.

Он сохранил непроницаемость, заставившую молодых девушек улыбаться, но раздражавшую мужчин и особенно Редона.

Завтрак затянулся. За исключением Марты и Жанны каждый чувствовал боль в голове, затрудненное дыхание и боль в суставах. К ослабляющим физическим последствиям действия хлороформа присоединилось еще уныние по поводу

кражи. Наконец Редон, будучи не в силах сдерживаться, воскликнул:

– Ну!.. Пожалуйста, скажи нам о золоте. Так как ты инстинктивно чувствуешь, где скрыто золото, как источник подземных вод, то скажи, что ты нашел?!

– Немного! На участке есть золото, но в малом количестве!

– Ах, Боже мой! Мадемуазель Марта, ваш участок плох! Итак, ни малейшей надежды на гнездо самородков?

– Я нашел кое-что, но не смею раскапывать. Я слишком боюсь неудачи!

– Напротив, возьмем кирки и лопаты, осмотрим место и – дело с концом! А ты, дружище Портос, пошли с нами!

Все семеро, мужчины и женщины, и ньюфаундленд быстро оставили палатку и отправились к месту, указанному Леоном Фортенем.

Последний, слегка побледнев, кусал свой длинный ус и казался сильно взволнованным. Конечно, в нем сказывались ощущения обыкновенного человека, который никогда не может равнодушно смотреть на золото. Но ученый имел и другую причину волноваться: он хотел знать, чего стоит его необычайное и гениальное открытие, а именно открытие особого металла, притягивающего золото.

Глава VIII

Новое открытие. – Не случайность. – Гнездо самородков. – Редон пал духом. – Избалованный счастьем. – Золотая буссоль. – Периодический закон Менделеева.

Итак, Леон Фортен направился на участок в сопровождении всей компании, включая и девушек; все были крайне заинтригованы поведением молодого ученого. Дюшато просто решил, что Леон не в своем уме, так странно он выглядел, когда ходил и размахивал своим брелоком. Старый канадец, с двадцатилетнего возраста исходивший золотые поля и принадлежавший к числу самых опытных рудокопов континента, усмехался с иронией, напоминая тех крестьян, которые, слушая речи профессора земледелия, поют под сурдинку:

– Посмотрите, этот любезный господин из города хочет научить нас, как выращивать морковь и капусту!

Группа пересекла участок и направилась к западной границе его, до которой едва осталось два метра.

– Здесь! – произнес немного дрожащим голосом Леон, обозначив место крестом, начертанным на почве.

– Ну, будем рыть! – сказал Редон, делая первый удар киркой.

Старый канадец пожал плечами и заметил вполголоса Дюшато:

– Нет!.. Это детская затея... ничего не найдут!

Тот тоном сострадания ответил:

– Э, я и сам хорошо знаю! Но если это доставляет удовольствие нашим землякам! – и принялся за работу, которая теперь уже спорилась в его руках.

Рыли уже полчаса. Отверстие увеличилось в ширину и глубину. Через минуту должен был начаться ледяной слой. Вдруг лопата журналиста наткнулась на какое-то твердое тело и издала отчетливый звон.

– Что это?

Старый рудокоп, бросив свою кирку, наклонился и, подняв что-то, вскричал с изумлением:

– Боже!.. Золото!..

Потом, как будто поднятый предмет жег его, он бросил к ногам Фортена прекрасный слиток, величиною с каштан.

– Черт возьми! – вскричал в свою очередь Редон, разрывая рукояткой своей лопаты кусок земли, – жила возвращается! Bravo! Мы вновь разбогатеем!

– Это опять счастливый случай или француз приходится сродни дьяволу!

Леон подобрал слиток, поднес его Марте и с улыбкой сказал ей:

– Надеюсь, мадемуазель, что в этом открытии нет ни малейшей случайности, как думает наш бравый товарищ!

– О! Это было бы слишком хорошо! Впрочем, я верю вам!

– Это чисто научное открытие... Если позволите, я объясню вам немного позднее поистине необычайный секрет его!

– А мне, мосье Лион, скажете? – спросил Жан, внимательно смотревший на слиток в руке сестры.

– Да, друг мой, так как, на случай несчастья, я хочу вас сделать своим наследником, а это наследство сделает вас царем золота!

– О, не говорите так! Вы не знаете, какое горе причиняете мне!

Восклицание Дюшато прервало эту беседу, ведущуюся вполголоса.

– Еще слиток!.. Меньший по величине, но такой же чистоты!

Действительно, второй кусок золота был величиной с орех.

– Еще один! – на этот раз воскликнул старый рудокоп Лестанг.

Мало-помалу после трех часов работы самородков набралось около трех килограммов, то есть на кругленькую сумму в десять тысяч франков, чего еще никогда не видано было на участках Клондайк. И чрезвычайно недоверчивые люди пришли бы в изумление от подобного результата, превосходившего самые смелые надежды.

Однако, вскоре все стали чувствовать сильное недомогание. Было ли это последствие влияния хлороформа или просто усталость, неизвестно. Только журналист, Леон и Жан отказавшись от работы.

– В таком случае, господа, мы с Жанной останемся здесь,

чтобы окончить разборку земли! – проговорила Марта.

– Но, мадемуазель...

– Пожалуйста, идите отдохнуть! Мы прекрасно поработаем без вас и... за вас!

Мужчины медленно удалились и молча пересекли участок наискось.

На губах Жана Грандье был вопрос, и он с любопытством посматривал на Леона не решаясь спросить, но все-таки в конце концов сказал: – Мосье Леон... вы обещали сейчас...

– Что, мой дорогой друг?

– Сказать Марте и мне... секрет открытия... вами золота... Марты нет, правда... но вы можете объяснить ей потом... Мне не терпится узнать...

– Шш!.. Тише... Войдем в палатку... вы узнаете все!

Убедившись, что ни одно нескромное ухо не услышит их, Леон вынул из внутреннего кармана своего жилета маленький инструмент, насаженный на прочную никелевую цепочку.

– Поль, ты хочешь спать?

– О нет! – вскричал журналист. – Я узнаю штучку, которая помогла нам открыть золото... по крайней мере твое... хотя вернее, что Портоса!

Леон улыбнулся и, обращаясь к Жану, проговорил:

– Видите ли эту «штучку», как ее назвал сейчас этот шутник Редон? На самом деле это – буссоль¹⁶, но буссоль осо-

¹⁶ геодезический инструмент для измерения горизонтальных углов на местно-

бенная: ничто не может привести в движение ее иглу. Поворачивайте ее, отклоняйте, направляйте по всем четырем сторонам света, она остается неподвижной. Но если, держа ее правой рукой, левой я поднесу кусок золота, то игла приходит в движение и направляется к золоту, которое притягивает ее, как магнит железо. Видите: она вертится, отклоняется направо и налево по мере того, как я перемещаю кусок золота. Прибавим еще, что способность к движению наблюдается только в присутствии золота, не проявляясь ни при одном из всех известных до сих пор металлов.

– Но, мосье Леон, это ведь чудо! – с удивлением вскричал молодой человек.

– Да, это чудо!

– Я бы очень хотел знать причину этого странного явления!

– И я также, – отвечал добродушный ученый, – я констатирую факт, как и вы... пользуюсь им, но не знаю больше ничего...

– Из какого же металла сделана игла?

– Это я могу объяснить, так как сам открыл его. Я нашел его незадолго до тех ужасных событий и назвал его «металл х», как Рентген свои знаменитые лучи. Но Редон настоял, чтобы я дал ему мое имя, и вследствие этого я окрестил его леонием.

После этих первых объяснений Леон продолжал:

– Я не думал поразить ученый мир своим открытием, с которым вы теперь знакомы, а решил испробовать его сначала здесь, в Клондайке. Ведь эта игла и привела меня сегодня ко второй залежи, точно указав место, где лежит «гнездо», раскапываемое в этот момент канадцами.

– Как это? Скажите, мосье Леон!

– Очень просто! Положив буссоль на руку, я руководствовался ею, как это делают мореплаватели с магнитной буссолью. Я держал свой инструмент поочередно в вертикальном и горизонтальном положении. Сначала игла оставалась неподвижной, потом направилась прямо к западу... Тогда я стал держать ее горизонтально, и это дало мне направление. Я поставил ее вертикально, и игла, повернувшись вокруг своей оси, как стрелка компаса, образовала некоторый угол. Таким путем мой маленький инструмент и вел меня, пока игла не остановилась вертикально. Здесь обозначилась залежь золота, которая мне кажется хорошим предвестником наших будущих разведок!

– Тогда мы можем отнестись спокойно к краже, совершенной мнимыми полицейскими? – произнес все более пораженный молодой человек.

– Судите об этом по себе!

– Что же касается леония, вашего металла, то я воображаю, скольких трудов и неприятностей он стоил вам...

– О нет! – возразил Леон. – У меня ведь подобно всем химикам, занимающимся открытием новых элементов, был

наставник. Вся моя заслуга, если только она была, состоит лишь в использовании теории знаменитого русского химика Менделеева!

– Как это?

– Вы хотите знать?

– Чрезвычайно любопытно.

– Я постараюсь, насколько возможно, объяснить вам. Как известно, Леверье, исходя из того закона, что путь светила зависит от его массы, массы окружающих тел и от расстояния их, пришел к такому заключению: «В некотором месте небесной сферы существует планета, которую никто не видел и существования которой даже никто не подозревал. Эта планета занимает такое-то положение, весит столько-то, описывает такую орбиту... Ищите ее, направьте свои телескопы на такое-то место, и вы обязательно найдете ее».

Вычисления Леверье были так точны, что вскоре, действительно, астроном Галль нашел планету Нептун. Замечания Леверье аналогичны теории знаменитого Менделеева. С давних пор в химии было замечено, что некоторые элементы по своим химическим и физическим свойствам представляют некоторое сходство между собой, вследствие чего их и подразделяли на группы, например, группа галоидов: бром, хлор и йод.

Позднее было установлено периодическое отношение между атомными весами тел и другими их свойствами. Эта идея была разработана, проверена, приложена ко всем из-

вестным фактам и дала возможность установить более рациональную классификацию. Менделеев еще глубже исследовал вопрос и придал ему полноту, приложив это периодическое отношение к будущим открытиям, так что теперь можно безошибочно описать наперед свойства неизвестных еще элементов. Великий русский химик, исходя из того принципа, что «химические и физические свойства простых элементов составляют периодические функции масс атомов этих элементов», расположил элементы по группам, в порядке возрастания их атомных весов. Таким образом, получилась таблица, где были собраны все до сих пор известные элементы, но со значительными промежутками между ними. Менделеев утверждал, что эти промежутки будут заполнены впоследствии открытием новых, еще неизвестных элементов, и затем определил физические и химические свойства их, следуя периодическому закону, связывающему эти свойства с атомными весами.

– О! – произнес Редон со вздохом, похожим на мычание. – Кровь прилила мне к голове, в глазах мутится, хочется рычать, стрелять из револьвера, разбить что-нибудь!.. Леон, друг мой, говори со мной по-китайски, по-ирокезски, по-патагонски, на овернском и нижнебретонском наречии, но, ради нашей дружбы, ради моего бедного мозга, ради всего, что тебя трогает, не говори более химическим языком!.. Умоляю тебя об этом!..

– Но все это очень ясно, не правда ли, Жан? – сказал

Леон. – Вы хорошо поняли?

– Гм!.. немного... мне кажется, я могу так сформулировать вопрос, по моему слабому разумению: «Так же, как Леверье мог сказать астрономам после своих вычислений: „Там существует планета“, Менделеев может сказать химикам: „Там существует простое тело, ищите его“.

– И он оказался прав. Упорные, настойчивые умы долго бились и, наконец; заполнили некоторые пробелы в «Таблице элементов» Менделеева. Для примера назову вам: галлий, открытый нашим соотечественником Лекоком де Буабодраном; скандий, открытый шведом Нильсоном, и германий, открытый немцем Винклером. Все свойства этих элементов в точности соответствуют тому, что предвидел Менделеев... Со своей стороны, и я пожелал добавить свое звено в эту цепь. После долгих трудов мне удалось открыть леоний, как его называет Поль.

В этот момент послышался громкий храп: то Редон, тщетно боровшийся с одолевавшим его сном, поддался ему наконец; тоже сделал и Жан, а Леон, посмотрев на них, решил, что и ему не мешает последовать их примеру.

Глава IX

Печальный случай. – Спасение. – Серьезные раны. – Неожиданность. – Тоби № 2-й. – Выводы полицейского агента. – Удивление пострадавших. – Приходится покинуть участок. – Возвращение. – Тоби не терял времени.

Печальный случай увенчал открытие «золотого гнезда», найденного Леоном Фортенем с помощью таинственной буссоли.

Не подлежит сомнению, что лето действительно неподходящее в этих странах время для раскопок и земляных работ: несмотря на все предосторожности, всегда следует опасаться обвалов, которые могут заживо похоронить под собой неосторожных рудокопов. Другой, не менее страшной опасностью для золотоискателя является выделение газов, которое может быть вызвано каждым неосторожным движением.

Лестанг и Дюшато усердно работали на участке. Усомнившись сначала в таинственных свойствах буссоли Леона, они теперь горячо уверовали в ее сверхъестественную, как им казалось, способность и, подстрекаемые жаждой наживы, трудились, не жалея ни сил, ни пота, раскапывая землю, кое-как подпирая стены ямы и углубляясь все дальше и дальше.

На третьи сутки случилась та катастрофа, какую и следовало ожидать: произошел обвал и при этом сильнейшее выделение газов.

Жан, Марта и Жанна возвращались из леса с вязанками дров, а Леон и Поль вертели ворот над ямой, доставая с помощью большого ведра золотоносные комья земли со дна ямы, где работали канадцы. Вдруг послышался какой-то глухой шум и страшные крики: «Помогите! Помогите!» Одновременно с этим из ямы распространился удушливый, отвратительный запах сероводорода. Не теряя времени, Леон спустился на дно ямы, имевшей всего полторы сажени глубины, и, убедившись, что рабочих засыпало чуть не до половины, крикнул: «Скорей давай лопаты, заступы! Спешите на помощь!» Подоспевшие в это время Жан и обе девушки спустились Поля Редона в яму. К счастью, выделение газов прекратилось, и на дне можно было дышать, хотя и с трудом. Подгоняемые тревогой за своих друзей, молодые люди работали с удвоенной энергией и после двух часов усилий им удалось, наконец, высвободить двух несчастных, без признаков жизни, с запекшейся кровью на губах. Со всевозможной осторожностью, совершенно изнемогая и задыхаясь, молодые люди извлекли своих пострадавших товарищей со дна ямы и при содействии остальных оказали первую помощь.

Удрученная горем, испуская раздирающие душу крики, Жанна бросилась к отцу, которого уже считала мертвым. К счастью, Леон обладал очень серьезными медицинскими познаниями и скоро отходил пострадавших. После двухчасовых усилий Дюшато и Лестанг были возвращены к жизни. Правда, первый получил в некоторых местах раны, а второй

сломал ногу. Леон с помощью Жана и Поля очень умело занялся пострадавшими. Раненые испытывали большое облегчение, но – увы! – на долгие недели оказались неспособны ни к какой работе. Следовало во что бы то ни стало возвратиться в Доусон-Сити, чтобы посоветоваться с врачом и доставить беднякам необходимый им уход.

Но это значило, что вся летняя кампания потеряна, то есть новые раскопки участков откладывались до конца зимы! Однако, ко всеобщему изумлению, оба канадца встретили это известие скорее с радостью, чем с огорчением.

– Наконец-то мы освободились от дела! – говорил старик, с благодарностью пожимая руки Леона. – Теперь обстоятельства не будут более противодействовать вам!

– Да, – прибавил Дюшато с покорностью, – слишком большое счастье искуплено теперь нашими страданиями. Требовалась жертва – и ею явились мы! – И добряк продолжал с улыбкой, перешедшей в гримасу. – Все шло слишком хорошо; нужны были жертвы, чтобы удовлетворить судьбу. А вы, господин волшебник, будете желанным человеком... человеком легендарным... Вы откроете в долине Юкона громадную сокровищницу золота... гору или пещеру... неизвестно... но «Мать золота»... Вы найдете ее! Да, вы!

В этот момент бедно одетый человек, с утомленным видом, робко подошел к нашей компании. Он был один и, должно быть, пришел со стороны долины, т. е. следуя по речке.

Оба раненых находились уже в палатке вместе с молодыми девушками. Молодые люди вышли, чтобы подумать, как поскорее доставить Лестанга и Дюшато в Доусон. Увидев незнакомца, они ответили на его поклон с заметной холодностью: печальное приключение с мнимыми полицейскими сделало их подозрительными. Однако тот, не обращая внимания на такой прием, любезно улыбнувшись, проговорил:

– А! Мосье Редон... Как я счастлив видеть вас!

Удивленный журналист внимательно посмотрел на незнакомца и вдруг воскликнул: – Тоби!.. Вы здесь, мой brave Тоби! – протянул ему обе руки, обменялся коротким и дружеским рукопожатием и прибавил: – Дорогой Леон, позволь представить тебе мистера Тоби № 2, правую руку знаменитого Мельвиля. Мой добрый Тоби, друг мой Леон Фортен, первая жертва «Красной звезды»!

Оба энергично пожали друг другу руки, и Редон, который еще не пришел в себя от этой встречи, прибавил:

– Каким добрым ветром занесло вас сюда, дорогой товарищ?

– Усердным преследованием бандитов, которым я объявил беспощадную войну.

– Ах, сколько произошло необыкновенных событий, Тоби, со времени получения вашей депеши из Бремена! Но скажите, пожалуйста, вы знали, что найдете нас здесь или только случайность привела вас сюда?

– Вы забываете о Доусонских журналах, где помещены и

биографии, и портреты, и автографы, и сообщение о ваших чудесных открытиях. Сообщение очень опасное, поверьте мне, так как лучше скрывать свое богатство, чем кричать о нем на всех перекрестках!..

– Кому говорите вы это?!

– Разве произошло уже несчастье?

– Нас обокрали, украли все наше золото около трехсот тысяч франков. И это было проделано с неслыханной ловкостью и смелостью!

– Так значит, я снова прибыл слишком поздно. О, почему вы не написали мне, как я просил, в Ванкувер или в Дусон-Сити!..

– Глупость с моей стороны... Непростительная забывчивость!

– Несчастье!.. Большое несчастье!.. Худшее, может быть, чем вы думаете, если мои подозрения оправдаются.

– Но извините, дорогой Тоби, я заставил вас стоять и даже не предложил выпить и закусить. Извините меня и не думайте худо о нашем гостеприимстве! Моя растерянность и неожиданность вашего визита – единственная причина этого! Все, что здесь находится, принадлежит вам. Распоряжайтесь им по-своему! – прибавил Леон.

– Благодарю, господа, от всего сердца, но не сейчас! Поговорим прежде всего, так как время не ждет!

– Но что произошло?

– Меня привело сюда нетолько желание увидеть вас: я ве-

ду слезку.

– И местная полиция не хочет помочь вам?

– Она пускает в ход все средства, чтобы затормозить мои усилия, и даже не хочет признавать меня!

– Почему же?

– Потому что стремится во что бы то ни стало скрыть все преступления, даже мелкие, совершающиеся здесь ежедневно. И все это делается для того, чтобы не помешать притоку рудокопов, главному населению Клондайка. Да, надо во что бы то ни стало, чтобы люди и капиталы были в полной безопасности... нужно, чтобы царило доверие, хотя воображаемое... Таким образом двое конных полисменов превратились в дезертиров...

– Черт возьми! Наши воры! – вскричал Леон. – Они отправились в путь сейчас же и, если все еще едут, то должны быть далеко!

– Я имею основание думать, что их исчезновение не будет оглашено. Его скроют с большим старанием, и, может быть, если заявят семейства, их объявят умершими случайно во время исполнения своих обязанностей.

– Но это преступление!

– Но, господа, не думаете же вы, что начальник полиции будет раскрывать каждому встречному истину, которую я подозреваю и которую скоро подтвердят новые доказательства: оба полисмена, завлеченные в западню, в Фурше, были убиты в харчевне и трупы их сожжены.

– Черт возьми! Что это вы говорите, Тоби?!

– Убийцы же, взяв их форму, вооружение и лошадей, отправились на северо-западный участок и украли у его обладателей сто килограммов золота...

– Тоби!

– После этого они проехали Клондайк, убили лошадей, сожгли форму, уничтожили оружие и вернулись пешком в Доусон-Сити; краденое же золото превратили в слитки и обменяли на банковские билеты... Войдя во вкус, бандиты остались в Доусоне, часто посещают увеселительные заведения, готовятся к новому подвигу и ждут благоприятного момента действовать, не подвергаясь излишнему риску.

– Но, Тоби, вы рассказываете ужасные вещи!

– Ужасные или не ужасные, но суть в том, что я вам сообщаю голые факты! Уж не думаете ли вы, господа, что подобное сообщение способно увеличить царящее здесь доверие, которое побуждает к работе, облегчает мировые сделки, содействует путешествиям и охраняет собственность? Понятно, что ни слова не будет сказано, все скроют, как при появлении эпидемии в гавани! Только я один буду знать, что убийцы несчастных полисменов и ваши воры – Френсис Бернетт и Боб Вильсон, вожди «Красной звезды».

– Тысяча молний! – вскричал Леон Фортен вне себя. – Мои палачи!

– Мошенники, продырявившие меня и собиравшиеся благополучно отправить меня на тот свет! – прибавил журна-

лист.

– Гениальные бандиты, – продолжал важно Тоби, – с которыми я один веду войну!

– Но мы поможем вам!

– О, господа! Я не сомневаюсь ни в вашем желании, ни в вашем мужестве, но...

– В нашей ловкости, не так ли? – спросил Редон.

– Или скорее в ваших полицейских способностях!

– Не бойтесь, дорогой Тоби! Я сделал донесение, которое, скажу не хвастаясь, вызвало удивление самых толковых полицейских. Вы увидите, Тоби, увидите!

– Если так, господа, то я думаю, лучше мне остановиться здесь. Оба бандита не оставили никакого следа в этой пустыне, но предчувствие говорит мне, что они вернулись в Дусон. Сделаем, как они, и нагрянем в столицу!

– Ну, хорошо! Время, однако, и поесть!

Полицейский агент, приглашенный в палатку, был представлен в качестве преданного друга из Европы, случайно встретившегося на золотых приисках; впрочем, это была совершенная правда. За столом ему рассказали о краже, о сопровождавших ее обстоятельствах, о бегстве двух мнимых полисменов. И Тоби, слушавший внимательно, произнес между глотками: «Кража при помощи хлороформа – одно из их любимых средств. Сомневаться дальше невозможно, я понял все еще раньше вашего рассказа!»

По старой привычке, которую никогда не забывает насто-

ящий полицейский, он бегло взглянул на канадцев и решил, что никогда еще не встречал их, поэтому держался настороже с ними и советовал это делать и остальным. Взволнованный Редон, выйдя из-за стола и оставив палатку, пылко запротестовал:

– Дюшато – отец Жанны, этой удивительной девушки, которая безотлучно находилась около мадемуазель Грандье! Я люблю ее от всего сердца и полностью доверяю!

– Кому?.. Отцу или дочери? – с улыбкой спросил Тоби. Редон не отвечал, засмеялся и вернулся в палатку, где Жан и Леон начали уже приготовления к отъезду. Они присоединились к друзьям и помогли так деятельно, что через шесть часов все было закончено, оставалось только условиться с перевозчиком, что было улажено за минуту. Затем положили в повозку обоих раненых, и она медленно двинулась.

Это путешествие, совершаемое так неторопливо, заставляло Тоби топтаться на месте. Наконец, он потерял терпение, опередил других и сказал:

– Я подожду вас близ вашей гостиницы. У меня будут уже, наверное, новости! – и он не ошибся.

Когда, тридцать часов спустя, караван остановился перед скромным приютом, Тоби, заgrimированный, неузнаваемый, мог сказать Редону:

– Я не терял даром времени! Как только вы устроитесь, я покажу вам лицом к лицу ваших воров!

Глава X

Увеселительные места в Доусон-Сити. – Тоби сдержал свое слово. – Лицом к лицу. – Воры и убийцы. – Скандал и арест. – Перед судом. – Обвинение. – Свидетели. – Поражение. – Приговор. – В тюрьме. – Торжество бандитов. – Тоби № 2 сдержал свое слово.

Наши друзья провели в Доусон-Сити уже двадцать четыре часа. Удобно устроив раненых во второй хижине, соседней, они пригласили американского врача – теперь оставалось терпеливо ожидать выздоровления. Никаких осложнений не предвиделось.

Тоби № 2 прибыл, живописно одетый в широкополую шляпу, в голубую куртку с золочеными пуговицами. На нем была огромная круглая пелерина с галстуком цвета индиго с белыми горошинами, а на ногах – высокие сапоги. При этом у него был монокль в глазу, закрученные усы, довольный вид; словом, он выглядел настоящим франтом... из-под полярного круга!

– Идите! – сказал он тихо в тот момент, когда наступила одиннадцатичасовая темнота.

Равнодушные к обычаям европейской моды, заправив панталоны в сапоги, надев измятые шляпы, фланелевые рубашки и куртки сомнительной свежести, Леон и Поль последовали за полицейским.

Оборванцы, покрытые живописными лохмотьями, флажировали по улицам и медленно направлялись к увеселительным местам. Салоны, кафе, отели, освещенные а gюгно, распространяли свои соблазны даже на шоссе, где важно шлепали по грязи джентльмены в ожидании удовольствий или приключений.

Настраивались самые разнообразные инструменты, звучали нестройные музыкальные аккорды, прерываемые выкриками зазывал, которые за плату должны были завлекать посетителей в увеселительные места. Тоби провел своих спутников в обширное помещение, разделенное на три части, соответствующие концертному залу, бальному и салону. В первом отделении бритые мужчины и накрашенные дамы выкрикивали модные куплеты. Во втором джентльмены и леди, под руководством дирижера, усердно танцевали. В третьем – играли в рулетку, трант-карант, в покер и баккара и во всех трех не забывали пить, курить и жевать табак.

Однако не замечалось ни тени веселости. Все делали вид, что веселятся по заказу, аплодируют без увлечения, танцуют, пьют, не чувствуя жажды, и играют, не умея. Преобладали американские манеры, а всем известно, что американская веселость далека от шаловливости.

Но содержатели таких притонов удовольствий, распределив в таком порядке развлечения, знают, что делают. Слушатели концертного отделения мало-помалу приходят в возбужденное состояние, влекущее их к напиткам. Танцы при-

ходятся кстати, а когда гости переходят в игорную залу, они уже оказываются почти готовыми...

Леон, Поль и Тоби, остановившись на несколько минут из любопытства в бальной и концертной залах, прошли в салон.

– Вы играете? – спросил Тоби.

– Нет! – ответил Леон.

– А я слегка! – сказал в свою очередь журналист.

– Тем лучше! Здесь проигрываются огромные суммы, и я подозреваю, что банкометы ловко передергивают!

Здесь рассчитывались не деньгами, а жетонами, обмененными на золото в слитках или в виде песка, которое тут же взвешивалось на весах. Сведенная к обмену фиктивных ценностей, игра, несмотря на азарт, теряла драматическую окраску, сделавшую ее такой убийственной в игорных домах Калифорнии, Австралии и Южной Африки со времени открытия копей. Настоящая трагедия происходила разве что в вертепе казначея, куда стекались действительно в неисчислимом количестве всевозможные ценности.

Войдя в залу, трое друзей были просто ошеломлены дымом папирос и сигар, спиртным запахом и прочими подобными ароматами. Относительная тишина царила только в обширной зале, среди игроков, теснившихся у столов при свете керосиновых ламп. Здесь слышался только шепот, и то скоро смолкший, звяканье стаканов, глухой шум постоянной ходьбы, прерываемый яростными всплесками крепкой брани, – и над всем этим царил сухой, отрывистый голос банко-

метов, произносивших таинственные слова:

– Господа, ставки!.. Больше нельзя!.. Нечет, чет, красное!..

Пробыв несколько минут в зале и привыкнув к ее атмосфере, Поль и его друг остановились близ стола, перед которым восседали двое мужчин. Они были видны только на три четверти, но голоса их заставили вздрогнуть наших друзей. Тоби бросил на них быстрый взгляд и прошептал одно слово:

– Подойдем!

Они, ловко маневрируя среди понтеров, скоро пробрались в первый ряд, и здесь до них совершенно отчетливо долетели два голоса. Пришедшие посмотрели на лица и взгляды их скрестились с взглядами совершенно невозмутимых банкометов. Молодые люди едва могли подавить крик удивления и гнева. Это они!.. Мнимые полисмены!.. Воры!.. Двое негодяев, злоупотребивших их гостеприимством и похитивших их самородки!

Больше сомневаться было невозможно. Дрожь пробежала по телу, они побледнели и не слышали даже Тоби, напоминавшего о спокойствии. Наконец, будучи не в силах сдержаться, они раздвинули игроков, подошли к банкометам и, ни слова не говоря, схватили их за шиворот. Минутное оцепенение приковало к месту присутствующих. Застигнутые врасплох, банкометы стали сопротивляться и призывать на помощь, но руки Поля Редона и Леона Фортена держали их, как в тисках.

– Что это значит? Что за насилие? – вмешались недоумевавшие понтеры, готовые принять сторону банкометов.

– Это значит, – вскричал звонким голосом журналист, – что эти люди – бандиты! Переодевшись в форму полисменов, которых они убили, они украли у нас двести фунтов золота!

А Леон добавил с еще большей горячностью:

– Да, бандиты, совершившие в Англии и Франции самые ужасные преступления! Два вождя «Красной звезды»!

При подобном обвинении симпатии общества уступили место весьма понятному негодованию. Некоторые игроки стали даже награждать тычками банкометов, лишенных возможности бежать. В интересах правосудия и справедливости Тоби в свою очередь выступил обвинителем.

– Джентльмены! – громко произнес он. – Прошу выслушать! Вот указ об аресте, подписанный лорд-шефом лондонского суда, с приказанием задержать этих людей в любом месте британской территории...

– Хорошо! Арестуем их! – прервал один игрок.

– Отведем их к начальнику полиции! – прибавил другой.

– На суд! – сказал третий.

Негодяи, лишенные возможности убежать и даже сопротивляться, обрадовались.

– Мы лучшего и не желаем! Ведите нас к судье! Он оправдает нас!

Двое добровольных полисменов, какие всегда находятся в

подобных случаях, взяли по веревке и крепко связали руки банкометов. Последние, боявшиеся сначала подвергнуться суду Линча, ободрились, подняли головы, вздернули плечи и, посматривая иронически на окружающих, изрекли: «Смеется тот, кто смеется последним!»

Это была невиданная дерзость, и французы едва сдержались.

Судьи не оказалось дома, как и начальника полиции. Тогда, вследствие обвинения Леона и Редона и под их ответственность, арест, впрочем, узаконенный указом Тоби, был предпринят.

Банкометы были посажены в тюрьму.

Через сутки, как предписывает английский закон, состоялся первоначальный допрос в присутствии двух адвокатов со стороны подсудимых: как и везде, в Доусон-Сити появились адвокаты, ищущие золота и кляузных дел. Тоби № 2 и оба француза присутствовали в качестве обвинителей.

Пленники назвали себя: один – Ребенком Смитом, другой – Жое Нортоном.

– Это ложь! – вскричал Тоби. – Высокого зовут Боб Вильсон, а низенького – Френсис Бернетт! Они хорошо известны лондонской полиции, как доказывают приметы, имеющиеся в Скотланд-Ярде, и следующие листки, добытые инспектором Мельвилем. Вот, впрочем, господин судья, дело, снабженное печатями и подписями.

Судья взял бумаги, быстро пробежал их, обратив внима-

ние особенно на приметы, и велел обвиняемый приблизиться; затем, сравнив приметы с подлинником, сказал:

– Невозможно сомневаться... Впрочем, я громко прочту вам эти документы, чтобы все: адвокаты, свидетели и обвиняемые – могли удостовериться в тождестве!

Когда он кончил, сами адвокаты не могли удержаться от выразительного взгляда: невозможно было отрицать тождество двух банкоматов с убийцами.

– Что вы имеете сказать? – спросил судья обвиняемых.

– Прежде всего, в чем нас обвиняют? – нахально спросил Ребен Смит, или Боб Вильсон, до сих пор молчавший.

– Потрудитесь сформулировать свои обвинения! – обратился судья к трем друзьям.

– Я обвиняю этих людей в том, что они украли у нас из палатки около двухсот фунтов золота, усыпив нас при помощи хлороформа! – сказал Леон Фортен.

– А я, – подхватил Тоби, – обвиняю их в том, что в деревне Фурш они завлекли в ловушку двух конных полисменов, убили их и сожгли вместе с домом, где совершили преступление, трупы своих жертв.

– Есть у вас доказательства? – спросил судья.

– В свое время я представлю их!

– Хорошо! Это все?

Между тем обвиняемые только улыбались, тихо переговариваясь с адвокатами, глядевшими на них с изумлением. Наконец Редон заговорил:

– Я в свою очередь обвиняю их в попытке умертвить меня около шести месяцев тому назад в Париже... в подлом убийстве ночью старика в Мезон-Лафите, в преступлениях, при разборе которых предписано было британскими властями выдать преступников французскому суду...

– А я, – опять возвысил голос Леон Фортен, – обвиняю их в дьявольских махинациях, доведших до самоубийства француза Грандье... обвиняю в том, что они выдали меня за виновника их преступлений и засадили в тюрьму!..

– Подтверждаю, что это истина! – прервал Тоби. – Я был тогда во Франции по приказанию своего начальника, инспектора Мельвиля, давшего мне поручение. Потеряв и вновь найдя след этих людей, слишком поздно к несчастью, я отплыл вместе с ними пятого мая из Бремена в Нью-Йорк на «Императоре Вильгельме». До сих пор я выслеживал их шаг за шагом...

– Но, – спросил судья, – почему же вы не арестовали их раньше?

– Потому, что английские власти не позволяют этого в случае, если преступления совершены во Франции. Кроме того, я не получал еще приказа об аресте, затребованного по телеграфу. Наконец, я не мог вмешаться, так как они еще не совершили преступления на канадской территории. Все эти условия, делаая арест законным, существуют только несколько дней.

– Это верно! – отвечал судья и прибавил, обращаясь к под-

судимым:

– Что вы имеете сказать?

– Многое, господин судья! – отвечал Жое Нортона, или Френсис Бернетт. – Прежде всего, несмотря на сходство примет, вы в заблуждении; я это сейчас докажу. Полицейский агент, обвиняющий нас, утверждает, что мы пятого мая сели в Бремене на немецкий корабль. Вот паспорт и расписание, доказывающие, что мы сели седьмого мая в Ливерпуле, на «Луканию», судно общества Кунарда. Агент был, вероятно, жертвою сходства или мистификации, так как, с другой стороны, легко доказать, что мы были в Ливерпуле между пятым и седьмым мая. Это могут под присягою подтвердить капитан, счетный агент и пассажиры «Лукании». Далее, наши обвинители утверждают, что мы убили в Фурше двух полицейских и украли на участке двести фунтов золота. Я прошу их сказать, в какой день и час совершены были оба преступления. Это можно?

– Конечно! – сказал судья. – Господа, вы слышали вопрос обвиняемого, потрудитесь отвечать!

– Убийство полисменов было совершено второго июля между четырьмя и шестью часами вечера! – сказал твердым голосом Тоби.

– Вы хорошо знаете день и час?

– Наверное!

– Что касается кражи, – сказал в свою очередь журналист, – то она была совершена четвертого июля, между один-

надцатью часами и полночью.

– Хорошо! – проговорил Жое Нортон. – Теперь мы уличим вас в клевете, злоупотреблении силою и ложном свидетельстве.

– Посмотрим!

– Господин судья, прикажите, пожалуйста, привести всех свидетелей, обыкновенно посещающих наш дом. Мы, мой товарищ и я, представим вам лист с тридцатью подписями... можете получить и еще столько же, если пожелаете!

– Значит, вы не признаете себя виновными?..

– О, мы невинны, как новорожденные младенцы!

Судья приказал отвести их в тюрьму, пока не будут допрошены свидетели, назначил полдень для аудиенции и прибавил, обращаясь к троице друзьям:

– Что касается вас, господа истцы, то потрудитесь пожаловать в этот же час!

Леон, Поль и Тоби удалились, заинтересованные и даже обеспокоенные такою уверенностью бандитов, дьявольская ловкость которых была им известна. Сыщик, наскоро оценив положение, прибавил:

– Надо ожидать всего, даже невозможного, особенно – невозможного и неправдоподобного!

И он не ошибся. На другой день тридцать наиболее почтенных граждан Доусон-Сити явились в суд. Эти граждане, честные заслуженно уважаемые, шумно болтали, курили, усердно жевали табак, спрашивая себя, зачем этот вы-

зов. Здесь были представители всех стран, особенно канадцы и янки, и несколько правительственных чиновников. К ним присоединились еще другие, так что к началу заседания суда свидетелей было не меньше сорока.

В то же время прибыли адвокаты и обвинители; последние все больше беспокоились. Затем ввели обвиняемых, и допрос свидетелей начался.

Френсис Бернетт с ироническим спокойствием сказал судье:

– Мы, мой товарищ и я, обвинены в том, что совершили убийство в деревне Фурш, 2 июля, между четырьмя и шестью часами вечера, и на другой день украли между одиннадцатью часами вечера и полночью двести фунтов золота, на участке верхнего Эльдорадо. Хорошо! Я клятвенно утверждаю, что мы не покидали своего жилища с самого приезда в Доусон, что нас никто не видел эти дни, и что, стало быть, мы не могли быть одновременно в двух местах, лежащих на расстоянии трехдневного или четырехдневного пути одно от другого. Потрудитесь допросить свидетелей!

Это заявление произвело действие взрыва и сразило троих друзей.

Первый свидетель назвал свое имя и прозвище, коснулся губами Библил и громко произнес:

– С первого июня я посещаю каждый день заведение господ Ребена Смита и Жое Нортон. Я утверждаю, что с первого июня я видел того и другого по крайней мере два раза

в течение суток.

– Не помните, видели вы их второго и четвертого июля? – спросил судья.

– Я только что сказал и повторяю – все дни без исключения!

– Хорошо! Другой свидетель!

Второй свидетель дал аналогичное показание. Он также часто бывал в заведении, в 6 часов и в полночь. Никогда Смит и Нортон не отсутствовали.

Третий, четвертый видели их каждый день, говорили с ними, пили в их компании, проигрывали деньги.

Остальные, вплоть до двадцатого, тридцатого и далее, подтвердили то же.

Ни Ребен Смит, ни Жое Нортон, обвиняемые в преступлениях, для совершения которых необходимо было несколько дней, не покидали даже на шесть часов Доусон-Сити.

Сраженные, Леон, Поль и Тоби не верили своим глазам.

Конечно, свидетели говорили правду. Но трое друзей сохраняли, несмотря на это, уверенность, которой ничто не могло поколебать. К несчастью, это загадочное явление было необъяснимо, а уверенности их было недостаточно; требовались доказательства. Между тем, бандиты, спасенные, благодаря алиби, считали себя оскорбленными. Устами своих адвокатов они выдвинули на обвинителей жалобу в преступном доносе, ложной клятве, незаконном аресте, оскорблении чести и т. д., и т. п. Обвинители стали обвиняемы-

ми! Толпа свидетелей осыпала их руганью, а судья приказал взять под арест.

Таким образом, в тот момент, когда убийцы получили свободу, жертвы были заключены в тюрьму. Но и это было еще не все. Смит и Нортон, в которых наши друзья более чем когда-либо видели Бернетта и Вильсона, потребовали вознаграждения, круглую сумму в двадцать тысяч долларов¹⁷, кроме заключения в тюрьму!

Тоби, Поль и Леон, бывшие только что героями дня, восстановили против себя общественное мнение. Глас народа, редко бывающий гласом Бога, осудил их единодушно.

Судья также осудил их, и даже жестоко, назначив каждому трехмесячное заключение в тюрьме и десять тысяч долларов¹⁸ судебных издержек в пользу Ребена Смита и Жое Нортона.

Затем судья приказал немедленно отвести виновных в тюрьму и дал только три дня на уплату денег.

Леон и Поль с твердостью приняли этот страшный удар и не произнесли ни слова, когда судебские служители пришли, чтобы отвести их в тюрьму.

Тоби же повернулся к негодьям и, взглянув им прямо в лицо, сказал на прощанье:

– Не радуйтесь слишком рано и слишком сильно! Мы еще встретимся!

¹⁷ 100 000 франков

¹⁸ 50000 франков

Часть 3. «Мать золота»

Глава I

Восход и заход солнца. – Пятиминутный день. – При 45° ниже нуля. – Ружейный выстрел. – Возвращение Жана. – Караван. – В пути. – В стране холода. – Жестокое разочарование.

– Ну, что? Сколько градусов?

– Всего только 45 ниже нуля!

– Только!? Вот это мило!

– Но что ни говори, а ты, мой милый Поль, как я вижу, не так уж болен и не такой мерзляк, как ты сам старался себя уверить. Скажи на милость, для чего ты вылез из своего мехового мешка, служащего тебе постелью?

– Все приедается, мой милый, даже сон, а я ведь проспал почти целые сутки и теперь захотел взглянуть на восход солнца. Только и лениво же оно здесь! Ну, поторопись, сонное светило, мы ждем тебя!

В ответ на это раздался звонкий, молодой смех.

Стоявшие посреди круга, образованного рядом нагруженных саней, на гладкой снежной полянке, Поль Редон и Леон Фортен оглянулись.

В десяти шагах от них стояла заиндеветшая юрта, отку-

да вышли два человека, пол и возраст которых трудно было определить. Очерченные красноватым светом багрового сияния, эти две фигуры приближались к молодым людям.

– Здравствуйте, мадемуазель Марта, не правда ли, я угадал, что это вы?

– Ну да, на этот раз угадали! – отвечала Марта Грандьё. Поль Редон и Жанна Дюшато также обменялись рукопожатиями.

– Не правда ли, мы сейчас похожи на медведей, поднявшихся на задние лапы? – засмеялась Марта.

– Редон и я, пожалуй... но вы...

– Да мы до смешного похожи на вас в этом полярном наряде, с поднятыми меховыми воротниками, доходящими до глаз, в этих шапках, надвинутых по самые брови, и в этих меховых шароварах, заменяющих юбку, – обличительный признак вашего женского достоинства; в этих синих очках, скрывающих глаза, нас, право, трудно отличить друг от друга!

– Не желаете ли вы прогуляться немного? – предложил журналист.

– Охотно! – согласилась уроженка Канады. – Но надо надеть наши лыжи. Не бойтесь, я не буду смеяться, если вам случится разок-другой растянуться на снегу с непривычки. Уменье пользоваться лыжами здесь необходимо, и я уверена, что с моей помощью вы научитесь этому очень скоро!

И обе молодые пары, надев лыжи, обошли круг, ограж-

денный санями и охраняемый надежно стражей из упряжных собак, тоже проснувшись и лениво потягивавшихся на снегу, зарывшись в который они провели всю ночь на дворе.

Такие встречи и прогулки происходят ежедневно во время восхода солнца, когда звезды постепенно бледнеют и затем исчезают, а утренние сумерки становятся все лучезарнее, и вдали выплывает из тумана безбрежная снежная равнина, окутанная идеально чистой и прозрачной атмосферой. В воздухе так тихо, что не ощущается ни малейшего дуновения ветерка. Только благодаря этому обстоятельству и можно выносить такие страшные морозы, какие бывают здесь. Но вот на краю бесконечного горизонта появляется, наконец, краешек багрово-красного круга, который затем медленно выплывает из-за снеговой линии горизонта, превращаясь в громадный малиновый диск, окрашивающий своими лучами девственно белый снег в нежно-розовый тон. Соприкасаясь нижним своим краем с линией горизонта, этот диск минуты две-три остается неподвижным, а затем постепенно начинает убывать, уходить за горизонт и наконец совершенно исчезает.

Это внезапное исчезновение дневного светила невольно производит удручающее впечатление как на людей, так и на животных, и хотя после того несколько часов длятся сумерки, но все-таки день, в астрономическом смысле этого слова, уже прошел, и до следующего восхода остается ждать ни больше ни меньше как 24 часа и пятьдесят минут.

За это время наши друзья готовили обед; сняв кое-что из верхней одежды, грелись у печки, затем опять выходили на двор кормить собак, а в промежутках между делом ежились от холода в юрте и на дворе, у печки и в постели, словом, повсюду и везде.

– Бррр! Однако не сладко зарабатывать свой насущный хлеб в этом Ледяном аду!

– Не грехи, мы получили 120 тысяч долларов за наш участок. Разве это худо? Право, нам не так уж плохо живется здесь!

– О, ты неисправимый оптимист! По-твоему, все прекрасно!

– Да, это потому, что я счастлив! – сказал Леон Фортен, кинув многозначительный взгляд на Марту, опирающуюся на его руку.

– Да, конечно! Ты счастлив... но при всем том, страшный холод, и наше счастье – дамка за нулевой отметкой. Вперед, мадемуазель Жанна, не то я чувствую, что сейчас превращусь в ледяной столб.

– Во всяком случае ваш язык еще не замерз, мосье Поль, это не подлежит сомнению! – отвечала девушка, и все трое весело рассмеялись.

– Вы называете эту страну льдов и морозов Ледяным адом, господа? Но, право, грешники в этом аду – люди веселые, хотя иные и ропщут на свою судьбу!

– Как долго нет Жана! – проговорила вдруг Марта, слегка

озабоченная его продолжительным отсутствием.

– Не беспокойся о нем, – сказала Жанна, – ведь он уже не ребенок: ему шестнадцать лет, а в этом возрасте наши молодые канадцы предпринимают в одиночку такие переходы, которые продолжаются иногда целые недели. Он, вероятно, скоро вернется!

В этот момент, как бы в подтверждение ее слов, в топких кустарниках, росших на гряде небольших холмов, тянувшихся к западу, раздался выстрел.

– Вот видите! – воскликнула Жанна. – Это его винчестер... а вон и дымок от его выстрела!

– Я решительно ничего не вижу! – произнес журналист. – И абсолютно не понимаю, как вы можете отличить выстрел из его ружья от выстрела такого же винчестера вашего бабюшки или Лестанга!

– Выстрел – это голос ружья, и каждое ружье имеет свой характерный, особый звук, который для нас, истинных охотников, различим так же, как и голоса людей! – наставительно проговорила канадка. – Что же касается отца или Лестанга, то они не могут вернуться раньше, чем через два дня, с тем индейцем, который покажет нам дорогу к Золотой горе.

– У вас решительно на все имеются ответы, и мне волей-неволей приходится замолчать! – отвечал молодой человек.

Между тем Жан на своих легких лыжах с удивительной быстротой приближался к ним. Чувствуя себя превосходно в

своём эскимосском наряде, бодрый и румяный, юный лицеист казался сильным, здоровым мужчиной в полном смысле этого слова.

– Ну, что? Как нынче охота? – спросил Леон.

– Очень удачна, – весело отозвался юноша, – я уложил двух зайцев, белых, как горностаи, и, кроме того, прелестное животное, которое по некоторым соображениям принял за вапиту¹⁹, ростом с жеребенка, с роскошными рогами. Я захватил с собой всего один окорочек, но и тот весит не менее 20 фунтов!

– Ну да, конечно, это вапиту, – подтвердила молодая канадка, – с таким трофеем можно вас поздравить: им гордятся даже самые ловкие и смелые охотники моей страны.

– Нет, право, удивительный молодчина наш юный Немврод²⁰: по двадцати часов кряду проводит в снегах, без всяких проводников, кроме небесных звезд да своего компаса, спит под открытым небом на морозе, когда и белые медведи замерзают, – и все это ему нипочем!

– Нет, мосье Поль, прошу извинить – на этот раз, я спал не под открытым небом, а в чудном гроте или, вернее, пещере с песчаной почвой, где температура даже без костра и печей весьма сносная, чтобы не сказать более. Туда я стащил, как мог, разрубленного на части топором вапиту и, завалив вход в пещеру снегом, явился сюда, чтобы захватить салазки

¹⁹ канадский олень – прим. авт.

²⁰ Фунт – русская мера веса, равная 409, 5 г.

или санки и затем отправиться туда обратно за остальным мясом, которое, судя по всему, должно быть превосходнейшего вкуса!

– О, ваше открытие, Жан, неоцененно для нас! Мы превратим вашу пещеру в склад для провианта, и если она достаточно велика, то можем даже поселиться в ней на время, пока будем разыскивать «Мать золота».

– По всей вероятности, она должна быть очень велика, так как над нею возвышается целый холм!

– А далеко это отсюда?

– Да часов семь ходьбы для привычного человека, а для нашего каравана с собаками и санями не менее полусуток!

– Ну, все равно, как только Жан обогреется и отдохнет, надо будет пуститься в путь. Если мы поселимся в этой пещере, нам будет несравненно лучше, чем под открытым небом!

– Я готов хоть сейчас! – сказал Жан.

– Нет, нет, – необходимо плотно поесть перед дорогой и собраться!

После хорошей, основательной закуски стали снимать палатку и вырывать железные скобы, служившие для ее установки; все это сложили, а также и всю домашнюю утварь и пожитки. Затем маленький караван, состоявший из пяти саней, запряженных двадцатью эскимосскими собаками, бодро тронулся в путь.

Почва почти повсюду была совершенно ровная, а плотный снег был настолько тверд, что полозья саней почти вовсе не

уходили в него, и сани легко скользили по поверхности, что значительно облегчало путь. Собаки, дружно налегая на хомуты, резво везли свои далеко не легкие саночки, люди же, все на лыжах, идя за санями, частично управляли, а иногда и подсобляли им, подталкивая сани сзади. Жанна направляла передние сани, и собаки, повинувшись ее голосу, весело бежали по направлению к востоку. Луна светила, что называется, во всю, и на снежной равнине было светло, как днем. Время от времени Жанна останавливала свои передовые сани, при этом мигом останавливались и остальные. Кто-нибудь из мужчин брал привязанную сверху к саням лопату, взрыхляя ею снег так, чтобы из него образовалась небольшая, но высокая кучка – и поезд трогался дальше. Эти возвышения, или кучки должны были служить путеводными знаками для отсутствующих, когда они вернутся к месту прежней стоянки.

Конечно, и от саней остается след на снегу, но всегда мог выпасть новый снег и замести его. Вот почему молодая девушка подсказала своим товарищам этот столь простой и столь же верный способ помочь отсутствующим узнать направление, по которому следовал маленький караван к новой стоянке.

Долгое время путь был ровный и гладкий, томительно-однообразный, но удобный; вдруг местность совершенно изменилась: со всех сторон теснились темные глыбы камней, казавшихся черными при ярком свете месяца. Руководствуясь указаниями Жана, маленький поезд спустился в небольшую

ложбинку, окруженную со всех сторон беспорядочно разбро- санными скалами и замыкаемую высоким холмом, почти го- рою, у подножья которой, точно туннель, чернел вход в пе- щеру.

– Вот она! – воскликнул Жан.

Еще минута – и все принялись дружно отрывать вход, который молодой охотник из предусмотрительности зава- лил снегом. Туша вапити была здесь, только успела уже со- вершенно окостенеть от мороза. Собак поспешно выпрягли, предоставив их самим себе, а сани выстроили полукругом перед входом; только затем наши друзья стали осматривать свое новое жилище.

Все они сильно утомились, и каждый думал прежде всего о постели. Все спешили достать из саней предметы первой необходимости и устроиться на ночлег, а Жан, вооружив- шись маленькой лампочкой, проник в глубь пещеры. Сужен- ная у входа до полутора аршин²¹, и менее сажени высотой, пещера эта представляла собою вначале подобие коридора, затем вдруг расширялась настолько, что напоминала боль- шую круглую залу, стен которой не было видно в первый мо- мент.

Здесь было настолько тепло, что стали не нужны меховые одежды. Все восторгались открытием Жана, сознавая, что впоследствии, когда входное отверстие будет завешено ка- кой-нибудь шкурой, ничего лучшего и желать не надо. По-

²¹ Сажень – русская мера длины, равная 3 аршинам (2, 13 м).

ставили печку, зажгли лампу и стали готовить чай. А в это время Леон стал сверяться со своей «буссолью для золота». Чувствительность леония к золоту и удивительная точность прибора, изобретенного молодым ученым, была такова, что ни разу с того момента, как наши путешественники вступили на золотоносную почву, игла этой буссоли ни минуты не оставалась абсолютно неподвижной. Так как золото здесь встречается почти повсюду, то игла эта постоянно отклонялась то в ту, то в другую сторону, то вниз, то вверх, указывая на присутствие драгоценного металла. Но на этот раз Леон впервые заметил, что стрелка стала совершенно неподвижно. Напрасно он наклонял и встряхивал свою буссоль, напрасно постукивал по ней ногтем – ничто не помогало. Он встревожился, уж не испортился ли этот удивительный инструмент, и, достав из маленького кожаного мешочка самородок золота величиной с орех, поднес его к своей буссоли. В таких случаях игла обычно делала быстрый поворот и следовала по направлению к самородку, но теперь она осталась неподвижна. Холодный пот выступил на лбу у молодого человека: очевидно, его леоний утратил свою удивительную способность, так как золото уже не действовало на него... Что же теперь делать?

Глава II

Фанатики золота. – Тайна индейца атна. – Отправление. – В пути. – Ожидание. – Надо воздействовать. – Первая победа. – Подвиги школьника. – Пир. – Кошмар. – Смертельная опасность.

Все золотоискатели Клондайка одержимы мечтою найти «Мать золота», ту сказочную залежь драгоценного металла, которая, по рассказам, должна содержать золота больше, чем на целый миллиард. На эту тему существует древняя легенда, известная индейцам с незапамятных времен и распространяемая теперь с особым усердием золотоискателями. Многие уже стали жертвой своего легковерия, но легенда эта по-прежнему находит все новых приверженцев и фанатиков, которые добровольно переносили самые страшные мучения и погибали, не отказавшись от своей золотой мечты.

Это – те же алхимики средних веков, ищущие философский камень: им мало богатейших россыпей золотоносного песка, мало даже и самых крупных самородков; подавай те сказочные залежи, те сплошные пласты драгоценного металла, что прозваны здесь «Матерью золота». Другое почти не трогает их и не представляет в их глазах почти никакой ценности. Это какие-то маньяки, одержимые жаждою несметных богатств. Одним из таких фанатиков был и старый Пьер Лестанг, канадский рудокоп и страстный золото-

искатель, которого всю жизнь преследовала химера «Матери золота». Между тем он был, пожалуй, единственным человеком, невероятные, упорные усилия которого могли в конце концов увенчаться успехом, так как долгие годы жил среди индейцев, самых скрытных и недоверчивых по отношению к белолицым. В конце концов ему удалось войти с ними в дружбу, но и этого еще было мало, и только в прошлом году, когда ему посчастливилось спасти жизнь одного из вождей с риском для собственной жизни, индейский вождь еще раз доказал миру, что благодарность и признательность – добродетели, присущие и краснокожим.

– Я знаю, что ты хотел бы найти «желтое железо», до которого так жадны все бледнолицые, – сказал ему однажды индеец, – и укажу тебе место, где его так же много, как простых камней, и где глыбы его так велики, как вот эти обломки скал!

Лестанг слушал его с замиранием сердца. Затем индеец дал ему понять, что эти залежи «желтого железа»²² находятся очень далеко, что доступ в те места трудный и опасный, но что человек, упорный и настойчивый в труде, смелый и отважный, в конце концов может достигнуть желаемого.

– О, это, наверное, «Мать золота»! Да! Да! Это не подлежит сомнению! – повторял Лестанг, обезумев от этой мысли.

– Знаешь, брат мой, надо идти отыскать это желтое желе-

²² Железом индейцы называют всякий металл. Железо желтое – золото; железо белое – серебро; железо серое – свинец (прим. авт.).

зо! – обратился он к краснокожему.

– Если мой брат хочет, пойдем! – просто отвечал тот.

Дело было зимою, а в том году холода доходили до 52° ниже нуля. Но это не помешало им пуститься в дальний и трудный путь. Претерпевая страшные мучения и лишения, эти отважные люди упорно шли к своей цели; однако, несмотря на все усилия, им не удалось достигнуть земли обетованной. Лишившись всего необходимого, полуживые от холода и голода, съев по дороге своих собак, даже ременную кожаную упряжку и сами шкуры собак, они вернулись к индейцам, больше похожие на живые скелеты, чем на людей, состоящих из мяса и костей.

Тогда Лестанг понял, что для достижения его цели необходимы другие средства и условия, и, расставшись со своими друзьями атнасами²³, отправился на Юкон, где нанялся в землекопы и стал копить деньги в надежде собрать необходимую сумму для снаряжения новой экспедиции, задуманной им и его другом – индейцем.

Случай столкнул его с нашей маленькой дружественной компанией франко-канадцев. Вскоре он сделался одним из членов этой тесной семьи, окружившей его вниманием, ласками и заботами, как родного, и вызвавшей в нем чувство глубочайшей признательности и безграничной преданности, которое побудило его, подобно его другу индейцу, открыть друзьям все, что он знал о «Матери золота». И все в один

²³ индейцами

голос воскликнули то же, что воскликнул и он в ответ на сообщение индейца:

– Надо идти туда, надо отыскать эти невероятные залежи золота!

Теперь, именно теперь такого рода экспедиция была своевременной. После первого блистательного успеха в стране золота и льдов наше маленькое общество испытало немало тяжелых неудач: во-первых, кража «гнезда самородков», затем ужасный случай с двумя канадцами, чуть было не стоивший им жизни, потом несправедливое и возмутительное обвинение, арест, трехмесячное тюремное заключение и штраф в 50 тысяч франков, которому подверглись Леон Фортен, Поль Редон и Тоби. Когда же им вернули свободу, и пострадавшие во время катастрофы совершенно оправдились, уже пришла зима, холодная, упорная, суровая.

Правда, это самая благоприятная пора для разведки, но, не говоря уже о том, что наше маленькое франко-канадское общество было не особенно склонно к этого рода работе, громадное большинство золотоискателей, англо-саксонцев или космополитов, смотрело на них косо и недоверчиво после их пребывания в тюрьме. Из-за подлых интриг тех двух господ, в которых наши друзья по-прежнему упорно продолжали видеть Боба Вильсона и Френсиса Бернетта, общественное мнение с каждым днем все более и более выступало против них. Им не хотели сдавать в наем ни одной, даже самой жалкой лачуги под жилье, никто не соглашался на-

няться даже и за большие деньги работать на их участке, при случае они наталкивались даже на публичные оскорбления. Все это заставило их понять, что дальнейшее пребывание в Доусон-Сити для них невозможно, и они решили пустить в продажу свой великолепный участок на прииске. За него они получили 120 тысяч долларов чистоганом, хотя эта концессия стоила вчетверо больше. И вот ничем не связанные более, они решились невзирая на все ужасы «ледяного ада» отправиться на розыски «Матери золота». Поспешно снарядили экспедицию, сделали громадные запасы провианта, необходимой одежды, динамита, орудий и оружия, снарядов и керосина, предназначенного и для обогрева и для освещения. Все это было размещено на шести санях таким образом, чтобы на каждые из них приходилось по одной шестой доле всего, что везли с собой наши отважные золотоискатели. Такого рода мера являлась крайне разумной на случай гибели или пропажи одних или даже нескольких саней.

Пять сильных, здоровых и привычных к этому делу упряжных собак должны были везти каждые сани, чтобы сберечь их силы, столь необходимые для успеха всякой полярной экспедиции, Лестанг предложил, чтобы по крайней мере первую часть пути собаки были заменены лошадьми. С этой целью ему удалось нанять, правда за неслыханно высокую плату, достаточное количество лошадей, на которых решено было везти всю кладь на расстояние 80 миль, от Доусон-Сити к востоку.

Маленький караван двинулся через проток Юкона по льду толщиной в 12 вершков; лошади везли кладь, а сами участники экспедиции шли пешком, почти по колено в снегу.

За шесть дней они успели пройти намеченные 80 миль, затем лошади и их проводники вернулись обратно в Досон-Сити, а наши друзья теперь рассчитывали на свои собственные силы. План старого Лестанга, единогласно избранного начальником экспедиции, заключался в том, чтобы прежде всего достигнуть со всем караваном того места, до которого они в предыдущем году дошли с индейцем; затем, выбрав подходящее место для более продолжительного пребывания и оставив там весь караван и все маленькое общество, вдвоем с Дюшато отправиться в индейскую деревню за старым другом, индейцем атна. Когда оба канадца и индеец вернутся, все маленькое общество двинется дальше под предводительством последнего к тому таинственному месту, где, согласно легенде, находится золотая житница Юкона, та «Матерь золота», о которой так страстно мечтают все золотоискатели.

Теперь уже вся первая половина программы была выполнена, и молодые люди вместе со своими мужественными спутницами ожидали только возвращения двух канадцев с индейцем атна. Прошло более двух недель с тех пор, как Лестанг и Дюшато ушли, а остальные вели однообразную жизнь среди снеговой равнины в своих палатках.

Чтобы избежать малоподвижной жизни, столь пагубной

во всех полярных экспедициях, наши молодые люди ежедневно посвящали несколько часов прогулкам на вольном воздухе.

Леон и Марта совершали длинные прогулки, при сорока пяти градусах мороза, беседуя о прошлом и строя планы на будущее. Что же касается журналиста, то он сначала предпочитал оставаться в палатке, греясь у печки и стойко выдерживая все нападки товарищей, пытавшихся заставить и его посвящать какое-то время движению на воздухе. Только упорство Жанны в конце концов взяло верх.

Это была первая победа молодой уроженки Канады над этим парижским зябликом, этим, на первый взгляд, слабачком, и девушка в душе очень гордилась ею. Ей удалось заставить его выходить ежедневно хоть на полчаса, и с этого времени здоровье его стало заметно улучшаться. Он понемногу стал привыкать к морозу и хотя иногда снова впадал в свой прежний грех, кутался в меха и грелся у печки, но все же находил в себе силы бороться с этой привычкой и побеждать ее, как того и хотела Жанна.

Напротив, Жан Грандьё превосходно приспособился ко всем ужасам «ледяного ада» и чувствовал себя в этой насквозь промерзшей стране, как в родной стихии. Смелый и отважный, полный сил и здоровья, он не пугался никакой стужи, никакой непогоды, охотился целыми днями и почти никогда не возвращался без добычи. Этот шестнадцатилетний мальчик, не задумываясь, шел на медведя, на вапити,

на карибу и большого северного оленя, который, даже раненный на смерть, обыкновенно кидается на охотника и одним ударом рогов пропарывает ему живот. Презируя всякую опасность, юноша уходил один, в сопровождении только своего верного ньюфаундленда Портоса, который также чувствовал себя прекрасно в этой стране морозов и снегов.

Во время одной из прогулок юноше и удалось, как мы знаем, найти пещеру, где теперь все маленькое общество могло поселиться с не меньшими удобствами, чем в любом, даже лучшем из местных жилищ. Здесь им не грозила никакая опасность ни от мороза, ни от диких зверей, ни от людей. При более основательном осмотре оказалось, что уже на небольшом расстоянии от входа температура была не ниже -3° , а немного подальше вглубь термометр стоял на нуле, тогда как в палатке, несмотря на раскаленную печь, температура никогда не подымалась выше -15° .

Пещера эта уходила очень далеко вглубь и разветвлялась в разные стороны в виде гусиной лапы тремя узкими коридорами.

Наши друзья не дали себе труда осмотреть эти коридоры, не имея в них никакой надобности, а разместились в средней круглой зале, достаточно вместительной и просторной. Собаки устроились у входа на мягком песке и тут же принялись пожирать отбросы и остатки от убитого Жаном вапити. Между тем хозяева их принялись с особым наслаждением жарить на вертеле, приспособленном к печке, сочный окорок

этой дичи. Вкусный запах жареного мяса распространился по пещере, проникая и во все темные коридоры. После долгой, веселой беседы золотоискатели с особым удовольствием предались сну.

Только одна маленькая лампочка, наполненная керосином и надетая на высокую бамбуковую трость, освещала эту общую спальню, разделенную надвое занавеской из полотнищ той же палатки.

Все мирно спали в продолжение нескольких часов. Вдруг Поль Редон, спавший в глубине пещеры, внезапно пробудился от жуткого кошмара. Какая-то страшная тяжесть налегла ему на грудь и сдавила его. Он чувствовал, как кто-то перекачивает его с боку на бок и топнет ногами, хотел закричать и не мог. В висках у него застучало, сердце усиленно забилось, наконец он сделал страшное усилие и открыл глаза.

Невероятное зрелище представилось ему при свете маленькой лампочки и вызвало из груди страшный хрип: его кошмар оказался действительностью; дикая, смертельная опасность грозила ему и всем его друзьям.

Глава III

Серый медведь. – Прерванный сон. – Выстрел. – Жан и Леон. – Редон неподвижен. – Героиня. – Самообладание. – Свойство керосина. – Необычайная смерть гризли.

Без сомнения, это был серый медведь, или гризли – страшное, самое громадное, самое сильное и свирепое животное из всех диких обитателей дремучих лесов Нового Света. Несмотря на свои колоссальные размеры, он проворен и ловок, как пантера, сильнее, чем бизон, и всегда пребывает в ярости, всегда готов с остервенением накинуться на любое препятствие и всюду оставляет за собою смерть и разрушение. Средней величины гризли имеет в длину сажень и двенадцать вершков и весит около 40 пудов, притом отличается необычайной живучестью. Были примеры, что пробитый несколькими пулями медведь, из которого кровь лилась, как вино из бочки, нагонял коня, пущенного вскачь, ударом своей могучей лапы переламывал ему хребет, сбрасывал всадника и, растоптав его ногами, раздирали в клочья и коня, и человека.

Облаченный почти непроницаемой броней из мускулов, жира и толстой, плотной шкуры, он почти неуязвим; не только холодное оружие, но даже пули редко могут достигнуть главных жизненных органов этого огромного зверя. Чтобы уложить его, пуля должна пройти ему в глаз, в ухо или прямо

в сердце.

Вот почему ожерелье из когтей серого медведя считается самым славным и драгоценным украшением у индейского воина, как явное доказательство несомненного мужества, ловкости и силы. К счастью, эти дикие звери встречаются редко, но зато там, где они появляются, они наводят ужас на целую округу.

Благодаря трагической случайности пещера, открытая Жаном, оказалась берлогой пары таких страшных зверей. Находясь в состоянии полуспячки, эти медведи, вероятно, недавно поселились в одном из темных ходов, выходящих в среднюю круглую залу пещеры. Зимняя спячка у некоторых медведей довольно слабая, и они очень легко пробуждаются от нее, а под влиянием приятной теплоты, распространяемой печкой, и вкусного запаха жареного мяса и совсем проснулись. Кроме того, быть может, гризли, отличающиеся вообще чрезвычайно тонким обонянием, почувяли и присутствие человека. Так как они весьма лакомы до человеческого мяса, то не мудрено, что один из них, пробудившись и руководствуясь присущим ему инстинктом, отправился прямо туда, где наши друзья так безмятежно расположились на ночлег.

В первый момент этот обитатель полярных стран остановился, удивленный зрелищем стольких непривычных ему предметов, новой и дикой для него обстановки, видом лежащих на земле неподвижных фигур. Поднявшись на задние лапы, медведь как будто размышлял; нечто похожее на звер-

скую усмешку исказило на мгновение его громадную пасть. Но любопытство взяло верх, и он стал оглядывать все. Вот, опустившись на все четыре лапы, страшный зверь осторожно подкрался к ближайшему от него меховому мешку, где лежал укутанный в меха Поль Редон.

– Медведь! Медведь! Помогите! – закричал не своим голосом несчастный, как только успел прийти в себя.

Одним прыжком Леон выскочил из своего мешка и стал озираться кругом, отыскивая оружие. Жан сделал то же. Крик ужаса невольно вырвался у них при виде смертельной опасности, грозившей их другу.

От этого крика пробудились и обе девушки. Не понимая, что случилось, они растерянно засуетились, опрокидывая кое-какие вещи на своем пути, и произведенный ими переполох смутил на мгновение нежданного гостя. Тем временем Жан схватил свое ружье, а у Леона очутился в руках нож; между тем зверь при виде врагов с яростным ревом встал на задние лапы.

– Не стреляйте! – крикнула Жанна, к которой вернулось все ее обычное самообладание.

Но было поздно. Раздался выстрел – и густое облако дыма застлало на минуту все кругом. Жанна подкрутила лампу как можно ярче, чтобы борющиеся не поранили друг друга. Выстрел раздробил зверю челюсть, но это только сделало его еще более опасным. Он конвульсивно замотал головою, дикий рев огласил пещеру, кровь ручьем полилась из страшной

раны, но чудовище продолжало стоять на задних лапах и как будто топтало что-то ногами.

Боже правый! Да ведь это Леон, кинувшийся с ножом на медведя, Леон, который одной рукой вцепился в косматую шерсть зверя, а другой наносил ему бешеные удары ножом в грудную полость и живот! Сам того не подозревая, отважный молодой человек повторил в данном случае прием индейцев-охотников, решающихся вступить в рукопашный бой с могучим гризли. Помертвев от страха, бледная, как саван, Марта, полагая, что Леон безвозвратно погиб, отчаянно протянула к нему руки и с душераздирающим воплем грохнулась навзничь, лишившись чувств. Жанна подхватила ее, брызнула ей в лицо водой, не успевшей еще замерзнуть после ужина, и стала тереть виски, с замиранием сердца следя за ходом борьбы. Вдруг среди наступившей минуты затишья, когда слышалось лишь тяжелое дыхание борющихся, раздался прерывающийся сдавленный голос:

– Черт возьми, господа! Я никак не могу выбраться из своего мешка... Пощадите, вы совсем растоптали меня, превратив в поле битвы!

Это был голос Поля Редона, принужденного лежать неподвижно, в полном бездействии, так как он не мог шевельнуться, не только что подняться: гигантский медведь и оба борца топтали его ногами. Все это сразу стало ясно его товарищам. Жан сделал второй выстрел; на этот раз пуля снесла половину морды и глаз, но все-таки не проникла в мозг, и

потому чудовище все еще осталось на ногах, хотя, по-видимому, уже не надолго.

Тогда, почти задыхаясь под тяжестью громадного зверя, Леон всадил нож по самую рукоятку в живот медведя. Зверь разжал свои лапы, пошатнулся и опрокинулся навзничь. Все было кончено. Опасность миновала; теперь можно было свободно вздохнуть. Жан, бросив ружье, поспешил на помощь Леону, пытавшемуся выволить Поля Редона, наполовину раздавленного тяжестью топтавшего его медведя. Вдруг из глубины пещеры появился другой медведь, еще больших размеров. Одним прыжком свирепое животное бросилось на золотоискателей – и вся пещера огласилась невероятным ревом. Трое мужчин, которым все еще приходилось бороться с издыхающим врагом, не могли прийти на помощь двум бедным девушкам, а на них-то и шел теперь второй медведь. При виде грозящей ей неминуемой гибели Марта, непривычная к такого рода ужасам, снова лишилась чувств. Жанна же, более сильная, находчивая и энергичная, не найдя под рукою оружия и видя опасность, схватила висевшую над печкой салфетку, смочила ее керосином. Затем, обмотав ею бамбуковую палку с железным отверстием, служившую для установки палаток и валявшуюся теперь без употребления, воспользовалась моментом, когда косматый зверь с громким рычанием, широко раскрыв пасть, двинулся на Марту, всунула ему в пасть по самую глотку этот импровизированный горящий фитиль, который она успела зажечь от лампочки.

Смоченная горючим веществом салфетка мигом воспламенилась и, подобно факелу, внезапно озарила всю внутренность пещеры. Смущенный в первый момент видом столь высокого пламени медведь на минуту приостановился, но затем расшвирился еще сильнее. Тогда мужественная девушка, собрав все свои силы, стала толкать шест как можно глубже. Мгновенно шерсть на морде зверя опалилась, язык, небо, гортань и бронхи, в которые проникло горючее вещество, столь сильно воспламеняющееся, что горит даже в воде, – все было охвачено огнем, опалено и сожжено. Несчастное животное опрокинулось, забарахталось, сжимая передними лапами обгорелую морду, затем началась ужасная, мучительная агония, длившаяся, впрочем, всего несколько минут, после чего страшное чудовище затихло.

Между тем и Леон и Жан, опрокинутые медведем при падении, оглушенные ревом, силившиеся выбиться из железных когтей зверя, подавленные его непомерной тяжестью, почти не заметили появления второго медведя и не видели того, что здесь произошло. Марта в нескольких словах рассказала о подвиге своей подруги, рассказ был встречен всеобщим восторгом.

– В минуту опасности всякий делает что может и что знает! – скромно отвечала героиня в ответ на общие поздравления.

– Да, – сказал Редон, – я служил только подмостками для трагической сцены, в которой вы, господа, были героями и

героинями!

– Тут добрых 75 пудов мяса и пара славных шкур на одеяла, постели или плащи, каждому по желанию! – заметил Жан, задумчиво следя за последними конвульсиями двух гризли.

– Эти чудовища не менее ужасны, чем пресловутая «Красная звезда»!

Леон невольно содрогнулся при упоминании этого названия, из-за которого он столько выстрадал и столько пережил.

– Впрочем, что вспоминать об этих негодях теперь, когда они нашли в Доусоне свою «Мать золота»; у них вероятно, нет никакой охоты преследовать нас еще и здесь! – закончил Поль Редон.

Леон задумчиво покачал головой, промолвив:

– Как знать!

Глава IV

Возвращение. – Канадцы и краснокожий. – Ожерелье вождя. – Неутомимые. – В пути. – Стрелка вновь вращается. – Сомнения. – Кто прав? – «Здесь!» – сказал индеец.

Четыре дня или, вернее, четыре ночи, длившиеся каждая 23 часа и 55 минут, прошли с тех пор, как новые обитатели медвежьей пещеры поселились в ней. Людям, рожденным в более средних широтах, очень трудно бывает привыкать к этому надоедливому мраку полярных стран во время зимовок. Мерцающие звезды, лучезарные сумерки и пламенеющие северные сияния – все это вносит лишь кратковременное появление света при сплошном мраке полярных зим, таких тягостных для человеческих нервов. Нетрудно себе представить, как после бесконечных летних дней эта постоянная темень, в которой люди двигаются, как тени, в тумане испарений в морозном воздухе, среди снежной равнины, заглушающей шум шагов и всякий другой живой звук, удручающе действует и на самых стойких. Кажется, что и дух, и тело начинают погружаться в спячку, и единственным, хотя и весьма однообразным развлечением остается восход и невероятно быстрый закат солнца. Но и это развлечение вот-вот должно было прекратиться, так как солнце, подымавшееся все меньше и меньше над горизонтом, вскоре должно было окончательно уйти за линию горизонта.

Прошло уже четверо суток со дня нападения гризли, шкуры которых были содраны и превращены в покрывала, а мясо разрублено на части, заморожено и спрятано в одной из боковых галерей, превращенных в кладовые.

Наступила ночь. Обитатели медвежьей пещеры спали. Зато вблизи пещеры слышались человеческие голоса, собаки глухо рычали, проворные тени сновали у входа в пещеру в облаке беловатого тумана. Наши друзья вышли на этот шум, – и у них вырвались шумные крики радости.

– Отец! Это вы, да? – воскликнула Жанна.

– Да, да, дитя мое!

– Ну, все благополучно? Никаких бед?

– Все как по маслу! – отвечал Лестанг.

Собаки вновь прибывших путников тоже братались с остальными собаками, только один Портос продолжал рычать: с двумя возвратившимися канадцами был еще третий, и Портос не мог успокоиться в присутствии незнакомца.

– Молчи, Портос! – крикнул на него Жан. – А вас, друзья, прошу пожаловать в наш дом! – добавил он, указывая рукою на внутренность пещеры, ярко освещенной двумя лампочками в честь прибывших.

Почти окоченев от холода, трое путников прежде всего отпрягли своих собак и прибрали сани, в чем им помогли и остальные, затем уже осторожно направились внутрь пещеры, чтобы не задохнуться от внезапного перехода к теплу после пятидесятиградусного мороза. Очувтившись в круглой

зале пещеры, где весело топилась печь, они сбросили с себя свой меховой наряд и ощутили невыразимое чувство блаженства и покоя после всех трудностей своего пути.

– А вот и грог готов! Как мы рады, что вы вернулись, и что все обошлось благополучно!

– Грог – дело доброе, – произнес Лестанг, – но всему свое время. Позвольте мне прежде всего познакомить вас с моим другом Серым Медведем, которому известна тайна местонахождения «Матери золота», тайна, которою он готов поделиться с нами!

– Ах, так его зовут Серый Медведь! Какое странное совпадение! – воскликнул журналист, кидая испытующий взгляд на вновь прибывшего, типичнейшего представителя краснокожей расы, с горбоносым профилем с древнеримских медалей и монет, с железными мускулами, телом, точно вылитым из бронзы, с глазами черными как уголь и блестящими как алмаз. Одет он был в простую охотничью блузу, индейские штаны с кисточками и мокасины, а на плечах носил шерстяной плащ, заколотый спереди длинной косточкой.

– Да... этот человек не мерзляк, – подумал про себя Редон, – в такой мороз и так налегке! – При этом он заметил на шее индейца любопытное ожерелье из медвежьих когтей.

– Это ожерелье вождя! По нему узнают человека отважного, героя! – пояснил Лестанг, давно уже знакомый с нравами и обычаями краснокожих, в среде которых ему много приходилось вращаться.

– А, ведь и мы, Лестанг, герои и героини: мы здесь убили двух серых медведей! – произнес один из молодых людей.

Девушки в это время разносили кипящий грог. Индеец, постоянно живший среди канадских охотников, научился понимать по-французски.

– Ах! – воскликнул он. – Брат мой убил двух гризли? Брат мой – великий вождь!

– О, восторг! Он говорит языком героев Купера и Эмара²⁴! – воскликнул журналист. – Нет, уважаемый краснокожий, не мне хвастать этим славным подвигом, а вот этой молодой девушке, мадемуазель Дюшато, и моему товарищу Леону Фортену, отважному галлу, воину, ученому знахарю, да вот еще этому юноше! – указал он на Жана. – Настоящий прирожденный траппер и вольный охотник!

Заинтересованный индеец попросил подробно рассказать ему все, как было. Леон тотчас же согласился удовлетворить его любопытство, и старый вождь почувствовал невольное сердечное влечение к этим бледнолицым, совершившим тот же подвиг, каким сам он снискал себе славу и звание великого вождя.

Затем мало-помалу разговор перешел к вопросу, наиболее занимавшему всех, то есть к вопросу о золоте. Под влиянием общего дружеского настроения, единодушного сердечного приема и ласки, какие встретил здесь угрюмый красно-

²⁴ Эмар (1818–1883) – французский писатель. Автор приключенческих рассказов, главным образом о жизни индейских племен золотоискателей.

кожий, он стал и сам дружелюбней и общительней и рассказал, что «желтого железа» там, куда он хочет их свести, много-много.

– Так много, что вот настолько от земли! – говорил он, показывая рукою на добрые три четверти аршина от земли. – Тянется оно далеко-далеко! – И он принялся шагать большими шагами по пещере, приговаривая: «Вот столько и еще больше, еще больше!...»

Очевидно, индеец говорил о целом пласте золота таких колоссальных размеров, что это превосходило всякие предположения.

– Нет сомнения, что это и есть сама «Мать золота»! – воскликнул Лестанг.

– Да, да! – произнес Редон: – И это все будет наше, и золото, и его мамаша!

– Надо посмотреть, так ли это? – заметил вполголоса Леон. – Во всяком случае такие пласты золота – нечто невероятное, но если моя стрелка оживет, и к ней вернется ее прежняя чувствительность, то мне весьма любопытно знать, на каком расстоянии леоний укажет нам присутствие золота на этой золотой равнине!

– Скажите, краснокожий брат мой, далеко ли отсюда это золото? – спросил он вождя.

– На расстоянии приблизительно восьми дней пути.

– Да, но каких дней? Как теперь, в пять минут солнца и света и три часа сумерек или же летних дней, когда солнце

стоит полные 24 часа над горизонтом?

– Не слишком длинных и не слишком коротких дней! – серьезно отвечал индеец.

– Ну если так, отправимся теперь же! – произнес журналист. – Впрочем, вы, может быть, утомились с дороги?

Индеец рассмеялся, как будто Редон высказал какое-нибудь по-детски забавное и совершенно невероятное предположение.

– Утомился? Я не знаю, что значит это слово, хотя и понимаю, что другие так называют! – сказал он. – Я готов сию же минуту идти, куда надо!

– Тогда, отдохнув часов десять, мы тронемся в путь. На этом и порешим!

Путешествие должно было продолжаться всего каких-нибудь 20 дней, потому решено было часть багажа и запасов оставить в пещере, где их зарыли в мелкий сыпучий песок, представлявший собою почву пещеры. Затем, облачившись в костюмы эскимосов, наши друзья стали припрягать собак к санкам и, когда все было готово, весело пустились в путь, рассчитывая недели через три, в крайнем случае через месяц, вернуться сюда и провести в медвежьей пещере всю остальную часть зимы. Поезд тронулся бодро и весело по твердому, хрустящему снегу. Мороз был настолько силен, что несмотря на меха и усиленное движение казалось, что кровь стынет в жилах и дыхание спирает в груди.

– Пятьдесят градусов ниже нуля! – пробормотал журна-

лист, взглянув на маленький термометр, прикрепленный к первым саням.

– Да что вы смотрите на эту мерилку мороза! Смотрите лучше на индейца: глядя на него, не поверишь в мороз! – проговорил Лестанг.

Действительно, Серый Медведь, – так звали индейца, – проделывал довольно своеобразную гимнастику. Отойдя немного в сторону, вероятно, из чувства стыдливости, он разделся донага и стал кататься в снегу, кувыркаясь, подскакивая и ныряя с удивительным проворством; и это на морозе, от которого трескаются камни, лопаются и распадаются на щепки громадные деревья. Поль Редон смотрел и буквально не верил своим глазам, а между тем Серый Медведь, вдоволь набарахтавшись и накувыркавшись, проворно надел свой несложный наряд, накинул на плечи плащ и, бодрый и веселый, присоединился к остальным.

– Ну, что? – спросил его Редон.

– Даже жарко теперь! – отвечал индеец.

Путешественники стали немного согреваться от напряжения и быстрой ходьбы, но очень, очень мало. Малейшее прикосновение к чему-либо металлическому производило страшный, болезненный ожог на таком морозе. Это испытал на себе Леон: вечно озабоченный своей буссолью, он вздумал взглянуть на нее, чтобы еще раз убедиться, окончательно ли она перестала действовать. Сняв на мгновение перчатку, он достал буссоль из внутреннего кармана своей меховой

куртки, рассчитывая, что мороз не сразу успеет остудить ее металлическую оправу настолько, чтобы она могла примерзнуть к его пальцам. Но, увы! Прежде, чем он успел что-либо сделать, он уже ощутил страшный ожог пальцев, и кожа пристала так крепко к металлу, что пришлось ее отодрать от пальцев. Несмотря на сильную боль, Леон поспешно натянул перчатку и все же продолжал свои наблюдения.

Теперь стрелка вращалась и дрожала, но все-таки упорно останавливалась на одном и том же месте, – и странное дело, – указывала отнюдь не то направление, по которому двигался маленький караван, а смотрела именно в сторону медвежьей пещеры, покинутой нашими путешественниками шесть часов тому назад.

Удивленный до крайности этим обстоятельством, Леон положил буссоль обратно в свой карманчик и долго оставался задумчивым и молчаливым.

– Куда ведет их этот индеец, который, по-видимому, совершенно уверен в себе? Следует ли так слепо доверяться ему? Уж не хочет ли он завести их в какие-нибудь дебри, чтобы завладеть их санями и упряжками, несравненно более драгоценными для него, чем самые громадные глыбы золота? – невольно приходило ему в голову. – Кому верить, индейцу или его непогрешимой до сих пор буссоли?

Наконец, Леон пришел к тому заключению, что буссоль после необъяснимого, странного повреждения там, в медвежьей пещере, хотя и стала снова действовать, но уже в обрат-

ном смысле, как это бывает иногда и с магнитной стрелкой после сильной бури и грозы.

Усталые и обессиленные трудным и длинным переходом, наши путники сделали привал под защитой снежной стены, нанесенной недавним бураном. Голодные, главное, мучимые жаждой, они с томительным нетерпением ждали горячего грога, который готовили на маленькой печке, нагреваемой тем же керосином. Жажда, еще более мучительная, чем та, какую страдают путники в песчаных пустынях, здесь, в белоснежных пустынях, тем более ужасна, что искушение утолить ее горстью снега появляется на каждом шагу. Но стоит только поддасться этому искушению, чтобы минутное облегчение превратилось в настоящую нестерпимую пытку: вся внутренность начинает гореть, слюна пересыхает, язык прилипает к гортани, словом, человек начинает испытывать такие мучения, какие не поддаются никакому описанию.

Наши друзья, зная это, не поддавались искушению и с нетерпением дожидались грога. Кроме того, им предстояла еще мучительная работа откупорить жестянки с консервами или сварить «сушеный картофель».

От печки в шатре установилась приятная для наших путников температура, всего -10° . Расположившись на своих меховых мешках, служивших им и постелями, и коврами, по-татарски подогнув ноги под себя, они с особым удовольствием принялись за скромный ужин. Разговор не клеился: все были измучены и устали; печку зарядили на 24 ча-

са и затем каждый, зарывшись в свой тройной меховой мешок-постель, постарался заснуть. Индеец же, которому была не по душе атмосфера шатра с запахом керосина, приютился под открытым небом между собаками, сбившимися в кучу, и только по настоянию друзей согласился укрыться медвежьей шкурой. И то ему было жарко, и он время от времени вставал, чтобы освежиться, и затем снова ложился на прежнее место.

После восьмичасового сна краснокожий разбудил канадцев, и те принялись за стряпню; затем мало-помалу пробудились и остальные. Жан, босой, без перчаток и с непокрытой головой, вышел из шатра.

– Куда ты, Жан? – встревоженно спросила его сестра.

– Иду снегом умыться! Это здорово: сразу нагреешься, лучше чем у печки! – ответил он и, действительно, спустя немного времени возвратился в шатер бодрый, веселый и румяный, так что остальным было просто завидно смотреть на него. Индеец глядел на него с восхищением и, подойдя к нему, крепко пожал руки. Все принялись завтракать, с утра у всех на душе было легко, и ели с охотой, особенно Поль Редон. Леон, заметив это, сказал:

– Здесь ты не можешь пожаловаться на отсутствие аппетита!

– Да, моя диспепсия, от которой я столько лечился, глотая пилюли и всякие другие лекарства, излечилась пятидесятиградусным морозом! В Париже год-другой, и меня пришлось

бы, наверное, тащить на кладбище, а между тем здесь я становлюсь настоящим обжорой! Жаль только, что это лечение такое нелегкое!

Все рассмеялись.

– Ну, пора в путь! – И санный поезд с провожатыми на легких, больших лыжах тронулся в том же порядке, как и накануне.

Дни шли за днями без малейшего разнообразия; все та же беспредельная снеговая равнина, те же привалы, те же ночлеги под открытым небом, те же утомительные переходы и тот же мороз. Прошло три, четыре, пять дней; люди шли вперед, все дальше и дальше, как автоматы, почти не сознавая своей усталости, но с каким-то ноющим чувством томления, шли потому, что остановиться было нельзя и невозможно идти обратно, потому, что самый организм их требовал движения, потому, что надо было бороться со стужей, проникающей повсюду. Несмотря на это, Леон еще раз справился со своей буссолью, и стрелка ее опять показала направление обратное тому, по какому они следовали, то есть направление на медвежью пещеру.

Прошло еще два дня. Путь становился все труднее и труднее; вместо снежной равнины нашим путешественникам приходилось теперь идти какою-то изрытой холмистой местностью, напоминавшей взбаламученное море с внезапно оледеневшими волнами. Затем пришлось подниматься в гору; наши друзья стали уже падать духом, но индеец под-

держивал их бодрость.

– Еще, братья, немного терпения – и мы будем у цели! – говорил он.

Наконец путешественники пришли к такому месту, где уже не было никакой возможности идти дальше. Тут вдруг все небо зарделось великолепнейшим северным сиянием. Окрестность озарилась чудным пурпурным заревом, придававшим всему окружающему и всем предметам какие-то фантастические размеры и очертания.

Тогда краснокожий, вытянувшись во весь свой богатырский рост, указал величественным жестом на откос скалы, залитый отблеском красноватого сияния и имевший металлический блеск, и воскликнул:

– Бледнолицые братья, я сдержал свое слово! Вот желтое железо!

– Здесь светло, как днем. Очевидно, эти роскошные бенгальские огни предназначены для того, чтобы осветить наше торжество! – произнес журналист.

– О-о! Так это «Мать золота»! – воскликнул Дюшато громовым голосом.

– Тот кошель с золотом, который я искал в продолжение целых двадцати лет! – бормотал Лестанг. Что касается Леона, то он, вопреки всем, думал только о своей буссоли и своей леониевой стрелке, упорно направленной и теперь в сторону медвежьей пещеры, и вместо крика радости, торжества, с губ его сорвалось слово сомнения: – Как знать?!

Глава V

Золотой бред. – Вожделения. – Взрыв динамита. – Недоумение. – Разочарование. – Медь. – Легенда об Эльдorado. – Вознаграждение. – Возвращение. – По пути к медвежьей пещере.

Какое-то безумие, какой-то золотой бред мгновенно охватил всех при вести об открытии «Матери золота»; только бесстрастный индеец, не знавший цены золота, и рассудительный ученый Леон Фортен не разделяли общего восторга. Между тем благородный металл действительно был здесь в изобилии, виднеясь всюду толстыми пластами среди каменных глыб.

Индеец был прав: передними была настоящая, феноменальная залежь чистого золота, сплошной слиток, представлявший собой целый пласт на высоте полутора сажен от земли.

Лестанг с неопишуемым восторгом простер руки, воскликнув:

– Вот именно так я и представлял себе эту «Мать золота»! Да! Сразу видно, что здесь золота на многие миллионы.

Дюшато тоже обезумел.

– Жанна, дитя мое, – кричал он в восторге, – теперь мы с тобой богачи! Теперь мы будем счастливы и можем делать много добра!..

Жан на радостях дал несколько выстрелов в воздух, а Редон громко воскликнул:

– Да здравствуют морозы и мы... и все, и все!.. Ура!

– Все они обезумели, их хоть веревкой вяжи! – шепнул Леон Марте.

– А вас, друг мой, это нисколько не волнует?

– Нет, я даже сам себе удивляюсь, или, быть может, вид этих маньяков, изображающих в данный момент что-то очень похожее на пляску медведей, так расхолаживает меня, только я не испытываю ни малейшего волнения при виде этих сказочных богатств!

Между тем проводник, открывший людям это сказочное богатство, безучастно смотрел на все, происходившее вокруг него, небрежно прислонившись к откосу скалы.

После первых минут дикого восторга, доходившего до безумия, разум начал входить в свои права, и Дюшато первый заявил, что необходимо придумать какое-нибудь средство добыть хоть часть этого золота.

– Добыть! Но как? Никакие металлические орудия не возьмут этот кварц – все наши усилия будут тщетны! – вздыхал Лестанг.

– Несколько зарядов динамита сделают свое дело за несколько минут! – утешил его Леон.

– Да, правда! Динамит мигом поможет нашему горю!

Действительно, в ледяных равнинах Клондайка, где рабочие руки так дороги и работа так страшно тяжела, горящие

нетерпением золотоискатели постоянно прибегают к помощи динамита, запас которого имелся под рукою и у наших друзей. Они заблаговременно позаботились захватить его с собою, но оказалось, что динамитные шашки совершенно замерзли. Тогда Дюшато, Поль, Леон, Жан и Лестанг взяли по снаряду и спрятали каждый свой снаряд под одежду, чтобы дать ему оттаять. Затем старый Лестанг и Леон стали отыскивать в скале трещину или щель, куда бы можно было заложить шашку. Случай помог им, а через полчаса снаряды уже достаточно оттаяли от соприкосновения с человеческим телом. Немедленно принялись за дело. Пока Леон с помощью Лестанга подготавливал взрыв, другие отводили подальше сани и собак. Наконец, когда все было готово, Леон подошел к фитилям с дымящимся трупом, спокойно зажег их и потом сам отошел в сторону. Прошло минуты четыре. Вдруг послышалось что-то похожее на глухой подземный удар, затем последовало непродолжительное землетрясение, земля как будто дрогнула под своим снежным покровом, и высокий белый столб дыма поднялся к небу. После этого раздалось еще несколько глухих раскатов, наконец, целый град обломков взлетел в воздух и посыпался во все стороны, как при извержении вулкана. Собаки страшно взвыли и пустились бежать; люди же, точно повинувшись могучему инстинкту, ринулись вперед к месту взрыва. Часть отвесной скалы оказалась взорванной, и ее черные, еще дымившиеся обломки валялись всюду, на расстоянии пятнадцати сажен. Часть ме-

таллического пласта также отделилась, и обнаженный разрез выступил ярко-желтой, блестящей полосой на темном фоне скалы. Индеец не мог надивиться тому, что только что видел: взрыв представлялся ему невероятным, сверхъестественным колдовством.

Все устремились к громадной глыбе металла, весом не менее двадцати пудов, и прежний безумный восторг был уже готов снова охватить их, но несколько недоверчивых слов Леона и его скептическое отношение к этому сказочному богатству невольно остановили этот новый порыв. Нагнувшись и подняв с земли осколок величиною с крупный орех, он с минуту внимательно рассматривал его, затем проговорил как бы про себя: «Дурной цвет и скверный вид!»

Все сердца ускоренно забились, дыхание стеснилось в гортани, все подвинулось ближе к нему. Между тем он, сильно потеряв кусок металла о свою меховую куртку, затем поднеся его к носу, продолжал: «Скверный запах!»

– Что вы хотите этим сказать?.. – спросил его дрожащим от волнения голосом Лестанг, у которого даже в глазах стало мутиться от волнения. – Вы пугаете меня... Скажите же нам что-нибудь... голова у меня идет кругом!..

– Увы, мой бедный друг, – произнес Леон, – как ни неприятно мне разочаровывать вас, но я должен сказать, что это не золото... а просто медь!

– Медь! Медь! – повторило несколько голосов, полных отчаяния.

– Возможно ли, о Боже!..

– Правда, зато это превосходнейшая руда, когда-либо существовавшая в целом мире! – продолжал Леон, который до известной степени был уже подготовлен к подобному разочарованию, основанному на упорстве его непогрешимой леониевой стрелки.

– Медь! Это медь! Значит, этот индеец – наглый лжец и обманщик! – раздраженно воскликнул Дюшато. – Значит, он насмеялся над нами!

– Но ты вполне уверен в том, что это медь? – спросил Поль Редон своего приятеля. – Докажи нам!

– Смотри, – ответил молодой ученый, – ты, очевидно, слышал о существовании пробирного камня?! Это – особого рода твердый базальтовый камень, посредством которого испытывают золото. Кусок испытуемого металла трут о пробирный камень, на котором остается желтая полоса от легкого слоя металла, приставшего к шероховатой поверхности камня. На эту-то желтую полосу наливают несколько капель соляной кислоты, и если данный металл – медь, то она мгновенно исчезает, так как медь растворяется в соляной кислоте; если же золото, то оно останется без изменения вследствие своей безусловной нерастворимости... Все это мы имеем здесь под рукою, стоит только достать из са-ней...

– Не утруждайте себя напрасно, мосье Леон, – вмешался старый Лестанг разбитым голосом, – я могу похвалить-

ся двадцатилетним опытом рудокопа и могу смело подтвердить, что вы правы! Это действительно медь... стоит только попробовать на язык... Да и как можно серьезно смешивать такой подлый металл с настоящим золотом?! – презрительно добавил он. – Правда, в первый момент я хотел себя уверить, что это и есть та самая «Мать золота», о которой я мечтал столько лет, целую четверть столетия. Да, но...

– Все это вина этого индейца! – воскликнул Дюшато, не находивший в себе той покорности воле судеб, какую проявлял его приятель, старый рудокоп.

– Как же ты обещал нам золото, а ведь это простая медь? – с раздражением обратился старый канадец к индейцу.

– Я не знаю, что значит золото и медь, – спокойно отвечал тот, – знаю только, что я обещал Лестангу указать ему и его бледнолицым друзьям место, где много-много желтого железа или, как вы говорите, желтого металла! Скажи, разве это не металл? Разве он не желтый? Разве его здесь не много? Не страшно много? Отвечай, так это или нет?

– Да, так!

– Так на что же ты жалуешься?

– И ради этого мы претерпели столько мучений!.. – задумчиво проговорил Лестанг. – А все-таки существует пресловутая легенда о «Матери золота», и легенда эта не пустой вымысел! – закончил он.

– Что ни говори, а я весьма опасаясь, что эта «Мать золота» – то же Эльдorado полярных стран, иначе говоря – плод

воображения! – произнесла Жанна. – Но вы не знаете, что такое Эльдorado! Я сейчас объясню. Близ экватора, в Гвиане, также стране золота, где царит не мороз, а страшная жара и невыносимый зной, сохранилось предание, что где-то в таинственном, почти никому недоступном месте, стоит громаднейший, великолепнейший дворец – Эльдorado, то есть золотой, принадлежащий одному знатному властелину, богатств которого нельзя и счесть. Весь его дворец, гласит молва, из литого золота, вся мебель, утварь, украшения, словом, все, даже статуи, изображавшие людей в натуральный рост, – все из литого золота. Замок этот, или дворец, люди отыскивали в течение нескольких веков, и многие пали жертвой своей страсти. Но вот однажды кому-то случайно посчастливилось найти громаднейший грот, поддерживаемый бесчисленными колоннами, где все горело и блестело, как чистое золото: в пещере двигались люди, совершенно нагие, но походившие на золотые статуи в натуральную величину. Оказалось, что стены грота, колонны и самый грот снаружи и даже люди – все это было натерто порошком слюды.

– Что же теперь делать? – задали все вопрос.

– Забыть о своем разочаровании, не оглядываться назад и бодро идти вперед! – отвечала Жанна.

– Да, дитя мое, ты права! Я был жестокий безумец, когда так резко и неблагодарно отнесся к этому бедному индейцу! – произнес Дюшато. – Он неповинен, так как для него нет разницы между золотом и медью. Он сдержал свое обещание

и самоотверженно переносил ради нас все, не рассчитывая ни на какое вознаграждение. Я того мнения, что его следует вознаградить за его труды и доброе намерение.

– Да, да! – хором поддержали все.

– Брат мой, ты сдержал слово; не твоя вина, что и ты, и мы обманулись! – продолжал он, обращаясь к краснокожему. – Видишь эти сани со всем их снаряжением, с поклажей и собаками? Возьми их, они твои!

Такого рода подарок в полярной стране представляет собою громадную ценность, особенно для индейца, который ничего не имеет и постоянно ведет самое жалкое существование. Индеец едва мог вымолвить несколько слов благодарности от душившего его волнения долго-долго смотрел он на свои санки, на собак, на тщательно увязанные тюки и упряжку и, наконец, произнес:

– Ах... белые люди – добры и щедры! Серый Медведь никогда не забудет этого: он будет братом для белых. Прощайте! – С этими словами он один тронулся в путь и вскоре исчез во мраке.

– А мы что будем делать? – осведомился Редон.

– Вернемся немедленно в медвежью пещеру, – был ответ Леона.

Глава VI

Стая волков. – Нападение. – Резня. – Как Редон греет свои пальцы. – Отступление. – Они пожирают друг друга. – Медвежья пещера.

Возвращение при таких условиях, когда температура упорно держится на 50° ниже нуля, когда возбуждение, подддерживавшее бодрость и силы, исчезло, сменившись унынием, было нелегким. Ко всему этому присоединились еще опасности, грозившие со стороны свирепого, хитрого врага – волков, ужасных полярных волков. Животные эти, обладающие поистине удивительным обонянием, чувствуют на громадном расстоянии всякую живность, человека, собаку или какое-либо другое животное, и потому не удивительно, что уже на второй день обратного путешествия наших друзей они появились вблизи поезда. Резкий, хриплый вой этих вечно голодных разбойников преследовал путников среди томительного полумрака полярной ночи. К счастью, мужчины, скорее, впрочем, по привычке, чем из предусмотрительности, имели при себе ружья и потому не испугались непрошенных гостей. Зато собаки, охваченные паническим ужасом, вдруг остановились и, сбившись в кучу, жались к ногам людей или прятались за сани.

– Берегите заряды! – вскричал канадец, видя, что его товарищи готовы дать общий залп в громадную стаю волков,

выделявшуюся темным пятном на белом снегу.

Мужчины и женщины выстроились полукругом, представляя сплошной ряд ружейных стволов; но против них была целая армия волков, по меньшей мере штук двести. Фосфорический блеск их глаз виднелся уже на расстоянии пятидесяти шагов. Лестанг первый дал выстрел – и один из волков передовой линии упал на месте, смертельно раненный. За этим выстрелом последовал целый ряд выстрелов – и полдюжины волков не стало. Выстрелы раздавались подобно грому в морозном воздухе снежной пустыни. Испуганные в первый момент волки на минуту приостановились, но затем устремились с новой силой на наших друзей.

Пальба продолжалась. Но если из семи зарядов каждого винчестера не останется ни одного, что тогда делать, как отразить страшное нападение голодных волков?

– Вот заряженный винчестер! – проговорил Редон, принимая из рук соседа уже разряженное ружье и вручая ему свое, с полным рядом патронов, и так продолжал заряжать для других одно ружье за другим из большого ящика с патронами, который он достал из саней и держал открытым перед собой.

Еще две атаки были с успехом отражены отважными путешественниками – и более половины волков полегло под этим почти непрерывным огнем. Наконец звери перестало подступать; фосфорический блеск их глаз как будто угас, затем слышался хруст костей и слабый вой, точно плач ребенка:

очевидно, уцелевшие пожирали теперь убитых и раненных собратьев.

– Ну, я думала, что нам пришел конец! – сказала Жанна, с видимым облегчением опуская свое ружье.

– Однако, как это ни прекрасно, что они отстали от нас, а все-таки у меня руки замерзли, особенно правая, – сказал Жан.

– И у меня тоже!.. И у меня!.. И у меня!.. – слышалось со всех сторон.

– А у меня руки теплые! – подсмеивался над ними Редон.

– Быть не может?! Вы – вечный зяблик!..

– Честное слово! Последуйте только моему примеру, и вы легко поверите: грейте руки о горячие стволы ваших ружей! Это прекраснейший способ!

– Да, но что нам делать теперь?

– Бежать, – отвечает Лестанг, – теперь волки занялись своим делом, и дня два их не отогнать от этого места, а мы за это время успеем далеко уйти, так что, когда они опять проголодаются и вспомнят о нас, нас и в помине не будет. Не так ли, друзья?

– Да! Да! Вперед, не теряя времени! – согласились все.

Собаки, обезумевшие от близости волков, и без того так и рвались вперед; их едва можно было удержать на месте. Вся маленькая экспедиция тронулась с места и без оглядки полетела вперед, сколько хватало сил.

Измученные, падающие от усталости, наши путники оста-

новились на ночлег среди равнины, где, разбив палатку и сварив ужин, обогрелись, насколько было возможно. Собак же пришлось стреножить, чтобы они не разбежались: воспоминание о волках, очевидно, преследовало их и теперь. К счастью, ночь прошла благополучно, и после десятичасового отдыха наши друзья снова пустились в путь. Новый день прошел так же, как и остальные дни их пути: тот же привал, та же процедура, но теперь они уже стали немного успокаиваться, так как волки не показывались. Однако канадцы, знавшие упорство волчьей природы, не рассчитывали, что опасность совершенно миновала, и были постоянно настороже.

Вдруг Жан, шедший в хвосте поезда и поминутно оборачивавшийся назад, крикнул «волки!» и, не теряя ни минуты, вскинул свое ружье к плечу и выстрелил. Дюшато сделал то же. После этого они стали стрелять поочередно, и каждый выстрел убавлял число врагов. По прошествии нескольких секунд штук двенадцать уже выбыло из строя; уцелевшие волки приостановились, но все-таки не обратились в бегство: очевидно, голод их был сильнее страха, они стали под выстрелами, как и в тот раз, пожирать павших.

Этим временем и воспользовались наши друзья, поспешив к своей медвежьей пещере, где они могли быть в полной безопасности и от стужи, и от зверей, и от людей, особенно с такими большими запасами всего необходимого, какие имелись у них. Но – увы! – по мере того, как они стали подвигаться на своем пути, и волки последовали за ними;

только наученные горьким опытом, они не нападали сплошной стаей, а отдельными, разрозненными группами в пять-шесть штук, зато сразу со всех сторон. Пришлось расстреливать их чуть не поодиночке, что под силу только искусным стрелкам. Наконец четвероногие хищники как будто поотстали; пользуясь этим, истомленные путешественники сделали привал, поужинали и расположились на ночлег. Пока они спали, собаки перегрызли свои путы и пустились бежать в разные стороны, чуя за собой близость погони. Но на каждую из них пришлось по десятку волков... Между тем наши друзья, только пробудившись, с ужасом заметили отсутствие собак. Как же быть с санями? Волей-неволей пришлось тащить их на себе, тащить по глубокому снегу и вместе с тем обороняться от волков и быть настороже каждую минуту.

До медвежьей пещеры оставалось еще два дня пути, В первую очередь впрягались в сани Леон, Дюшато и Редон, а обе девушки, Жан и Лестанг подталкивали сани сзади. Это было очень трудно, и не раз наши друзья спотыкались и падали, проклиная убежавших собак. Но делать было нечего, и скрепя сердце, обливаясь потом, все продолжали путь. Наконец показалась и медвежья пещера.

– О! – со стоном вырвалось из груди каждого. – Мы спасены!

Напрягая последние силы, несчастные достали из саней свои меховые мешки, служившие им постелями, втащили их под своды пещеры, где царила сравнительно сносная темпе-

ратура, затопили печь, зажгли лампу. Но ни у кого не хватило сил приняться за приготовление ужина; ни у кого не хватило сил бороться с непреодолимой сонливостью, и все, кое-как устроившись, немедленно завалились спать. Тяжелый крепкий сон сковал их веки; казалось даже, пушечный выстрел был бы не в состоянии разбудить теперь измученных людей. Между тем Портос, единственный верный пес, оставшийся при своем господине, давно уже стал рычать и злиться, наконец громко залаял и выскочил наружу, оскалив зубы и ощерившись, как еж.

Более сильный и чуткий, чем остальные, Жан, сделав над собой усилие, встал, едва держась на ногах. Вдруг ему стало ясно, что там, перед пещерой, происходит нечто необычайное. Очнувшись окончательно, он ползком направился к выходу, следом за своим верным Портосом: здесь, потеряв лицо снегом, чтобы отогнать одолевающий его сон, он дополз до собаки, схватил ее за ошейник и вместе с нею исчез во мраке. Остальные продолжали спать мертвым сном.

Глава VII

Пробуждение. – Это – динамит! – Опять враги. – Быть может, «Красная звезда». – Золото! – Вот она – «Мать золота»! – Суждено ли погибнуть?

Трудно сказать, сколько времени продолжался этот тяжелый сон, похожий скорее на летаргию, во всяком случае, несколько часов, после чего наступило ужасное пробуждение, Жан не вернулся в пещеру, но никто даже не подозревал об его отсутствии. Вдруг почва заколебалась, точно от землетрясения, как будто готовая осесть под спящими – и пещеру потрясло до самого основания. Одновременно с этим раздался оглушительный удар – и целый град обломков обрушился внутри пещеры, как при взрыве. Душераздирающие крики вырвались у внезапно пробудившихся, они стали окликать друг друга голосами, полными ужаса и отчаяния.

– Жанна! Жанна, где ты? Где вы? – восклицали одновременно Дюшато и Редон.

– Марта! Жан! – звал Леон.

Но никто из них не услышал ни звука, ни слова в ответ.

– Лестанг! Лестанг! – кричали несчастные.

– Я здесь! – отозвался старый рудокоп. – А молодежь-то где? Господи Боже! Да где же они?

– Огня! Огня! Скорее огня! – кричал Редон.

У каждого постоянно были: при себе кремень и огниво,

коробка спичек и свеча в небольшом футлярьчике. Канадец проворно зажег свою свечу и прежде всего осмотрел постели. Постель Жана не только была пуста, но и совершенно холодная, как и постели обеих девушек; следовательно, их отсутствие продолжалось уже некоторое время. Это необъяснимое исчезновение товарищей до того поразило наших друзей, что они даже забыли на мгновение о страшном взрыве.

Мужчины направились к выходу, чтобы взглянуть, что там снаружи, но, к их удивлению, самого выхода уже не было: взрыв уничтожил его, завалив громадными обломками. Несчастные были теперь заживо замурованы в этой пещере.

– Черт побери! Что же случилось? – воскликнул журналист. – Вероятно, произошел какой-нибудь обвал вследствие геологических явлений. Но у нас есть инструменты, мы дружно примемся за дело и откроем себе выход и...

– Да разве ты не чувствуешь запаха? – прервал его встревоженным голосом Леон. – Ведь это – запах динамита!

– Да, да... но неужели ты полагаешь, что это был умышленно подготовленный взрыв? Кто же мог это сделать?

– Кто?! Да те, кто увезли наши сани, похитили наших дорогих спутниц и Жана...

– Эх, черт возьми! А ведь ты, пожалуй, прав! Нас предварительно ограбили: ведь и сани исчезли... а я готов был допустить все, что угодно, кроме умышленного злодеяния... Это весьма похоже на дело рук «Красной звезды»!

– Да, я думаю о том же, именно это и пугает меня! – сказал

Леон.

– Как бы то ни было, нам следует как можно скорее при-
няться за дело! Где наши заступы и кирки?

– Да я же тебе говорю, что они унесли решительно все: и
оружие, и инструменты, и съестные припасы, словом, все!

– Будем искать выход, – заявил решительным тоном Дю-
шато, – здесь ютились двое медведей, следовательно, в пе-
щере должен быть еще другой выход!

– Да, это весьма возможно, надо постараться его найти!
Прежде всего осмотрим коридор, из которого проникли к
нам в пещеру эти медведи. Я пойду вперед, следуйте за мной,
друзья! – произнес канадец. Они вошли в коридор, широ-
кий и высокий вначале, но затем постепенно суживавший-
ся и шедший книзу, так что местами приходилось проле-
зать ползком. Кроме того, временами становилось настолько
душно, что несчастные стали бояться задохнуться от недо-
статка воздуха. Наконец они очутились в своего рода яме, где
можно было стоять во весь рост. Яма эта из мелкого, мягкого
песка имела от двух с половиной до трех сажен в диаметре
и вся была устлана мягким мхом, на котором еще валялись
там и сям обглоданные кости.

– Это-спальня медведей, – объявил Лестанг. – Как видите,
этот зверь любит удобства! Какая у него мягкая постель!

Стены этой ямы состояли из мягкого сыпучего песка, и
Редон, машинально поцарапав по ним ногтями, заявил: –
Будь у нас когти, как у медведей, мы могли бы прорыть себе

выход!

– Ничего здесь не поделаешь! – проговорил Леон. – Выхода нет: я осмотрел все!

– Надо осмотреть еще и другой коридор! – произнес Дюшато. – Не отчаивайтесь, посмотрим там!

И они снова отправились где ползком, где на четвереньках и, наконец, вышли в главную круглую залу пещеры. Второй коридор был гораздо ближе к месту взрыва и потому значительно пострадал от него: свод его был сильно расшатан, и некоторые глыбы над проходом едва держались, грозя ежеминутно обрушиться. Ввиду этого, прежде чем решиться войти сюда, наши друзья сочли необходимым удалить эти отделившиеся от свода глыбы, для чего было достаточно малейшего прикосновения к ним. Леон, как самый сильный и самый рослый, принял эту задачу на себя.

– Берегись! – крикнул он, хватаясь руками за одну глыбу.

Все посторонились. Раздался треск, оглушительный шум. Когда поднятая падением пыль немного улеглась, из уст наших друзей единодушно вырвался громкий крик при виде целой груды мутно-желтых комьев величиной не меньше двух здоровых кулаков. При свете одной свечи, бывшей в руках путешественников, трудно было хорошенько разобраться, сколько было тут золота, во всяком случае на миллионы, если не миллиарды. У всех мелькнула одна и та же мысль. Лестанг первый высказал ее: «Мать золота»! Вот она, «Мать золота»! На этот раз привычный глаз рудокопа не ошибся:

это было действительно золото, чистое золото, а не «желтое железо» простодушного индейца.

Старик Лестанг набросился на эти глыбы, прижимая их к груди, смеясь и плача в одно и то же время, лепетал, точно ребенок:

– Да... да... это то, что я так искал и уже не надеялся более найти. Теперь я могу умереть спокойно... О, как это чудесно!..

Несмотря на весь ужас своего положения и остальные невольно поддались этому странному, опьяняющему обаянию золота. Всех неумолимо тянуло взглянуть на это сказочное богатство. Поль Редон и Леон зажгли свои свечи, чтобы также насладиться этим зрелищем. И пред этими горами все забыли про грозящую им ужасную смерть; любящий отец забыл про свое дитя, свою единственную дочь, а бескорыстные в сущности и прекрасные молодые люди забыли про своих исчезнувших невест. Все было забыто, все, кроме какого-то безотчетного чувства алчности, какого-то опьянения золотом!

– Глыба эта свалилась оттуда, – точно в бреду бормотал Лестанг.

– Там, может быть, есть еще золото... может быть, еще много, много!

Несчастному золотоискателю уже показалось мало этих миллионов, мало всех этих несметных богатств, валяющихся под его ногами; он простирал свои дрожащие от волнения

руки к своду, сверкавшему самородками, при свете поднятой вверх свечи. «О, сколько золота! Его так много, до пресыщения, до отвращения, до переутомлены глаз!» Дикий порыв безумия снова охватил всех этих людей, но Дюшато в двое молодых людей очнулись под влиянием мысли о дорогих их сердцу существах.

– О Жанна, дитя мое ненаглядное, где ты? Ведь всего этого я желал только для тебя! – воскликнул несчастный отец.

– Марта, это все было для вас! – прошептал Леон.

– Какая злая насмешка судьбы? Теперь, когда мы стали царями золота, мы заперты здесь, как в ловушке, зарыты, замурованы?

– Надо придумать что-нибудь, чтобы выбраться отсюда, если мы не хотим умереть от голода!

– Умереть? Теперь? Кто сказал это страшное слово? – воскликнул старик Лестанг. – Теперь, когда мы стали царями земными, когда мы овладели «Матерью золота»! Я ничего более не желаю... ничего не хочу... это золото теперь наше!..

– А ведь моя стрелка была права, – думал между тем Леон, – вот почему она оставалась неподвижной: здесь повсюду золото; во все время нашего злополучного путешествия она упорно сохраняла направление на эту пещеру!

Наконец и старый Лестанг пришел в себя и понял весь ужас положения: эти архимиллионеры были несчастнейшими из людей, так как им среди груд золота грозила голодная смерть! У них не было ни одной капли воды, ни крохи пи-

щи, а между тем они легли даже без ужина, и голод начинал уже давать себя знать. Выхода по-прежнему не было: второй коридор был совершенно завален обрушившимися обломками. Приходилось возложить все надежды на главный выход, также заваленный, так что при самом тщательном осмотре нигде не оказалось ни малейшей трещины, через которую можно было бы вырваться из этой тюрьмы. Видя, что все их усилия не приведут ни к чему, Леон мрачно произнес:

– Нет, друзья, то, что сделал динамит, может разрушить только динамит, а те, кто думал похоронить нас здесь заживо, позаботились, чтобы у нас не осталось ни крохи его!

– Стало быть, нам остается только ожидать помощи извне?

– Да, но могут пройти десятки лет, прежде чем явится эта помощь! – с горькою усмешкою произнес Леон.

– Как знать?! Ведь все может случиться, даже и невозможное! – произнес Лестанг. – А Жан, а наши барышни?

– Но, быть может, они более нас нуждаются в помощи!

– А мне кажется, что они помогут нам, ведь они на воле, а мы здесь – в заключении!

– Дай Бог, чтобы вышло по-вашему! – проговорил с глубоким вздохом Дюшато.

Глава VIII

Подвиг лицеиста. – Человек и собака. – След. – Под сенью шатра. – Бандиты и их жертвы. – Мертвецки пьяные. – От жизни к смерти. – Новый подвиг Жана. – Те, кого не ожидали.

Встревоженный сердитым ворчанием Портоса, Жан, наконец, преодолел свой сон и в сопровождении собаки вышел из пещеры, чтобы разобраться, в чем дело. Он отошел уже сажень на двести от пещеры, когда вдруг спохватился, что при нем не было ни оружия, ни даже простой палки, а вблизи, может быть, бродят волки и решил вернуться обратно. Но едва успел он повернуться, как Портос, вырвавшись от него, с громким, яростным лаем кинулся вперед. Вслед за этим из мрака раздался чей-то резкий и странный голос:

– Да возьмите же вашу собаку: мы – друзья!

– Люди здесь? – подумал удивленный молодой человек. – Портос? Сюда! Ко мне!

Собака с видимой неохотой повиновалась, но продолжала рычать; за нею на расстоянии нескольких шагов появилась кучка людей, похожих на тени. Вскоре Жан ясно мог различить очертания пяти мужчин, укутанных в меха. Один из них обратился к нему по-французски, но с сильным английским акцентом.

– Мы – золотоискатели; наши сани и собаки немного по-

отстали! Мы возвращаемся в Доусон-Сити и ищем, где бы нам укрыться на ночь!

Голос показался Жану знакомым, и какое-то предчувствие дало знать, что эти люди – враги. Тем не менее он вежливо отвечал:

– Здесь неподалеку есть пещера, где находятся мои товарищи! Если хотите, я провожу вас туда!

С этими словами он кинулся к пещере, надеясь добежать туда раньше и поднять тревогу, чтобы встретить, как следует этих людей. Но – увы! – его окружили со всех сторон.

– Уложите его на месте, как молодого волчонка, – крикнул тот же жесткий голос, – это – маленький братец, я узнал его!

Сильный удар по голове ошеломил Жана; инстинктивным движением он протянул было вперед руки, но тут же упал шепча: «Они убили меня... Марта! Леон! Я умираю!»

Верный Портос с остервенением кинулся на злодеев, но сильный удар заставил его выпустить свою жертву, которую он успел было схватить за горло – и смелый пес упал почти замертво подле своего безжизненного господина.

– Ну, а теперь в пещеру! – скомандовал злодей, которому беспрекословно повиновались остальные. – Надо воспользоваться минутой, пока они еще не пробудились!

– Но этот-то, по крайней мере, не встанет?

– Этот? – презрительно повторил бандит. – О нем нечего беспокоиться, – молокосос, мальчишка! Таких ли я мигом отправляю на тот свет!

И они поспешили дальше, оставив на снегу, в луже крови, несчастного мальчика и его преданную собаку без признаков жизни.

Однако Портос остался жив. Эти громадные, сильные собаки вообще очень живучи. Вскоре он стал шевелиться, сопеть, чихать и, наконец, совершенно пришел в себя. Увидев своего господина, умный пес стал лизать ему лицо, отогревая его дыханием, но так как это не действовало, и юноша не оживал, понятливая собака стала разрывать вокруг него снег и легла к нему как можно ближе, стараясь отогреть его теплотой своего тела. Затем она опять стала лизать ему лицо... Вдруг раздался глухой подземный гул, затем звук страшного выстрела, и почва заколыхалась, дрогнула; вместе с этим юноша вдруг очнулся, и слабый крик вырвался из его груди. Портос, услышав этот крик, стал всячески выражать свою радость, визжать и ластиться к своему господину. Сделав над собою усилие, Жан сразу припомнил все – и ужас охватил его при мысли о чудовищной опасности, какой подверглись остальные в пещере. Он хотел встать, бежать к ним на помощь, пожертвовать для них последним мигом жизни, но не мог подняться: подтаявший под ним снег успел уже снова оледенеть; меховая одежда его примерзла к снегу, и несмотря на его слабые усилия он остался неподвижен. Сознание своей слабости и беспомощности вызвало невольные слезы у смелого юноши.

– Но мне же надо идти! Надо спасти их или умереть вме-

сте с ними! – шептал он и снова пошевелился, делая попытки приподняться; ему удалось ухватиться за ошейник Портоса, и доброе животное стало тянуть со всей силы и наконец оторвало его от снега.

Жан приподнялся; в ушах у него шумело, в голове ощущалась невероятная боль, в глазах стоял туман, в груди он чувствовал ледящий холод, и что-то тепловатое, мокрое, липкое смачивало его рубашку и нижнюю одежду.

– Вероятно, кровь! – думал мальчик. Мучительная жажда томила его, но он не поддался соблазну утолить ее снегом.

Вдруг вдали послышался легкий скрип лыж. Портос глухо зарычал.

– Молчи, Портос, молчи! – стал унимать его Жан, и, опасаясь, чтобы собака не выдала его своим лаем, он одной рукой зажал ему морду. Слышны были и голоса. Он узнал их: это – голос убийцы, угрожающий, злобный, и голос Марты, его сестры, молящий и рыдающий.

– Боже, они уведят мою сестру!.. О, я найду в себе силы следовать за ними! Я еще мальчик, но сумею справиться с этими негодяями! – думал отважный юноша.

Да, Марта плакала и вырывалась из рук злодеев. С нею была и Жанна, и никто не мог помочь им!..

При этой мысли у бедного раненого как будто выросли крылья, из слабого ребенка он превратился в атлета. Забывая и голод, и жажду, и слабость, и раны, он сделал шаг вперед в сопровождении своего верного пса, который, хотя и силь-

но хромал, тем не менее не хотел отстать от своего господина. Шатаясь, точно хмельной, спотыкаясь на каждом шагу, Жан стал подвигаться ползком, следуя за похитителями и не упуская их из виду.

Послушная собака поняла, что надо следовать крадучись, и перестала рычать.

Голосов уже не стало слышно, но Портос безошибочно вел своего господина по следу похитителей, руководствуясь своим чутьем. Несмотря, однако, на всю свою энергию, бедный Жан чувствовал, что силы его уходят с каждым шагом, что он все больше и больше слабеет.

– Но я дойду, дойду!.. – шептал геройский юноша, хотя дыхание хриплым свистом вырывалось у него из груди.

Вскоре он увидел перед собой большое темное пятно на снегу. Ему показалось, что это – ряд саней, а за ними палатка. Не подлежало сомнению, что это был лагерь бандитов. Но вот и шелковая палатка. Жан припал к ней ухом и стал слушать с замирающим сердцем. Оттуда доносились отвратительный запах спиртных напитков и грубые, пьяные голоса. Скоро, однако, все стихло, и слышался только пьяный храп уснувших негодяев.

Бедные девушки, связанные веревками по рукам и ногам, тихо плакали, съежившись в углу шатра. Вдруг легкий звук привлек их внимание, и струя холодного воздуха внезапно охватила их: острое лезвие ножа пропоролo тонкую шелковую ткань палатки, и покрытый инеем человек в сопровож-

дении такой же заиндевевшей косматой собаки вошел в шатер.

– Жан! – прошептала Марта.

– Тихо! Ни звука! – проговорил он чуть слышно.

И этот мальчик, этот умирающий раненый, исходящий кровью, склонился над спящим разбойником, схватил его за бороду и хладнокровно, как настоящий палач, перерезал ему горло от одного уха до другого. Слабый храп, фонтан крови – и дело было сделано. Затем он точно так же поступил и со следующим. Обезумевшие от ужаса и чувства отвращения при виде этих луж крови девушки закрыли лицо руками и прижались еще плотнее одна к другой. Между тем Жан продолжал свою кровавую расправу.

– Хватит ли только сил!.. – прошептал он, снова принимаясь за кровавое дело.

Еще один из негодяев отправился на тот свет. Рядом с ним лежал совершенно без всяких признаков жизни его сообщник, и его стал прирезать Жан, собрав остаток сил. Теперь остался еще один. Надо покончить и с ним! Он уже занес нож и нанес удар, но в ослабевшей руке юноши не было сил заколоть негодяя, она только ранила его, притом легко. Тот вскочил на ноги и, схватив юношу поперек тела, в один миг обезоружил его.

Еще секунда – и отважный мальчик стал бы жертвой злодея, но Портос, видя, что его господину грозит опасность, оскалив зубы и оцетинив шерсть, сильным прыжком кинул-

ся на негодея, опрокинул его, схватил за горло и довершил дело своего господина. В этот момент за палаткой послышались запыхавшиеся голоса.

– Сдавайтесь или все вы не сойдете с места! – И трое мужчин ворвались в палатку с заряженными пистолетами в руках.

Марта узнала этот голос.

– Мистер Тоби? – воскликнула она. – О, мистер Тоби! Помогите ему, пока еще не поздно... Жан лишился чувств!

– Вы здесь?! Как вы сюда попали, милые барышни?

– После, после, помогите ему!

Но Жан уже очнулся; шатаясь, поднялся он на ноги и с довольной улыбкой оглянулся кругом. Мистер Тоби разрезал веревки, которыми были связаны молодые девушки.

– О! Мы опоздали! – проговорил он. – Все дело сделал один мистер Жан? Вы – герой, мистер Жан!

Глава IX

Сила воли. – Возвращение к пещере. – Живы. – Опять динамит! – На свободе. – Рассказ Тоби. – Вознаграждение. – Выяснившаяся тайна. – При свете пламени. – «Красная звезда». – Последнее открытие.

– Жан? Жан! – воскликнула Марта, кинувшись на шею брата. – Боже? Ты ранен, на тебе кровь! Жанна, помогите мне сделать ему перевязку!

– Да, да, дорогая Марта, но какой холод! Надо закрыть эту щель какой-нибудь шкурой! – проговорил юноша.

– Сейчас, барышни, дайте нам только убрать отсюда эту падаль! Тут можно потонуть в крови! – проговорил Тоби и принялся вместе со своими товарищами вытаскивать одно за другим тела убитых из шатра.

Девушки суетились около Жана, желая ему помочь.

– Не надо, – сказал он, – я чувствую только некоторую тяжесть в голове, но это пройдет на морозе. Здесь душно и смрадно! Я ничего не ощущаю в груди; если и есть там рана, так кровь на ней запеклась и теперь она заживет сама собою. Поспешим скорее туда, к пещере, где остались наши друзья! Пока оставим все так, как есть, но захватим с собою одни сани: они ограбили все дочиста!

– Зато у нас наши сани в полной исправности! – возразил мистер Тоби.

– Тем лучше, избыток имущества никогда не мешает, захватим все!

Порешив на этом, все без дальнейших проволочек направились к медвежьей пещере, отстоявшей на полмили отсюда. Жан и обе девушки слышали разговор разбойников, но им не хотелось верить, что их друзья безвозвратно погибли, хотя взрыв и шум разрушения говорили сами за себя. Но вот они на месте преступления; кругом мертвая тишина.

Тем не менее Тоби схватил кирку и принялся бить что есть силы по стене. И вдруг – о радость! – изнутри также послышались ответные удары и крики.

– Они живы! Живы! Скорее сюда петарду²⁵!

Чтобы избежать обвала, Тоби поместил снаряд как можно выше и при этом крикнул что есть мочи:

– Отойдите, господа, в самую глубь пещеры: сейчас мы взорвем верхний свод!

Спустя несколько минут раздался взрыв, а когда дым рассеялся, Тоби воскликнул:

– Ура! Друзья мои!

– Ура! – отозвались изнутри знакомые голоса.

– Все ли живы?

– Все! Живы и невредимы!

Погребенные заживо вышли через брешь, проделанную взрывом; последовали объятия, бессвязные, радостные вос-

²⁵ Петарда – старинный снаряд в виде металлического сосуда, наполненного порохом, употребляемого для взрыва.

клицания, поцелуи.

Выждав, пока улеглись первые минуты волнения, мистер Тоби, со свойственной англичанам корректностью, поспешил представить друзьям своих товарищей, мистера Паскаля Робена и мистера Франсуа Жюно, канадцев родом.

Все в теплых выражениях принялись благодарить их, причем Леон добавил:

– Все мы, мистер Тоби, обязаны вам и вашим товарищам своею жизнью, а потому одной голословной благодарности мало, и хотя мы останемся вашими неоплатными должниками, но все-таки просим вас, мистер Тоби, принять от нас миллион, а вас, господа, каждого по 500 000!

– Да! Да! – подтвердили все остальные.

Затем все отправились в пещеру, затопили печь, стали готовить ужин. Здесь, расположившись на медвежьих шкурах у печки, Тоби рассказал своим друзьям, каким образом он явился так кстати.

– Я принадлежу к числу тех людей, – говорил он, – которые, начав какое-нибудь дело, любят непременно довести его до конца. История с Жое Нортоном и Ребенем Смитом не давала мне покоя. Я решил во что бы то ни стало разоблачить эту мистификацию.

– И вам удалось?

– Вот вы сейчас узнаете. Конечно, это было не легко: я следил, выслеживал и в конце концов убедился, что Жое Нортон и Ребен Смит – не одно и то же, что Боб Вильсон и Френсис

Бернетт, как мы полагали!

– Значит, судьи были правы?

– И да, и нет! Существуют все четверо: я Смит, и Вильсон, и Нортон, и Бернетт, причем Жое – двойник Боба, а Робен – двойник Френсиса. Сходство между этими негодьями до того поразительно, что при помощи легкого грима, каблуков повыше или пониже, подкрашенной бороды и волос они становились не отличимы друг от друга. В этом и весь секрет! Узнал я это посредством целого ряда фотоснимков. Фотография показала и сходство, и некоторое характерное различие этих, столь сходных на первый взгляд личностей, которые, надо заметить, никогда не собираются все вместе!

– Вы просто гений, Тоби!

Тот самодовольно улыбнулся и продолжал:

– Заручившись этими снимками и подружившись с этими господами, которые во всем оказывали мне помощь и содействие, я обратился к суду, и так как последний отнесся к этому делу довольно холодно, написал большую обличительную статью, в которой беспощадно громил и суд и судей, изобличал и всех четверых негодяев, перечисляя все их преступления, злодеяния и проделки. Одна из влиятельных газет приняла статью и тут же напечатала ее, уплатив мне громадный гонорар.

Статья эта имела такой успех и так подействовала на судей и на общественное мнение, что немедленно были приняты меры для ареста четырех негодяев, но те успели бежать.

Тогда суд пересмотрел дело – и мы были объявлены невинно пострадавшими. Негодяев преследовали, но они успели скрыться и только таким образом избежали закона Линча.

Тогда я и двое моих товарищей на трех санях и с полным снаряжением полярной экспедиции пустились преследовать их по снежной пустыне. Вдруг мы заметили, что их след сливается с другим следом, с вашим. Это так напутало нас, что мы с удвоенной скоростью стали нагонять их, но несмотря на все наши усилия, если бы не мистер Жаи, явились бы слишком поздно!

– Но, скажите, что же произошло с «Красной звездой»?

– Вы желаете знать, что с нею случилось? Прекрасно! Потрудитесь последовать за мной!

Все вышли и быстро направились к шелковой палатке. Не доходя пятидесяти шагов до нее, Тоби попросил всех остановиться и подождать немного, а сам побежал вперед, вылил на снег свою бутылку керосина и зажег его. Громадное пламя взвилось кверху и озарило кровавым заревом снеговую равнину. Крик ужаса вырвался из груди зрителей: на снегу вырисовывалось пять окровавленных тел. Случайно ли, или умышленно, эти объятые пламенем тела расположены были правильной пятигранной звездой.

– Вот она, «Красная звезда»! – воскликнул Тоби, указывая на них.

Заключение

Теперь нашим друзьям предстоял выбор между зимовкой в медвежьей пещере и зимовкой в Доусон-Сити. Все единогласно решили вернуться в блестящую молодую столицу Клондайка, где они могли найти все удобства; выждали только несколько дней, пока Жан совершенно оправился от своей раны, а за это время добыли большое количество золотых слитков и нагрузили ими сани умерших членов «Красной звезды». Золота оказалось по меньшей мере на 9.000.000 франков, но, произведя расчистку второй галереи, или коридора, старик Лестанг воскликнул:

– О нет, это уж слишком много! Смотрите! Ведь здесь все своды и стены из чистого золота! Право, я умру? Тут более чем на сотни миллионов!

– Да, это поистине сон из «Тысячи и одной ночи»! – согласились с ним остальные, но теперь вид этих несметных богатств уже не опьянял их; теперь их всецело охватило лихорадочное желание вернуться скорей на родину и бежать из этой безлюдной пустыни, из этого «ледяного ада», где жизнь была одною сплошною пыткой как для тела, так и для души.

И они поспешили захватить из таинственной сокровищницы столько золота, сколько могли увезти их сани. Навалив его целыми грудями, они тотчас же отправились в путь.

Возвращение прошло сравнительно благополучно, без

особых печальных приключений, а въезд в столицу Клондайк стал настоящим триумфальным шествием. За время их отсутствия успел совершиться полный переворот в образе мыслей обитателей этого города: их враждебное отношение сменилось восторженным благоговением перед счастливыми обладателями неисчислимых миллионов. Но эти шумные овации, эти празднества и даже самая сказочная роскошь обстановки лучшей гостиницы, оплачиваемая 100 франками в сутки с каждой персоны, – все это не удовлетворяло наших друзей. Не занимал и не радовал их и Доусон-Сити; они считали его первым этапом на пути к любимой Франции, о которой все они мечтали и куда стремились всей душой.

– Мы все, все едем во Францию! – говорили они.

Один только старый Лестанг пожелал здесь и умереть, в этой стране золота.

– Я, видите ли, – говорил он, – должен остаться здесь! Я буду вашим доверенным, управляющим и уполномоченным, и, не сомневайтесь, никто лучше меня не сумеет вести ваше дело! Кроме того, никто, кроме меня, не должен эксплуатировать «Мать золота»!

Все согласились со старым оригиналом.

Предстоящее путешествие во Францию приводило в восторг и Дюшато, и его дочь: ведь это – осуществление их заветной мечты, мечты каждого канадца французского происхождения: все они мечтают хоть раз в жизни повидать свою «старую родину».

Кроме того, общие печали и радости, общие волнения, лишения и опасности до того сблизили их, что даже Жанна, далеко не сентиментальная, положительно не могла себе представить разлуки со своими друзьями.

У них у всех была как бы одна душа. И все это случилось как будто само собой и, по словам Леона, само собой стало ясно, что Поль Редон и Жанна созданы друг для друга, так же как Леон и мадемуазель Марта.

– Не подлежит сомнению, – добавил он, – что по возвращении во Францию все это кончится, как в романе, двойною свадьбою, и если ты ничего не имеешь против, то мы поженимся в один и тот же день!

– Bravo! Во всяком случае, я благословляю эту страну морозов, где я нашел свое счастье! – вскричал Поль.

– До сих пор ты, кажется, только проклинал этот «ледяной ад»!

– Пусть же он отныне будет «снежным раем»! – воскликнул журналист.

– Я никогда не буду называть его иначе!